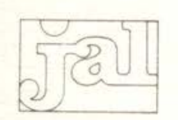
colloquium slavicum 7

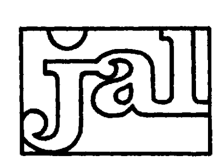
ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Edited by
Vsevolod Setchkarev
and Margaret Dalton

jal-verlag · würzburg

jai

colloquium slavicum

Beiträge zur Slavistik

Band 7

jal-verlag · würzburg

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Edited by
Vsevolod Setchkarev
and
Margaret Dalton

jal-verlag · würzburg
1975
ISBN 3 7778 0134 8

Printed by: repro-druck „Journalfranz" Arnulf Liebing, Würzburg
Printed in Germany
ISBN 3 7778 0134 8

Biographical Note

Georgij Ivanov was born on October 29, 1894, in the province of Kovno, Russia, and was educated at the Cadet Corps in St.Petersburg. His first collection of verses appeared when he was only eighteen years old, and he was accepted as a promising poet by such prominent literary figures as Valerij Brjusov, Nikolaj Gumilev and Igor' Severjanin. After the 1917 Bolshevik Revolution Ivanov left Russia with his wife, the poetess Irina Odoevceva (1921), and settled permanently in Paris. Here he became one of the most outstanding representatives of Russian intellectual and literary life. During World War II he lived mainly in Biarritz, and returned to Paris with his wife after the liberation. However, being financially ruined, and unable to find literary work (most Russian language journals had disappeared during the German occupation), Ivanov was finally forced to take up residence in an Old People's Home in Hyeres, Southern France. There he died on August 27, 1958, partly due to an unpropitious climate that undermined his already weakened health.

About This Edition

This edition is divided into three parts. The first part contains all of Ivanov's Collections of poems. The Collections came out in small numbers and were sold out in a very short time. This is the reason why many poems from older Collections were reprinted in the following ones. It would, of course, make no sense to repeat them several times in this volume. As, on the other hand, there are variants in the repetitions (esp.concerning punctuation) the reader will find them in Appendix I. Part of the Collections was printed according to the old orthography, part according to the new. This difference was disregarded in the variants. If the print in a Collection seemed too bad for photomechanic reproduction, it was copied exactly as it appeared in the original.

Appendix II contains all Tables of Contents of the individual collections, so the reader can see the sequence in which the poems originally appeared. The pagination, of course, does not refer to this volume, but there was no choice than to use it in Appendix I. A table of titles of all poetry Collections in chronological order will be found on page 341.

The second part contains poems published by Georgij Ivanov in different periodicals and some poems sent to us by Irina Odoevceva, which are being published here for the first time. We did not deem it necessary to separate the "serious" ones from the "humorous," but give them chronologically. If it was impossible to determine the year of their writing, the publication year was taken as a guide line. Appendix III indicates all source references to these poems.

The third part is devoted to the "Posthumous Diary" ("Posmertnyj dnevnik"). In Appendix IV the reader will find all necessary explanations and source references.

This edition is not complete. There are, no doubt, some poems by Ivanov either in private hands, or scattered in old periodicals and newspapers inaccessible to us. But they are certainly not numerous. It turned out to be extremely difficult or even impossible (especially in the case of poems published before Ivanov's emigration) to ascertain the dates of the first printing of poems, which were afterwards included in Collections. A search for these dates would have been extremely time-consuming, so we decided to omit them entirely. The same is true as regards a commentary: to comment on factual data (e.g. the "who is who" of addressees in the infrequent dedications) would delay this edition without adding anything to the understanding of the poems as such. Ivanov's poetry – as all really great poetry – does not require explanations in order to be felt and understood.

We would like to thank Mme. Irina Odoevceva for sending us several unpublished poems by Ivanov from her archives, for her valuable information about some of them, and for granting permission to publish this volume.

The poetic work of Georgij Ivanov – without any doubt one of the greatest Russian poets of this century – has become accessible now. We hope that some time it will also be possible to reprint his artistic prose and his spirited literary criticism.

The Editors

Contents

PART I

ГЕОРГІЙ ИВАНОВЪ

ОТПЛЫТЬЕ НА о. ЦИТЕРУ

ПОЭЗЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

Путь мой трудный, путь мой длинный,
Я – одинъ въ странѣ пустынной,
Но услады есть въ пути –
Улыбаюсь, забавляюсь,
Самъ собою вдохновляюсь –
И не скучно мнѣ итти.

Ѳ. Сологубъ.

1 МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ ПАСТУХЪ.

Прологъ.

Мнѣ тѣло грѣетъ шкура тигровая,
Мнѣ свѣтитъ нѣжности звѣзда.
Я, гимны томные наигрывая,
Пасу мечтательно стада.

Когда Дiана станетъ матовою
И сумракъ утренне-глубокъ,
Мечтою бережно разматываю
Воспоминанiя клубокъ.

Иду тогда тропинкой узенькою
Къ рѣкѣ, гдѣ шепчутъ тростники,
И очарованъ сладкой музыкою
Плету любовные вѣнки.

И, засыпая, вижу пламенныя
Сверканья гаснущей зари...
Въ пруды, платанами обраменные,
Луна роняетъ янтари.

И чьи-то губы цѣломудренныя
Меня волнуютъ слаще розъ...
И чьи-то волосы напудренные
Моихъ касаются волосъ...

Проснусь - въ росѣ вся шкура тигровая,
Шуршитъ тростникъ, мычатъ стада...
И снова гимны я наигрываю
Тебѣ, тебѣ, моя звѣзда!

2 СОНЕТЪ - ПОСЛАНІЕ.

Игорю Сѣверянину.

Я долго ждалъ посланія отъ Васъ,
Но нѣтъ его и я тоской израненъ.
Зачѣмъ Вы смолкли, Игорь Сѣверянинъ,
Тамъ въ городѣ, гдѣ гамъ и звонъ кирасъ?

Ночь надо мной струитъ златой экстазъ,
Дрожитъ во мглѣ невѣрный лукъ Діанинъ...
Ахъ, міръ ночной загадоченъ и страненъ
И кажется, что твердь съ землей слилась.

Звучитъ вдали Шопеновское скерцо,
Въ томительной разлукѣ тонетъ сердце,
Листъ падаетъ и близится зима.

Ужъ нѣтъ ни розъ, ни ландышей, ни лилій;
Я здѣсь грущу и Вы меня забыли...
Пишите же, - я жду отъ Васъ письма!

3 ЛЮБОВНОЕ ЗЕРКАЛО.

Вотъ зеркало мое - прими его, Киприда!

А. Пушкинъ.

НА ОСТРОВѢ ЦИТЕРѢ.

Волны кружевомъ обшиты
Сладко пламенной луны.
Золотые хризолиты
Брызжутъ ввысь изъ глубины.

На прибрежіяхъ зеленыхъ
Ждутъ влюбленныхъ шалаши.
О желаньяхъ утоленныхъ
Напѣваютъ камыши.

Смуглый отрокъ, лиру строя,
На красавицъ цѣлитъ глазъ.
Не успѣла глянуть Хлоя,
Какъ стрѣла ей въ грудь впилась...

Волны, вѣрныя Венерѣ,
Учатъ шалостямъ дѣтей.
Не избѣгнуть на Цитерѣ
Купидоновыхъ сѣтей!

4 РАННЯЯ ВЕСНА.

Зима все чаще дѣлала промахи,
Незамѣтно растаяли снѣга и льды.
И вотъ уже радостно одѣты сады
Пахучими цвѣтами черемухи.

Въ зелени груститъ мраморный купидонъ
О томъ что у него каменная плоть.
Дѣвушка къ платью спѣшитъ приколоть
Полураспустившiйся розовый бутонъ.

Ахъ, ранняя весна, какъ мила мнѣ ты.
Какая неожиданная радость для глазъ:
Проснувшись утромъ, увидѣть тотчасъ
Залитые веселымъ солнцемъ цвѣты.

5 Луна взошла совсѣмъ какъ у Вэрлена:
Старинная въ изысканномъ уборѣ
И синiе лучи упали въ море.

"Зачѣмъ тобой совершена измѣна"...
Рыдалъ пѣвецъ, томясь въ мишурномъ горѣ,
И сонная у скалъ шуршала пѣна.

ТРІОЛЕТЫ.

6 1. Влюбленіе.

Амуръ пронзилъ меня стрѣлою,
Не знаю я, что дѣлать мнѣ.
Куда ни гляну вижу Хлою...
Амуръ пронзилъ меня стрѣлою,
Моей любви никакъ не скрою,
Сгорая въ сладостномъ огнѣ.
Амуръ пронзилъ меня стрѣлою,
Не знаю я, что дѣлать мнѣ.

7 2. Отвергнутая страсть.

Отвергнута любовь поэта...
Ахъ, Хлоя, безсердечна ты!
Въ моихъ глазахъ не стало свѣта,
Отвергнута любовь поэта...
Отъ ароматнаго букета
Остались вялые цвѣты...
Отвергнута любовь поэта...
Ахъ, Хлоя, безсердечна ты.

8 3. Счастливый примѣръ.

Воркуютъ голуби премило
Межъ зеленѣющихъ вѣтвей.
Весна объятья имъ открыла...
Воркуютъ голуби премило,
Любовь ихъ нѣжно истомила,
Они спѣшатъ отдаться ей.
Воркуютъ голуби премило
Межъ зеленѣющихъ вѣтвей...

9 4. Утѣшеніе.

Что плакать о любви несчастной,
Когда огонь въ крови горитъ!
Весной веселой и прекрасной
Что плакать о любви несчастной...
Зовутъ къ забавѣ сладострастной
Меня наперсницы харитъ.
Что плакать о любви несчастной,
Когда огонь въ крови горитъ!

10 РОМАНСЪ.

Амуръ мнѣ играетъ пѣсни,
Стрѣлою ранитъ грудь –
Сегодня я интереснѣй
Чѣмъ когда нибудь!..

Стыдливыя румяна
Зажгла на щекахъ любовь...
Мнѣ право какъ то странно
Ее услышать вновь...

Подъ музыку я танцую
На берегу рѣки,
Въ холодныя струи
Бросаю свои вѣнки...

Монаха и святотатца
Я всѣхъ теперь обниму, –
Готова отдаться
Все равно кому!

Звучатъ любовныя пѣсни,
Глаза застилаетъ муть...
Сегодня я интереснѣй
Чѣмъ когда нибудь!..

11 СОНЕТЪ.

Любовь Николаевнѣ Борэ.

Въ заливъ, закатной кровью обагренный,
Садилось солнце. Матовый кристаллъ
Луны оранжевой медлительно всплывалъ,
Дробясь и рдѣя въ зыби водъ безсонной.

Рукою опершись о пьедесталъ
Богини мраморной, съ улыбкой благосклонной
Красавица внимала, какъ влюбленный
Слова признанья нѣжно ей шепталъ:

"Прелестнѣй Васъ въ златыхъ поляхъ едва-ли
Аркадіи божественной встрѣчали
Или въ садахъ счастливыхъ гесперидъ!

Сладчайшія сулите Вы надежды"...
Она-жъ въ отвѣтъ, склонивъ съ усмѣшкой вѣжды:
"Тотъ часто лживъ, кто складно говоритъ!"

12 ТРІОЛЕТЪ.

"Люблю", - сказалъ поэтъ Темирѣ,
Она отвѣтила - "И я".
Гремя на сладко струнной лирѣ,
"Люблю", - сказалъ поэтъ Темирѣ...
И все они забыли в мірѣ
Подъ сѣнью дуба у ручья.
"Люблю", - сказалъ поэтъ Темирѣ,
Она отвѣтила - "И я".

13 ГАЗЭЛЛА.

Скакалъ я на своемъ конѣ къ тебѣ, о любовь.
Душа стремилась въ сладкомъ снѣ къ тебѣ, о любовь.

Я слышалъ смутно лязгъ мечей и пѣніе стрѣлъ,
Летя отъ осени къ веснѣ, къ тебѣ, о любовь.

За Фебомъ рдяно золотымъ я несся во слѣдъ,
Онъ плылъ на огненномъ рунѣ къ тебѣ, о любовь.

И въ ночь я не слѣзалъ съ коня, узды не кидалъ,
Спѣша, довѣрившись лунѣ, къ тебѣ, о любовь.

Врагами тайно окруженъ, израненъ я былъ,
Но все стремился къ вышинѣ, къ тебѣ, о любовь.

Истекши кровью, я упалъ на розовый снѣгъ...
Лечу, лечу, казалось мнѣ, къ тебѣ, о любовь.

КЛАВИШИ ПРИРОДЫ.

14 У МОРЯ.

Мы вышли изъ комнаты душной
На воздухъ томящiй и сладкiй;
Глядѣли семьей равнодушной
Съ балкона лиловыя братки.

Звучали морскiя свирѣли,
Метались рубины по брызгамъ...
Мы долго бродили безъ цѣли
Межъ камней на берегѣ низкомъ.

О, кружево Вашего платья –
Такъ нѣжно, такъ дымчато-тонко,
Какъ газъ у подножья распятья,
Какъ греза въ молитвѣ ребенка.

Огнемъ неземныхъ откровенiй
Сiяли закатныя дали
И копья неясныхъ томленiй
Отверстую душу пронзали.

Зари огнецвѣтной порфира
Блѣднѣла, медлительно блекла...
И стало туманно и сыро.
Мы – спрятались снова за стекла.

15 ИКАРЪ.

Завѣтный сонъ въ душѣ моей
Расцвѣлъ и далъ стремленью крылья:
Мнѣ свѣтятъ травы зеленѣй,
Легки мнѣ первыя усилья.

Я сотворилъ себѣ полетъ,
И эхо ужаса раздалось...
И полетѣлъ я ввысь, впередъ,
Куда лишь солнце подымалось.

И пораженная рѣка
Въ нѣмомъ безумiи застыла.
Я видѣлъ смерть издалека,
Въ лазурь она меня манила.

И дерзкiй червь, рожденный тьмой,
Я къ солнцу свой полетъ направилъ,
Но взоръ свѣтила огневой
Мнѣ крылья мощныя расплавилъ.

И я упалъ, какъ горнiй прахъ.
Я въ тлѣнъ ушелъ - безумецъ тлѣнный...
Я умиралъ... Въ моихъ ушахъ
Смѣялось солнце, царь вселенной.

1910.

16

Моей тоски не превозмочь,
Не одолѣть мечты упорной;
Уже медлительная ночь
Свой надвигаетъ призракъ черный.

Уже пустая шепчетъ высь
О часѣ горестномъ и близкомъ.
И тѣни красныя слились
Надъ солнечнымъ кровавымъ дискомъ.

И все несноснѣй и больнѣй
Мои томленiя и муки.
Схожу съ гранитныхъ ступеней,
Къ закату простираю руки.

Увы - безмолвенъ, какъ тоска,
Закатъ пылающiй далече.
Вѣдь онъ и эти облака
Лишь мглы побѣдные предтечи.

17 Птица упала. Птица убита...
Въ небѣ пылаютъ кровавыя зори.
Изъ изумруда, изъ хризолита
Въ пурпурѣ свѣта пѣнится море.

Въ небѣ сіянье, въ небѣ прощенье,
Къ грезамъ весеннимъ дорога открыта...
Пѣна морская мрачною тѣнью
Бьется о берегъ. Птица убита.

1910.

18 ВЕСЕННІЕ АККОРДЫ.

Склонились на клумбахъ тюльпаны,
Туманами воздухъ пропитанъ.
Мнѣ кажется будто бы спитъ онъ,
Истомой весеннею пьяный.

Луна, альмадиновъ кровавѣй,
Надъ садомъ медлительно всплыла
И матовый лучъ уронила
На тускло-мерцающій гравій.

Иду у рѣки осторожно...
Боюсь Водяного - утопитъ.
Томленія кубокъ не допитъ,
Но больше мечтать - невозможно...

19 На двѣ части твердь разъята:
Лунный серпъ горитъ въ одной,
А въ другой костеръ заката
Рдѣетъ красной купиной.

Мѣсяцъ точитъ струи свѣта,
Взятый звѣздами въ полонъ.
Даль еще огнемъ одѣта,
Но уже серебрянъ ленъ.

И надъ бѣлою молельной
Ночи грусть плыветъ тиха,
Льется музыкой свирѣльной
Неживого пастуха.

Скоро смолкнетъ шумъ неясный,
Въ тишинѣ поля уснутъ...
И утонетъ мѣсяцъ красный,
Не осиливъ звѣздныхъ путь.

20 Солнце разлилось по спѣлымъ вишнямъ,
Сверкая радостно и томя.
Своимъ мечомъ – сіяніемъ пышнымъ –
Землю ударило плашмя.

И стали дали великолѣпнѣй,
Чѣмъ свѣтомъ луны опаленный ледъ...
Мой духъ восторженный, окрѣпни
И славь царя, побѣдный летъ!

21 УТРОМЪ.

Заколдованы утромъ дома,
И безлюдье чаруетъ меня,
И баюкаетъ свѣжесть меня.
Въ небѣ – крылья морознаго дня.

Одинокіе люди идутъ,
Но все тихо какъ будто ихъ нѣтъ.
Никого, никого будто нѣтъ...
Въ вышинѣ – блѣдно розовый свѣтъ.

1910.

22 ОТТЕПЕЛЬ.

Снѣгомъ наполнена урна фонтана,
Воды замерзшiя больше не плачутъ.
Нимфа склонилась въ тоскѣ у бассейна,
Съ холодомъ зимнимъ бороться не въ силахъ.

Всплыло печальное свѣтлое солнце,
Бѣлую землю стыдливо пригрѣло.
Вспомнила нимфа зеленые листья,
Лѣтнее солнце въ закатной порфирѣ,

Брызги фонтана въ прозрачности милой,
Лунную нѣгу и вздохи влюбленныхъ...
Слезы изъ глазъ у нея полилися,
Тихо къ подножью стекая.

1910.

23 Луна упала въ бездну ночи,
Дремавшiй вѣтеръ окрыливъ,
И сталъ тревожнѣй и короче -
Уже невидимый - приливъ.

И мрака черная трясина
Меня объяла тяжело.
И снова сердце безъ причины
Въ печаль холодную ушло.

Я ждалъ - повѣютъ ароматы,
Я вѣрилъ - вспыхнутъ янтари...
...И въ полумглѣ зеленоватой
Зажегся тусклый нимбъ зари.

24 ПѢСНЯ О ПИРАТѢ ОЛЕ.

Развинченная баллада.

Кто отплылъ ночью въ море
Съ грузомъ золота и жемчуговъ
И стоитъ теперь на якорѣ
У пустынныхъ береговъ?

Это тотъ, кого несчастье
Помянуть три раза врядъ.
Это Оле - властитель моря,
Это Оле - пиратъ.

Царь вселенной рдяно-алый
Зажегъ тверди и моря.
Къ отплытью грянули сигналы
И поднялись якоря.

На высокихъ мачтахъ зоркiе
Неподкупные дозорные,
Бригъ блеститъ, какъ золото,
Паруса надулись черные.

Солнце ниже, солнце низится,
Солнце низится усталое;
Опустилось въ воду сонную
И темнѣютъ дали алыя.

Налетѣли вѣтры,
Затянуло небо тучами...
Буря близится. У берега
Брошенъ якорь между кручами.

Вихри, вихри засвистали,
Судно - кинули на скалы;
Громы - ужасъ заглушали,
Съ трескомъ палуба пылала...

Каждой ночью бригъ несется
На огни маячныхъ башенъ;
На носу стоитъ самъ Оле -
Окровавленъ и страшенъ.

И дозорные скелеты
Качаются на мачтахъ.
Но лишь въ небѣ встанутъ зори,
Призракъ брига тонетъ въ морѣ.

25 СОНЕТЪ-АКРОСТИХЪ.

Грааль Арельскому.

Въ отвѣтъ на Его посланіе.

Гостиная. Кудрявый купидонъ
Румянится, какъ розовая астра.
Азаліи горятъ закатомъ страстно,
А я мечтой творю весенній сонъ.

Любовь томитъ. Я сладко опаленъ
Юноною, но не изъ алебастра.
Ахъ, что мнѣ смерть и грозы Зороастра -
Рука моя сильнѣе всѣхъ временъ.

Едва ль когда подъ солнцемъ иль луной
Любовнѣе чѣмъ Вашъ, Грааль Арельскій,
Сонетъ сверкалъ истомно-кружевной!

Кладу его я въ ящичекъ корельскій...
О милый даръ, благоухай всегда
МУчительнѣй и слаще, чѣмъ звѣзда!

26 КОГДА ПАДАЮТЪ ЛИСТЬЯ...

ОСЕНЬ.

Бродятъ понуро
Фавны и нимфы
Въ чащѣ лѣсной.
Царство амура
Скрыли заимфы
Осени злой.

Рдяныя сѣти
Листьевъ огнистыхъ
Падаютъ въ логъ.
Осени дѣти
Изъ аметистовъ
Вяжутъ вѣнокъ.

Голые сучья
Дрогнутъ отъ хлада,
Клонятся внизъ.
Тщетно кипучій
Сокъ винограда
Льетъ Діонисъ...

27 ВЕЧЕРНІЯ СТРОФЫ.

Мѣсяцъ сталъ надъ бѣлымъ костеломъ,
Старый садъ шепнулъ мнѣ: "Усни"...
Звѣзды вечера передъ Божьимъ престоломъ
Засвѣтили тихіе огни.

И плывутъ кружевные туманы,
Бѣлымъ флеромъ все заволокли.
Я иду сквозь нѣжный сумракъ, пьяный
Тонкимъ дыханіемъ земли.

Мной владѣетъ странная истома,
Жаля душу, какъ прожитые дни.
Шелестъ сада грустно-знакомый
Неотступно шепчетъ: "Усни"...

28 ОСЕНЬ ПРИШЛА...

Мертвую дѣвушку въ полѣ нашли.
Вялыя травы ей станъ оплели.

Взоры синѣли, какъ вешніе льды.
Въ косахъ - осколки вечерней звѣзды.

Странной мечтою туманился ликъ.
Сѣрый ковыль къ изголовью приникъ.

Плакала тихо вечерняя мгла.
Небо шептало, что осень пришла...

29 ЭЛЕГIЯ.

Ночь свѣтла и небо въ яркихъ звѣздахъ.
Я совсѣмъ одинъ въ пустынномъ залѣ;
Въ немъ пропитанъ и отравленъ воздухъ
Ароматомъ вянущихъ азалiй.

Я тоской неясною измученъ
Обо всемъ, что быть уже не можетъ.
Темный залъ - о, какъ онъ сѣръ и скученъ! -
Шепчетъ мнѣ, что лучшiй сонъ мой прожитъ.

Сколько тайнъ и нѣжныхъ сказокъ помнятъ,
Никому повѣдать не умѣя,
Анфилады опустѣлыхъ комнатъ
И портреты въ старой галлереѣ.

Если-бъ былъ ихъ говоръ мнѣ понятенъ!
Но, увы, - мечта моя безсильна.
Рѣжутъ взоръ мой брызги лунныхъ пятенъ
На портьерѣ выцвѣтшей и пыльной.

И былого нѣжная поэма
Молчаливѣй тайнъ iероглифа.
Все безстрастно, сумрачно и нѣмо.
О мечты - безплодный трудъ Сизифа!

30 ОСЕННIЙ БРАТЪ.

Онъ - инокъ. Онъ - Божiй. И буквы устава
Всѣ мысли, всѣ чувства, всѣ сказки связали.
Въ душѣ его травы, осеннiя травы,
Печальные лики увядшихъ азалiй.

Онъ изрѣдка грезитъ о дняхъ, что уплыли.
Но грезитъ устало, уже не жалѣя,
Не видя сквозь золото ангельскихъ крылiй,
Какъ въ танцѣ любви замерла Саломея.

И стынетъ луна въ блѣдно-синей эмали,
Нѣмѣютъ души умирающей струны...
А буквы устава всѣ чувства связали, –
И блекнетъ онъ Божій, и вянетъ онъ юный.

1910.

СТАНСЫ.

1.

31 Ахъ, небосводъ свѣтлѣе сердолика:
Прозраченъ онъ и холоденъ и пустъ.
Кровавится среди полей брусника
Какъ алость мертвыхъ устъ.

Минорной музыкой звучатъ рѣчныя струи,
Скользятъ надъ влагой тѣни лебедей,
А осени нѣмые поцѣлуи
Все чаще, все больнѣй.

2.

32 Маскарадъ былъ давно, давно оконченъ,
Но въ темномъ залѣ маски бродили,
Только ихъ платья стали тоньше:
Точно изъ дыма, точно изъ пыли.

Когда на разсвѣтѣ небо оплыло,
Онѣ истаяли, онѣ исчезли.
Осеннее солнце, взойдя, озарило
Блѣдную дѣвочку, спящую въ креслѣ.

33 М. Кузмину.

Вотъ – письмо. Я его распечатаю
И увижу холодныя строки.
Непривѣтливыя и далекія,
Какъ осенью – статуи...

Разрываю конвертъ... Машинально
Синюю бумагу перелистываю.
Надъ озеромъ заря аметистовая
Отцвѣтаетъ печально.

Тихая скорбь томительная
Душу колышетъ.
Никогда не услышитъ
Милаго голоса обитель моя.

34 У окна.

На портьеръ зеленый бархатъ
Лучъ луны упалъ косой.
Нѣмъ и ясенъ въ вѣщихъ картахъ
Неизмѣнный жребiй мой.

Каждый вечеръ сна, какъ чуда,
Буду ждать я у окна.
Каждый день тебя я буду
Звать, ночная тишина.

Подъ луною призракъ грозный
Окрыленнаго коня
Понесетъ въ пыли морозной
Королевну и меня.

Но съ зарей свѣтло и гнѣвно
Солнце ввысь метнетъ огонь,
И растаетъ королевна,
И умчится бѣлый конь.

Тосковать о лунномъ небѣ
Вновь я буду у окна,
Проклиная горькiй жребiй
Неоконченнаго сна.

35 ОСЕНИ ПИРЪ...

А.Д. Скалдину.

Осени пиръ къ концу ужъ приходитъ:
Блекнутъ яркія краски.
Солнце за ткани тумана
Прячется чаще и рѣдко блистаетъ.

Я тоской жестокой израненъ,
Сердце тонетъ въ печали.
Нѣту со мною любимой
Ахъ! не дождаться мнѣ радостной встрѣчи.

Ропщетъ у ногъ прибой непокорный,
Камни сѣрые моя.
Тщетно я лирные звуки
Съ злобной стихіей смиренно сливаю.

Не укротить вспѣненной пучины,
Съ вѣтромъ спорить – безцѣльно.
Страсти безплодной волненья
Въ сердцѣ моемъ никогда не утихнутъ.

Осени пиръ къ концу ужъ приходитъ,
Сердце тонетъ въ печали.
Слабыя струны, порвитесь!
Падай на камни, безсильная лира...

36 СОЛНЦЕ БОЖІЕ.

ЗАРЯ ПАСХАЛЬНАЯ.

Господня грудь прободенная
Точитъ воду и кровь,
Учитъ вѣрить въ любовь
Грудь, копіемъ прободенная.

Рдѣетъ алостью розъ
Грудь Христова пронзенная,
Каплетъ кровь, освѣтленная
Нѣжнымъ вѣяньемъ розъ.

Кровью земля окропленная
Видитъ воскресъ Христосъ.
Въ небо ангелъ вознесъ
Одежды его освѣтленныя...
Рдѣетъ полымя розъ.

37 СОЛНЦЕ БОЖІЕ.

Заиграли лучи въ кіотѣ,
Пробѣжали по древку креста,
И зардѣли раны Христа...
Вновь пылаютъ глаза и уста
У иконъ въ запыленномъ кіотѣ.

Золотая блистаетъ парча,
Складни алой мѣдью сіяютъ,
Скорбныя мечты расцвѣтаютъ
Въ пламени рдяномъ луча.
Золотая блистаетъ парча.

Раскрываясь пылаетъ розанъ,
Запыленная воскресла обитель...
О, Христосъ, душъ умилитель,
О, Христосъ, сердецъ плѣнитель,
Прободенный копіемъ розанъ!

О, сердечный сладкій восторгъ!
Взоръ Господенъ исполненъ боли...
О, Христосъ, ты кровь нынче пролилъ
И сердца изъ скорби исторгъ.
О, сердечный сладкій восторгъ!

Ярые пылаютъ лучи,
Алыя капельки крови,
Первыя лобзанья любови,
Предвѣстники грядущей нови,
Рдяные Христовы лучи.

Солнце Божіе душу зажгло,
Въ храминѣ тихой свѣтло,
Радостно оклады сіяютъ,
Райскіе лучи расцвѣтаютъ...
Солнце Божіе душу зажгло.

38 СХИМА.

Укрѣпился въ благостной вѣрѣ я,
Схима святая близка.
Райскія сини предверія,
Быстрыя бѣгуть облака.
Я прощаюсь съ былью любимою,
Покидаю мой милый міръ.
Чтобъ одѣться солнечной схимою,
Въ дальній путь иду нагъ и сиръ.
Въ сердцѣ розы Христовы рдяныя,
Цѣпь моя не тяжка,
Ухожу въ зоревые туманы я -
Иная участь близка.

39 Вновь сыплеть осень листьями сухими
На мерзлую землю.
Вновь я душой причастенъ свѣтлой схимѣ
И осени внемлю.
Душа опять златой увита ложью,
И радостна мука.
Душа опять, стремясь по бездорожью,
Ждеть трубнаго звука.
Вновь солнце Божіе плыветь, дѣля туманы,
Къ обманному раю.
Вновь солнце Божіе мои открыло раны,
И я - умираю.

40 ЭПИЛОГЪ.

В. Н. Гудимъ - Левковичъ.

Я, какъ морякъ, прибывшій къ гавани,
Короткимъ отдыхомъ не пьянъ.
Но къ новому готовлюсь плаванью,
И сердце рвется въ океанъ.

Мои пути ничѣмъ не съужены:
Я проходилъ огни и льды.
Дарило море мнѣ жемчужины
И свѣтъ таинственной звѣзды.

Когда горитъ аквамаринами
Золоторогая луна –
Я грежу сказками старинными,
Которымъ учитъ тишина.

И снова я – пастухъ мечтательный,
И вновь – со мною, Хлоя, ты.
Рукою вѣрной и старательной
Сплетаю я свои мечты.

Мы – въ дерзкое стремимся плаванье
И мы – смѣлѣе съ каждымъ днемъ.
Судьба ведетъ насъ къ свѣтлой гавани,
Гдѣ все горитъ иным ъ огнемъ!

ГЕОРГІЙ ИВАНОВЪ

ГОРНИЦА

Книга стиховъ

К-во „Гиперборей“
СПБ. 1914

41 Въ небѣ надъ дымными долами
Вечеръ растаялъ давно,
Тихо закатное полымя
Пало на синее дно.

Тусклое золото мѣсяца
Голыя вѣтки кропитъ.
Сердцу спокойному грезится
Бѣлый, невѣдомый скитъ.

Выйдетъ святая затворница,
Небомъ укажетъ пути.
Небо, что свѣтлая горница,
Долго ль его перейти!

42 Я нелюбимъ ни кѣмъ! Пустая осень!
Нагія вѣтки, средь лимонной мглы.
А за кіотомъ дряхлые колосья
Висятъ пропылены и тяжелы.

Я ненавижу полумглу сырую
Осеннихъ чувствъ и бредъ гоню, какъ сонъ.
Я щеточкою ногти полирую
И слушаю старинный полифонъ.

Фальшивитъ нѣжно музыка глухая
О счастіи несбыточныхъ людей
У озера, гдѣ, водъ не колыхая,
Скользятъ стада бездушныхъ лебедей.

43 Измученъ ночью ядовитой,
Безсонницею и виномъ,
Стою, дышу передъ раскрытымъ
Въ туманъ свѣтлѣющій окномъ.

И вижу очертанья вѣтокъ
Въ лилово-розовомъ дыму.
И нѣтъ вопроса, нѣтъ отвѣта,
Котораго я не пріййму.

Отдавшись нѣжному безволью,
Слѣжу за вами—облака,
И легкой головною болью
Томитъ вчерашняя тоска.

44 Пѣсня.

Осеннее ненастье,
Нерадостный удѣлъ!
И счастье и несчастье
Зачѣмъ я проглядѣлъ.

Теперь мечты безплодны
И не о чемъ вздыхать.
Спокойный и холодный
Я долженъ отдыхать.

Въ окнѣ—фигуры ветелъ,
Обрызганныхъ луной.

Звенитъ осенній вѣтеръ
Минорною струной.

Но я не вспоминаю
Давнишняго, Луна!
Я въ рюмку наливаю
Дешеваго вина.

45 Все бездыханнѣй, все желтѣй
Пустое небо. Тамъ у ската
На олѣдной кожѣ слѣдъ когтей
Отпламенѣвшаго заката.

Изъ урны греческой не бьетъ
Струя и сумракъ не тревожитъ,
Свирѣль двухтонная поетъ
Послѣдній разъ въ году, быть можетъ.

И вѣтеръ съ сѣвера, свища,
Летаетъ въ паркѣ дикъ и злостенъ,
Срывая золото съ плаща,
Тобою вышитаго, осень.

Взволнованъ тлѣніемъ стою
И, словно музыку глухую,
Я душу смутную мою
Какъ передъ смертнымъ часомъ—чую.

46 Полусонъ.

Здѣсь—вялыя подушки,
Свѣча, стаканъ съ виномъ.
Окно раскрыто. Мушки
Кружатся за окномъ,

Еловыя верхушки
Качаются во снѣ.
Печальныя лягушки
Вздыхаютъ въ тишинѣ.

Онѣ не нарушаютъ
Осенней тишины.
Ихъ тоны не мѣшаютъ
Сіянію луны

Окутывать верхушки
И падать на кровать,
Измятыя подушки
Узоромъ покрывать.

47 Поблекшимъ золотомъ, холодной синевой
Осенній вечеръ свѣтитъ надъ Невой.
Кидаютъ фонари на волны блескъ не яркій.
И зыблются слегка у набережной барки.

Угрюмый лодочникъ, оставь свое весло!
Мнѣ хочется чтобъ насъ теченіе несло.
Отдаться сладостно вполнѣ душою смутной
Заката блеклаго гармоніи минутной.

И волны плещутся о темные борта.
Слилась съ дѣйствительностью легкая мечта
Шумъ города затихъ. Тоски распались узы.
И чувствуетъ душа приносновенье Музы.

КНИЖНЫЯ УКРАШЕНІЯ.

1.

Петръ въ Голландіи.

Аннѣ Ахматовой.

48 На грубой синевѣ крутыя облака
И парусныхъ снастей подъ ними лѣсъ узорный.
Стучитъ плетеный хлыстъ о кожу башмака,
Прищуренъ глазъ. Другой—прижатъ къ трубѣ подзорной.

Немного поотдаль веселый ротозѣй,
Спѣшащій куаферъ, гуляющая дама.
А книзу у воды—таверна „Трехъ Друзей“,
Гдѣ стекла пестрыя съ гербами Амстердама.

Знакомы танъ и верфь, и кубокъ костяной
Въ рукахъ сановника, принесшаго напитокъ,
Что нужно ли читать по небу развитой
Межъ трубъ и геніевъ колеблющійся свитокъ?

2.

49 На лейпцигской раскрашенной гравюрѣ
Сѣдой пастухъ у дремлющаго стада,
Рядъ облаковъ — слѣды недавней бури—
И ветхая церковная ограда.

Направо—тріумфальныя ворота,
Гдѣ зелень разрушенія повисла;
Какая-то Луиза иль Шарлота
Чрезъ нихъ несетъ, склонившись, коромысла.

За аркой—свѣтлая блеститъ рѣчека,
Осѣнена старинными дубами,
И дѣтская игривая ручека
Рѣзвится съ золотистыми струями.

А дальше—пахота. Волы и плуги...
Подъ котелкомъ потрескиваетъ хворостъ.
Взрѣзая дернъ зеленый и упругій,
Проводитъ пахарь рядъ глубокихъ бороздъ.

И путникъ, шествуя дорогой голой,
На фонѣ дали сѣро синеватой,
Чернѣетъ шляпою широкополой,
Размахиваетъ палкой суковатой.

3.

50 Какая то мечтательная леди
Теперь глядитъ въ широкое окно.
И локоны у ней желтѣе мѣди,
Румянами лицо оттѣнено.

Колеблется ея индійскій вѣеръ,
Бѣлѣетъ мѣхъ—ангорская коза.
Устремлены задумчиво на сѣверъ
Ея большіе лживые глаза.

Въ окнѣ—закатъ роняетъ пепелъ сѣрый
На тополя, кустарники и мхи...
А я стою у двери, за портьерой,
Вдыхая старомодные духи..

4.

51 Ваза съ фруктами.

Тяжелый виноградъ и яблоки, и сливы-
Ихъ очертанія отчетливо нѣжны—
Всѣ оттушованы старательно отливы,
Всѣ жилки тонкія подъ кожицей видны.

Надъ грушами лежитъ разрѣзанная дыня,
Гранаты смуглые сгрудились передъ ней;
Огромный ананасъ кичливо посрединѣ
Вѣнчаетъ вазу всю короною своей.

Ту вазу, вьющимся украшенную хмѣлемъ,
Ваяла эллина живая простота:
Лишь у подножія къ пастушескимъ свирѣлямъ
Прижаты мальчиковъ спокойные уста.

5.

52 Заставка.

Венеціанское зеркало старинное,
Вкругъ фарфоровыми розами увитое...
Что за мальчикъ съ улыбкою невинною
Расправляетъ крылышки глянцевитыя.

Передъ нимъ? Не трудно проказливаго
Узнать Купидона милаго,—
Это онъ ранилъ юношу опасливаго,
Какъ ни плакалъ тотъ, какъ ни просилъ его.

Юноша лежитъ стрѣлою раненый,
Дѣвушка напротивъ—улыбается.
Оба—любовью отуманены...
Розы надъ ними сгибаются.

53 Китайскіе драконы надъ Невой
Раскрыли пасти въ ярости безвредной.
Вы, слышавшіе грохотъ пушекъ мѣдный
И поражаемыхъ боксеровъ вой.

Но говорятъ, что полночью, зимой,
Вы просыпаетесь въ мигъ заповѣдный.
То чудо узрѣвшій—отпрянетъ, блѣдный
И падаетъ съ разбитой головой.

А поутру, когда румянцемъ скупо
Разсвѣтъ стальную озаритъ,
На плитахъ стынущихъ не видно трупа,

Лишь кровь на каменныхъ устахъ горитъ,
Да въ хищной лапѣ съ яростью безцѣльной
Одинъ изъ васъ сжимаетъ крестъ натѣльный.

54 Особнякъ.

Стучатъ далекія копыта,
Ночныя небеса мертвы,
Сѣдого мрамора, сердито
Застыли у подъѣзда львы
Луны отвѣсное сіянье
Играетъ въ окнахъ тяжело,
И на фронтонѣ изваянья
Бѣлѣютъ груди, мечъ, крыло...
Но что за свѣтъ блеснулъ за ставней,
Чей сдавленный пронесся стонъ?
Огонь мелькнулъ поочередно
Въ широкихъ окнахъ, какъ свѣча.
Вальсъ оборвался старомодный,
Неизъяснимо прозвучавъ.
И снова ничего не слышно—
Ночные небеса мертвы.
Покой торжественный и пышный
Хранятъ изваянные львы.
Но сердце тонетъ въ сладкомъ хладѣ,
Но блѣденъ серпъ надъ головой,
И хочется бѣжать, не глядя,
По озаренной мостовой.

55 Болтовня зазывающаго въ балаганъ.

Да, размалевана пестро
Театра нашего афиша:
Гитара, шляпа, болеро,
Дѣвица на летучей мыши.
Повѣсить надобно повыше
Не то—зѣваки оборвутъ.
Спѣшите къ намъ. Подъ этой крышей
Любовь, веселье и уютъ!

Вотъ я ломака, я Пьеро.
Со мною Арлекинъ. Онъ пышетъ
Страстями, клянчитъ серебро.
Вотъ принцъ, чей плащъ узорно вышитъ,
Вотъ Коломбина, что не дышетъ,
Когда любовники уснутъ.
Паяцъ—онъ вздохами колышетъ
Любовь, веселье и уютъ!

Пляши фиглярское перо,
Неситесь въ пламенномъ матчишѣ
Всѣ тѣ, кто хочетъ жить пестро:
Вакханки, негры, принцы, мыши,
Порой быстрѣй, порою тише,
Вчера въ Парижѣ, нынче тутъ...
Всего на этомъ свѣтѣ выше
Любовь, веселье и уютъ!

О котъ, блуждающій по крышѣ,
Твои мечты во мнѣ поютъ!
Кричи за мной, чтобъ всякій слышалъ:
Любовь, веселье и уютъ!

56 ## Романтическая таверна.

П. С. Шандаровскому.

У круглыхъ столиковъ толпятся итальянцы,
Гидальго смуглые, мулаты. Звонъ. галдежъ
Въ табачномъ воздухѣ. Но оборвался что жъ
Оркестръ, играющій тропическіе танцы?

А!—двое подрались! Съ портретомъ Данта схожъ
Одинъ. Противникъ—негръ. Сцѣпились оборванцы.
На лицахъ дамъ виднѣй фальшивые румянцы:
Паоло такъ красивъ... Но вотъ—широкій ножъ

Блеснулъ, и негра бокъ, какъ молніей, распоротъ.
Онъ—падаетъ. Рука хватается за воротъ,
Бьетъ пѣна изо рта. Бренчатъ гитары вновь.

Рукоплесканія... Съ надменностью Паоло
Внимаетъ похваламъ. А съ земляного пола
Осколкомъ дѣвочка выскребываетъ кровь.

57 ## Фигляръ.

Я храбрые марши играю,
Скачу на картонномъ конѣ
И, если я умираю,
Всѣ звонко хлопаютъ мнѣ.

Мои представленья неплохи,
Понравятся, коль поглядишь.
Ученыя прыгаютъ блохи,
Танцуетъ умная мышь.

А то, если милые гости
Хотятъ, мы въ дальнемъ углу
Отыщемъ ржавые гвозди,
Особенную пилу.

Пріятно тѣла восковыя
Гвоздемъ раскаленнымъ колоть:
Трепещутъ они, какъ живыя,
Нѣжны, какъ живая плоть.

Я сердце когда то измучилъ,
И стало негоднымъ оно,
А пытки для глупыхъ чучелъ
Выдумывать—такъ смѣшно.

Я дѣтскія пѣсни играю,
Въ карманахъ ношу леденцы
И, если я умираю,
Звенятъ мои бубенцы.

58 Бродячіе актеры.

Н. Гумилеву.

Снова солнечное пламя
Льется знойнымъ янтаремъ.
Нагруженные узлами
Снова мы подошвы тремъ.

Придорожная таверна
Ужъ далеко за спиной.
Небо медленно, но вѣрно
Увеличиваетъ зной.

Ахъ, безсиленъ каждый мускулъ,
Въ горлѣ—словно острія.
Потемнѣла, какъ зулуска,
Берта, спутница моя.

Но теперь уже недолго
Жариться въ огнѣ небесъ:
Встрѣчный вѣтеръ пахнетъ елкой,
Недалеко виденъ лѣсъ.

Вотъ пришли.—Скорѣе падай,
Узелъ мой, съ усталыхъ плечъ.
Осѣненному прохладой
Сладко путнику прилечь.

Распаковываетъ Берта
Тюкъ съ ѣдою и виномъ.
Край лиловаго конверта
Я цѣлую за стволомъ.

59 Я кривлясь вечеромъ на эстрадѣ:
Пьеро двойникъ.
А послѣ, ночью, въ растрепанной тетради
Веду дневникъ.
Записываю, кѣмъ мнѣ подарокъ обѣщанъ
Обѣщанъ только
Сколько получилъ я за день затрещинъ
И улыбокъ сколько.
Что было на ужинъ: горохъ, картофель,—
Все ѣмъ, что не дашь!
...А иногда и Пьереты профиль
Чертитъ карандашъ.
На шеѣ—мушка, подбородокъ поднятъ,
Длинна рѣсница.
Рисую и думаю: а вдругъ сегодня
Она приснится!
Запись окончу любовными мольбами,
Вздохнувъ не разъ.
Утромъ проснусь съ пересохшими губами,
Круги у глазъ.

60 Осенній фантомъ.

Отчаянною злостью
Перекося лицо,
Размахивая тростью,
Онъ вышелъ на крыльцо.
Онъ торопливо вышелъ,
Не застегнувъ пальто,
Никто его не слышалъ,
Не провожалъ никто.
Разбрызгивая лужи,
По улицамъ шагалъ,
Одно другого хуже
Проклятья посылалъ.
Жестоко оскорбленный,
Тебѣ отрады нѣтъ:
Осмѣянный влюбленый,
Непризнанный поэтъ!
А могъ бы стать счастливымъ,
Веселымъ болтуномъ,
Безчинствовать за пивомъ,
Не зная объ иномъ.
Осенній вѣтеръ—грубымъ
Полетомъ тучи рвалъ,
По водосточнымъ трубамъ
Холодный дождь бѣжалъ,—
И мчался онъ, со злостью
Намокшій усъ крутя,—
Расщепленною тростью
По лужамъ колотя.

61 Уличный подростокъ.

Ломающійся голосъ. Синева
У глазъ и надъ губою рыжеватый
Пушокъ. Вотъ—онъ, обычный завсегдатай
Всѣхъ закоулковъ. Пыльная-ль трава

Столичные бульвары украшаетъ,
Иль мутнымъ льдомъ затянута Нева—
Все въ той-же курткѣ онъ, и голова
Въ знакомой шляпѣ. Холодъ не смущаетъ

И вялая жара не истомитъ
Его. Подъ воротами постоитъ,
Поклянчитъ милостыню. Съ цвѣтами

Пристанетъ дерзко къ проходящей дамѣ.
То наглый, то трусливый пріиметъ видъ,
Но финскій ножъ за голенищемъ скрытъ

И съ каждымъ годомъ, темный взоръ упрямѣй.

62 Я помню своды низкаго подвала,
Расчерченные углемъ и огнемъ.
Всѣ четверо сходились мы, бывало,
Тамъ посидѣть, болтая, за виномъ.
И зеркало большое отражало
Насъ, круглый столъ и лампу надъ столомъ.
Одинъ все пилъ, нисколько не пьянѣя,—
Онъ былъ навязчивый и злой нахалъ.
Другой веселый, а глаза—синѣе
Волны, что вѣтерокъ не колыхалъ.
Умершаго я помню всѣхъ яснѣе—
Онъ красилъ губы, кашлялъ и вздыхалъ.

Шелъ разговоръ о картахъ или скачкахъ
Обыкновенно. Грубыя мечты
О дракахъ, о старушечьихъ подачкахъ
Высказывалъ поэтъ Разинувъ рты,
Мы слушали, когда лицо испачкавъ
Бѣлилами и краской—пѣла ты;
Подъ кастаньеты послѣ танцевала,
Кося и странно поджимая ротъ.
А изъ угла насмѣшливо и вяло
Слѣдилъ за нами и тобой уродъ—
Твой мужъ. Когда меня ты цѣловала,
Я видѣлъ, какъ рука его беретъ
Ножъ со стола... Онъ, впрочемъ, былъ пріученъ
Тобою ко всему и не дурилъ.
Шепталъ порой, но шопотъ былъ беззвученъ,
И лишь въ кольцѣ поблескивалъ берилъ
Какъ злобный глазъ. Да,—онъ тебя не мучилъ
И дерзостей гостямъ не говорилъ.
Такъ ночь послѣдняя пришла. Прекрасна
Особенно была ты. Какъ кристалъ
Жизнь полумертвецу казалась ясной
И онъ, развеселившись, хохоталъ,
Когда огромный негръ въ хламидѣ красной
Предъ нами изумленными предсталъ.
О, взмахъ хлыста! Метнулись морды волчьи...
Я не забуду взора горбуна
Счастливаго. Безтрепетная, молча
Упала на колѣни ты блѣдна.
Погасло электричество—и желчью
Все захлестнула желтая луна.
Мнѣ кажутся тысячелѣтнимъ грузомъ,
Тѣ, съ легкостью прожитые года,
На старикѣ—халатъ съ бубновымъ тузомъ,
Ты—гордостью послѣднею горда.
Я равнодушенъ. Я не вѣрю музамъ,
И свѣта не увижу никогда.

63 Путешествующіе гимнасты.

Мы—веселые гимнасты
И бродяги мы притомъ,
Путешествуемъ мы часто
Съ отощавшимъ животомъ.

Но, хотя тревожитъ голодъ
Не на шутку иногда—
Всякій веселъ, всякій молодъ:
Водка есть у насъ всегда.

По дорогамъ безопаснымъ
Путешествуемъ втроемъ,
Деревнямъ и селамъ разнымъ
Представленія даемъ.

—Заходите! Въ нашемъ циркѣ
Много встрѣтите забавъ:
Дядя Джэкъ ломаетъ кирки,
Свой показываетъ нравъ.

Рыжекудрая Елена,
Наша общая жена,
Пляшетъ. Юбка до колѣна,
Вовсе грудь обнажена.

Я въ кольчугѣ и съ рапирой
Нападаю на быка.
Смѣло гирями жонглируй,
Загорѣлая рука!

Взваливая ихъ на шею,
Подавляю тяжкій вздохъ,
Хоть онѣ не тяжелѣе
Фунтовъ трехъ, иль четырехъ...

А потомъ—сидимъ до ночи
Въ деревенскомъ кабакѣ,
Потому что всякій хочетъ
Отдышаться налегкѣ.

Завтра—старая повозка
Наша снова заскрипитъ,
Мулъ пятнистый—Джэка тезка—
Недовольно засопитъ.

И веселые гимнасты—
Поплетемся мы опять
Въ деревняхъ и селахъ частыхъ
Представленія давать.

64 Портовый рабочій.

Я сплю еще, когда съ рабочими
Подъ звукъ пронзительный гудка
Идешь ты въ портъ и озабоченный
Не замѣчаешь вѣтерка.

За мачтами едва румянится,
Какъ нарисованный, разсвѣтъ,
И на буксирѣ барка тянется
Туману легкому во слѣдъ.

Ты дышешь ровно, смотришь весело,
Считая грузные мѣшки.
Меня не вспоминаешь! Если бы
Я могъ пойти въ грузовщики...

Съ утра возиться съ пыльной тачкою
Подъ ругань, хохотъ, толчею
Пить хлѣбный квасъ и, губы пачкая,
Вдыхать табачную струю.

А послѣ на скамейкѣ липовой
Съ ненарумяненнымъ лицомъ
Сидѣть за ужиномъ и выпивкой
Съ зеленоглазымъ сорванцомъ.

Я удовольствовался-бъ дружбою,
Не сомнѣваясь, что для насъ
Придутъ слова и взгляды нужные,
Когда тому наступитъ часъ.

Но избалованный, изнѣженный,
Пріученный къ своей тоскѣ
Я говорю съ тобой на вѣжливомъ
Литературномъ языкѣ.

И вотъ—любовь идетъ потемками,
Подобная глухонѣмой,
А ты при встрѣчѣ—шляпу комкаешь
И говоришь: „Пора домой"...

65 Актерка.

Дулъ влажный вѣтеръ весенній,
Тускнѣла закатная синева,
А я на открытой сценѣ
Говорила прощальныя слова.

И потомъ печально, какъ надо,
Косу свою я расплела,
Приняла безвреднаго яду,
Вздохнула—и умерла.

Хлопали зрители негромко,
Занавѣсъ съ шуршаньемъ упалъ.
Я встала. На сценѣ—потемки;
Звякнулъ опрокинутый бокалъ.

Подымаюсь по лѣстницѣ скрипучей,
Дома ждетъ за чаемъ мать.
Боже мой, какъ смѣшно, какъ скучно
Для ужина—воскресать.

66 Чѣмъ осенній вѣтеръ злѣе
И отчаяннѣй луна,—
Намъ бродягамъ веселѣе
За бутылкою вина.

Цѣлый день блуждали въ полѣ
Мы съ собакой и ружьемъ...
Мы товарищи—не болѣ—
Но тоски не признаемъ.

Что любовь? Восторги, губы,
Недосказанности зной...
Въ мѣру нѣжнымъ, въ мѣру грубымъ
Ты умѣешь быть со мной.

Трубку финскую ты куришь
И слѣдишь, какъ дымъ плыветъ...
Глазъ насмѣшливый прищуришь,
Повернувшись на животъ!..

Что любовь? дотлѣетъ спичкой,—
Можно лучшее найти:
Между страстью и привычкой
Есть блаженные пути.

67 Письмо въ конвертѣ съ красной прокладкой
Меня пронзило печалью сладкой.

Я снова вижу вашъ взоръ величавый,
Лѣнивый голосъ, волосъ курчавый.

Залита солнцемъ большая мансарда,
Вашъ ликъ въ сіяньи, какъ ликъ Леонардо.

И томъ Платона развернутъ предъ вами,
И воздухъ полонъ золотыми словами.

Всегда ношу я боль ожиданья,
Всегда томлюсь, ожидая свиданья.

И вотъ теперь цѣлую украдкой
Письмо въ конвертѣ съ красной прокладкой.

2.

68 Если ты промолвишь: „нѣтъ“—разлюблю,
Не капризничай, поэтъ,—разлюблю.

Нынче май, но если ты—убѣжишь,
Я и розы нѣжный цвѣтъ разлюблю.

Ахъ, несноснѣе тебя, можно-ль быть,—
Слушать просто, какъ привѣтъ: „разлюблю“,

Или хочешь полюбить старикомъ?
Полно, милый, будешь сѣдъ—разлюблю.

Надоѣло мнѣ твердить безъ конца,
Вмѣсто сладостныхъ бесѣдъ „разлюблю“

На закатѣ лучше ты приходи:
Не услышитъ лунный свѣтъ—„разлюблю.“

3.

69 Ахъ угадать не въ силахъ я, чего хочу.
Отъ розы, рощи, соловья—чего хочу.

Зачѣмъ безъ радости весну встрѣчаетъ взоръ,
Вопросъ единый затая: чего хочу?

Имѣю ласковую мать, отецъ нестрогъ,
И все мнѣ дѣлаетъ семья, чего хочу.

Но ахъ, не въ силахъ я избыть тоски своей—
Неумолимы острія: „чего хочу“.

Забыты мною въ цѣль стрѣльба, веселый мячъ —
Не скажутъ вѣрные друзья, чего хочу.

...Такъ я метался, но амуръ, спаситель мой,
Дала мнѣ знать стрѣла твоя, чего хочу.

И нынче съ милою спѣша укрыться въ лѣсъ,
Уже отлично знаю я, чего хочу.

За нѣжный поцѣлуй ты требуешь
сонета...
В. Жуковскій.

70 Альбомный сонетъ.

Какъ нѣкогда потребовала Лила
Въ обмѣнъ на нѣжный поцѣлуй—сонетъ,
Такъ и моя сказала Маша: „Нѣтъ!“
И дѣвы той желанье повторила.

Напрасно говорилъ я ей: „Мой свѣтъ,
Капризами меня ты истомила,
Я напишу безпламенно, уныло
Не то что романтическій поэтъ“.

Но спорить какъ съ дѣвицей своенравной?
Изволь влагать пустую болтовню
Въ сонетный ямбъ, торжественный и славный.

Кончаю трудъ. Хоть мало въ немъ огню,
Недостаетъ и прелести, и яда,
Но все-жъ моя пріятная награда!

71 Черемухи цвѣты въ спокойный прудъ летятъ,
Заря деревья озлащаетъ.
Но этотъ розовый сіяющій закатъ
Мнѣ ничего не обѣщаетъ.

Напрасно ворковать слетаешь, голубокъ,
Сюда на тихій подоконникъ.
Я скоро лягу спать, и будетъ сонъ глубокъ,
И утромъ—не раскрою сонникъ.

72 Горлица пѣла, а я не слушалъ.
Я видѣлъ звѣзды на синемъ шелку
И полумѣсяцъ. А сердце все глуше,
Все рѣже стучало, забывая тоску.

Порою казалось, что милымъ, скучнымъ
Днямъ одинаковымъ потерянъ счетъ
И жизнь моя—ручейкомъ незвучнымъ
По желтой глинѣ въ лѣсу течетъ.

Порою слышалъ дальнія трубы,
И странный голосъ меня волновалъ.
Я видѣлъ взоръ горящій и губы
И руки узкія цѣловалъ...

Ты понимаешь—тогда я бредилъ.
Теперь мой разумъ попрежнему мой.
Я вижу солнце въ закатной мѣди,
Пустое небо и песокъ золотой!

Георгій Ивановъ.

ПАМЯТНИКЪ СЛАВЫ.

Стихотворенія

Петроградъ.

73 Теперь, когда быстрѣе лавы
Текуть блистательные дни,
Предъ гордымъ "Памятникомъ Славы",
Поэтъ, колѣна преклони.

За честь и правду гибнуть люди,
Полмiра въ дымѣ и огнѣ,
И въ эти дни, какъ вѣсть о чудѣ, -
Надъ мѣдью лавровъ и орудiй
Суровый ангелъ въ вышинѣ.

НЕРУШИМАЯ СТѢНА.

СКЛАДЕНЬ.

1.

74 Какъ странно! Сердце не болитъ.
Оно спокойно биться можетъ!
Заупокойныхъ панихидъ
Его рыданья не тревожатъ.

О братьяхъ, гибнущихъ въ бою,
Печаль томитъ и нѣжно ранитъ,
Но радость ясную мою
Ничто, ничто не затуманитъ.

Сквозь тусклый дымъ пороховой,
Черезъ синодикъ смерти черный
Я вижу свѣтъ, я вижу Твой,
Спаситель, стягъ нерукотворный.

Какъ будто радуга встаетъ
И дѣлитъ небо огневое,
И вся земля, воспрянувъ, пьетъ
Дыханье радости живое.

2.

75 Надежды не обмануть насъ,
Не минетъ вѣщая награда,
Когда въ обѣтованный часъ
Падутъ твердыни Цареграда.

И будетъ въ нашихъ онъ рукахъ,
Услышитъ славы гулъ побѣдный,
И въ озаренныхъ облакахъ
Утонетъ полумѣсяцъ мѣдный.

Евангельскихъ садовъ цвѣты,
Нетлѣнные и золотые,
Вы снова вспыхнете, кресты,
На дряхломъ небѣ Византіи!

3.

ПАВШИМЪ ГВАРДЕЙЦАМЪ.

76 Я вижу ясно тотъ жестокій бой,
Трескъ пулеметовъ и снарядовъ вой,
Прострѣленныхъ знаменъ столѣтній шолкъ,
Твоихъ знаменъ, Конногвардейскій полкъ!

Смерть не страшна и слава впереди.
Самоотверженья огонь въ груди.
Лети, молва, чтобъ Родинѣ принесть
О брани славной и побѣдѣ вѣсть!

Сломилъ героевъ схватки буреломъ,
И ангелъ смерти осѣнилъ крыломъ,
Но вѣчности ихъ память предана
И доблестью покрыты имена.

4.

ГЕОРГІЙ ПОБѢДОНОСЕЦЪ.

77 Идущіе съ пѣсней въ бой,
Безъ страха – въ свинцовый дождь,
Васъ Георгій ведетъ святой,
Крылатый и мудрый вождь.

Пылающій мечъ разитъ
Средь ужаса и огня,
И звонокъ топотъ копытъ
Его снѣгового коня.

Онъ тоже пѣсню поетъ,
Въ ней – слава и торжество.
И тѣ, кто въ битвѣ падетъ,
Услышатъ пѣсню его.

Услышатъ въ послѣдній часъ
Громовый голосъ побѣдъ.
Зрачкамъ тускнѣющихъ глазъ
Блеснетъ немеркнущій свѣтъ!

5.

78 О твердость, о мудрость прекрасная
Родимой страны!
Какая увѣренность ясная
Въ исходѣ войны!

Не стало ли небо просторнѣе,
Свѣтлѣй облака?
Я знаю: воители горніе –
За наши войска.

Идутъ съ просвѣтленными лицами
За родину лечь, –
Надъ ними – небесные рыцари
Съ крылами у плечъ.

И если устали, ослабли мы,
Не видимъ въ ночи, –
Скрещаются съ вражьими саблями
Безплотныхъ мечи.

6.

НАШЪ ДОЛГЪ.

79 Всѣхъ, позабывшихъ жизнь свою
И слившихся въ святую лаву
И погибающихъ въ бою
За честь Россіи и за славу, –

Не надо празднословить ихъ:
Они – въ безсмертномъ ореолѣ,
Какой воздастъ награду стихъ
За подвигъ чести, подвигъ боли?

Ихъ имена занесены
На нерушимыя скрижали.
А мы достойными должны
Быть славы, что они стяжали.

Мѣшайте цѣпкой нищетѣ
Къ ихъ семьямъ находить дорогу, –
Не оскудѣютъ руки тѣ,
Что обездоленнымъ помогутъ.

Не подаянье это, нѣтъ,
А долгъ героямъ неоплатный,
За озаренія побѣдъ
И за тяжелый подвигъ ратный.

7.

ЗАКАТЪ ВЪ ОКОПАХЪ.

Сѣетъ дождь. Въ окопахъ тѣсно,
Докучаетъ пушекъ вой.
Вѣтеръ сказъ ведетъ унылый
О родимой сторонѣ.

Вдругъ – зажегся свѣтъ чудесный
И, сквозь дымъ пороховой,
Мчится всадникъ огнекрылый
На небесномъ скакунѣ.

Въ алый сумракъ улетая,
Онъ торопитъ скакуна,
Шпоры острыя вонзаетъ
Въ бѣлоснѣжные бока...

Вотъ исчезъ. Лишь золотая
Тѣнь на западѣ видна,
Лишь по небу проплываютъ,
Багровѣя, облака...

Сѣетъ дождь. Сжимаютъ руки
Крѣпче вѣрное ружье.
Оглашаютъ долъ безлѣсный
Пушекъ громъ и вѣтра вой...

Но не мучатъ эти звуки,
Гдѣ унынiе мое?
Сердцу свѣтитъ стягъ чудесный
Сквозь туманъ пороховой.

ВРАГАМЪ.

1.

81 Германiя! Союзники твои –
Насилiе, предательство, да плети!
Въ развалинахъ Лувенъ и Шантильи,
Горятъ книгохранилища столѣтiй.

Но близокъ часъ! Уже темнѣетъ высь
Отъ грознаго возмездья приближенья.
И слышенъ громъ побѣдъ: то начались
Возмездiе забывшихъ пораженья.

Смятенные, исчезнутъ дикари,
Какъ послѣ бури исчезаетъ пѣна,
Но свѣтомъ вѣчной залиты зари
Священные развалины Лувена!

2.

82 Враги, топчите правду Божью –
Недолго ждать уже суда.
Онъ грянетъ – и позорной ложью
Вы не откупитесь тогда!

Нѣтъ! Этотъ вызовъ не случаенъ:
Вопросъ рѣшится роковой, –
Сраженный въ сердце, рухнетъ Каинъ
И Авель мечъ отбросить свой!

ЗНАМЕНА ДРУЗЕЙ.

1.

БЕЛЬГІЯ.

83 Уноситъ все потокъ временъ и смерти,
Но не исчезнетъ память на землѣ
О маленькомъ народѣ – и Альбертѣ,
Геройскаго народа королѣ.

Покой и трудъ въ отчизнѣ процвѣтали,
Но грянулъ громъ губительной войны,
И предъ лицомъ ея – бельгійцы стали
Всѣ, какъ одинъ – за честь родной страны.

И наглецовъ остановилась лава,
Урокъ непоправимый получа!
Хвала бельгійцамъ и Альберту слава.
Поднявшій мечъ – да сгинетъ отъ меча!

2.

ПѢСНЯ КРУЖЕВНИЦЫ.

84 Кружевницей я была,
  Кружево плела.
Я надъ жизнью не мудрила,
Друга милаго любила,
  Да бѣда пришла.

Какъ всегда – встаетъ луна,
Тянетъ съ моря вѣтромъ свѣжимъ...
Только другъ убитъ подъ Льежемъ
  Милая страна
  Вся разорена.

Ты плыви, луна, надъ моремъ...
Какъ нибудь управлюсь съ горемъ.
Не сбѣгу я и не спрячусь, -
Плакать - ужъ потомъ наплачусь,
  А теперь - впередъ,
  Родина зоветъ.

Милый, ты меня поймешь?
Я возьму отцовскiй ножъ,
Штуцеръ вычищу старинный.
До Намюра - путь не длинный, -
  Тамъ теперь враги...
  Боже, помоги!

3.

Петру Шандаровскому.

85 Какъ хорошо и грустно вспоминать
О Бельгiи неприхотливомъ людѣ:
Обѣдаютъ отецъ и сынъ, а мать
Картофель подаетъ на плоскомъ блюдѣ.

Зеленая вода блеститъ въ окнѣ,
Желтѣетъ берегъ съ неводомъ и лодкой.
Хоть солнца нѣтъ, но чувствуется мнѣ
Такъ явственно его румянецъ кроткiй;

Неяркiй лучъ надъ жизнью трудовой,
Спокойной и заманчиво нехрупкой,
Въ странѣ, гдѣ - воздухъ, пахнущiй смолой,
И рыбаки не разстаются съ трубкой.

4.

ПѢСНЯ У ВЕРЕТЕНА.

86 Я помню домъ родной
И рощу и откосъ,
Гдѣ каждою весной
Справлялся праздникъ розъ...

Давно ль, скажите мнѣ,
Іюль глядѣлъ въ окно,
Жужжало въ тишинѣ
Мое веретено?

И жизнь была тиха,
И лѣтній воздухъ свѣжъ...
Давно ли жениха
Я провожала въ Льежъ!

И вотъ – повсюду кровь,
Туманъ пороховой.
А ты, моя любовь,
Вернешься ли домой?

Иль скоро будетъ вѣсть,
Что ты погибъ въ бою,
За правду и за честь,
За родину свою.

Погибъ ты или нѣтъ, –
Но, Боже, я не лгу,
Даю себѣ обѣтъ
Бороться, какъ могу.

Я молода, сильна,
А Бельгія въ крови.
Родимая страна,
Меня благослови!

5.

ПРОЩАНЬЕ.

87 Въ блѣдномъ небѣ – мѣсяцъ хилый.
Въ сердцѣ грусть и тишина.
Ты уѣдешь завтра, милый,
И останусь я одна.

Помнишь ферму, огороды,
Виноградникъ надъ ручьемъ.
Тѣ безоблачные годы,
Что мы прожили вдвоемъ?

Но блеснула изъ-за башенъ
Льежа гнѣвная заря, -
И спѣшишь ты въ бой, безстрашенъ,
Свѣтлымъ мужествомъ горя.

Такъ прощай же, милый, милый,
Богъ тебя благослови!
Будь силенъ священной силой
Чести, правды и любви!

ПѢСНИ СОЮЗНЫХЪ СОЛДАТЪ.

1.

Французская.

88 Я оставилъ повозку и грабли
Терпѣливой подругѣ - женѣ.
Вновь у пояса звонкая сабля,
Снова синяя куртка на мнѣ.

Развѣвайся, трехцвѣтное знамя,
Марсельеза, сердца весели!
Скоро вновь засинѣетъ надъ нами
Небо плѣнной завѣтной земли.

Нѣтъ, товарищи, въ этомъ позора,
Если слезы польются изъ глазъ.
Слишкомъ сердцу французскому дорогъ,
Слишкомъ памятенъ старый Эльзасъ.

Всѣ спѣшимъ съ одинаковымъ жаромъ
Перейти роковую межу...
Моя вѣрная сабля, не даромъ
Я въ Эльзасѣ тебя обнажу!

2.

Британская.

89 Шотландія и Англія - святыя имена,
Зеленая Ирландія - родимая страна.

Удары грома грянули. Солдатъ, за мечъ скорѣй!
Да здравствуетъ Британія, владычица морей!

Отъ берега - до берега единый кличъ: "Впередъ!"
И всѣ, кто любитъ родину, - оружіе беретъ.

Все шире разгорается кровавая заря
И тяжкіе дредноуты подъемлютъ якоря.

Изъ гаваней Британіи могущественный флотъ
Вступаетъ побѣдителемъ въ границы вражьихъ водъ.

И клонится орлиная смущенно голова
Подъ лапою Британскаго разгнѣваннаго льва!

3.

НАПОЛЕОНОВСКІЯ ЗНАМЕНА.

90 Въ тѣни своего мавзолея,
Омыты кадильной волной,
Висятъ, постепенно дряхлѣя,
Свидѣтели славы двойной:

Ведетъ за колонной - колонна
Средь синей, торжественной мглы.
На нихъ - голубѣютъ знамена
И тускло мерцаютъ орлы.

Какъ горько - надеждой не грезя,
Томиться на стѣнахъ чужихъ
И помнить о ржавомъ желѣзѣ,
О братскихъ могилахъ своихъ.

И помнить, какъ ядра взлетали
И трупами полнили рвы,
Какъ эти орлы трепетали
Въ зловѣщемъ пожарѣ Москвы.

Умолкли тѣ громы и клики
И высохли крови ручьи,
Но свѣтомъ нетлѣннымъ, Великій,
Сіяютъ знамена твои.

Трофеи, что добыли дѣды
Въ годину священной войны,
Твердятъ намъ: "И ваши побѣды
Прославить Россію должны".

Да будетъ! прекрасенъ и пышенъ
Все шире величья разсвѣтъ.
Съ полей окровавленныхъ слышенъ
Торжественный голосъ побѣдъ!

ГОЛОСА СЛАВЯНЪ.

1.

Галиційская пѣсня.

91 Неподвижны крылья мельницъ.
Что молоть-то? Хлѣбъ не сжатъ!
Грустно вѣтки липъ - отшельницъ
Надъ Галиціей дрожатъ.

Горько, братья, тошно, братья,
Посылать своихъ дѣтей
Подъ австрійскія проклятья,
Подъ удары ихъ плетей!

Въ день суровый - бабы выли:
Не излечится тоска,
Если въ рекруты забрили
И сынка и муженька.

Да велятъ итти сражаться
Съ братомъ русскимъ, какъ съ врагомъ.
Какъ же сердцу тутъ не сжаться
Гордой мыслью о другомъ!

Съ Богомъ, братья! Рабство сбросимъ,
Смѣло встанемъ безъ оковъ.
Мы не даромъ имя носимъ
Угро-руссовъ отъ вѣковъ.

Пусть война встаетъ пожаромъ -
Въ немъ свободы намъ заря,
Въ немъ трепещетъ въ блескѣ яромъ
Знамя Бѣлаго Царя!

Прочь кокарды и погоны
Швабовъ! Выше русскій стягъ!
Мы австрійскіе патроны
Не истратимъ на пустякъ!

Пусть не сняли урожая,
Но зато нашъ мирный край,
Австріяковъ поражая,
Сниметъ славы урожай!

2.

Сербская пѣсня.

92 Черная туча надъ Сербіей
Повисла съ іюльскихъ страдъ,
И грома удары первые
Скоро ее потрясли.

Наглымъ полетомъ хищника
Черный копчикъ взлетѣлъ.
Въ синемъ Дунаѣ - розовой
И мутной стала вода.

Наши смѣлые юноши
Гибнутъ въ славномъ бою,
Прекрасныя наши дѣвушки
Молятся и плачутъ о нихъ.

Но не даромъ, товарищи,
Льется сербская кровь.
Мужайтесь въ часъ испытанія,
Дѣти орловъ степныхъ.

Защитники дѣла праваго,
Свою не жалѣйте жизнь, -
Освобожденная Сербія
Не забудетъ вашихъ именъ.

А вы молитесь, прекрасныя,
Чтобы въ смертномъ бою
Сломилъ чернаго ворона
Свѣтлый Ангелъ славянъ.

СТОЛИЦА НА НЕВѢ.

Георгію Адамовичу.

1.

93 О, заповѣдная столица,
Гранитный городъ надъ Невой,
Какіе сны, какія лица
Являетъ желтый сумракъ твой!

Холоднымъ вѣтромъ съ моря тянетъ, -
Вдыхаю жадно я его.
Въ разсвѣтный часъ томитъ и ранитъ
Твоихъ видѣній волшебство.

О, кровь и потъ! Въ крови и потѣ
Невы твердыня зачата,
Чтобъ явью грозною о флотѣ
Петрова вспыхнула мечта.

А послѣ – бироновы цѣпи,
Доносовъ ложныхъ черный сонъ,
Сіянье и великолѣпье
Екатерининскихъ временъ...

Испытаннѣе дряхлыхъ библій
Глядитъ опаловая твердь.
Подъ нею декабристы гибли,
Монархи принимали смерть; –

И все затѣмъ, чтобъ въ полной славѣ
Сіяла вѣще ты, когда,
Подобно шквалу или лавѣ,
На Русь низринется орда.

Я помню: конные гиганты
Летѣли въ сумракъ огневой
Зари. И шли манифестанты –
Потокъ единый и живой.

Какъ жарко пламенѣли груди,
На лицахъ всѣхъ – одна печать:
До смерти будутъ эти люди
Свою Отчизну защищать.

И мнѣ казалось: вновь вернулась
Пора петровской старины,
Стихія грозная проснулась
Самозащиты и войны.

Да, снова потомъ, снова кровью
Должны служить до смерти ей
Всѣ обрученные любовью
Желѣзной Родинѣ моей!

2.

ВИДѢНІЯ ВЪ ЛѢТНЕМЪ САДУ.

Юр. Юркуну.

94 Хотя и былъ ты названъ "Лѣтній",
Но, облетѣвшій и нѣмой, –
Вдвойнѣ ты осенью замѣтнѣй,
Вдвойнѣ плѣняешь разумъ мой.

Когда кормой разбитой лодки
Ныряетъ въ облакѣ луна, –
Люблю узоръ твоей рѣшетки,
Гранита блескъ и чугуна.

Вдали продребезжатъ трамваи,
Автомобили пролетятъ
И, постепенно оживая,
Былое посѣщаетъ садъ.

Своей дубинкой суковатой
Стуча, проходитъ Петръ, и вслѣдъ
Въ туманной мглѣ зеленоватой
Съ придворными – Елисаветъ...

Скользятъ монархи цѣпью чинной,
Знамена вѣютъ и орлы,
И рокотъ музыки старинной
Распространяется средь мглы.

Оружья отблески... Во взорахъ
Огни... Гвардейцевъ кивера...
И, словно отдаленный шорохъ,
По саду носится "ура!"

Такъ торжествуютъ славныхъ тѣни
Величье нынѣшнихъ побѣдъ.
Но на рѣшетки, на ступени,
Ложится сѣрый полусвѣтъ...

Полоска утра золотая
Растетъ и гаситъ фонари,
И призраки монарховъ, тая,
Блѣднѣютъ въ маревѣ зари.

Загадочень стоитъ и пышенъ
Огромный опустѣлый садъ,
И не понять – то шорохъ слышенъ
Знаменъ, иль вѣтки шелестятъ.

3.

БРОНЗОВЫЕ ПОЛКОВОДЦЫ.

Борису Садовскому.

95 Передъ соборомъ, чьи колонны
Образовали полукругъ,
Стоятъ – Кутузовъ непреклонный,
Барклай де Толли – чести другъ.

Черты задумчиво безстрастны
Героя съ поднятой рукой.
Другого взглядъ недвиженъ ясный
И на губахъ его – покой.

Кругомъ летятъ автомобили,
Сирена слышится съ Невы...
Они прошедшее забыли,
Для настоящаго мертвы?

Нѣтъ! Въ дни, когда встаетъ вторая
Отечественная война,
Гробницы тишина сырая
Героямъ прошлаго – тѣсна.

Я знаю – то покой наружный,
Хранимый мѣдью до конца,
Но бьются жарко, бьются дружно
Давно истлѣвшія сердца.

Они трепещутъ, какъ живыя,
Восторгу нашему въ отвѣтъ
Съ тѣхъ поръ, какъ въ сѣни гробовыя
Донесся первый гулъ побѣдъ!

4.

96 Опять на площади Дворцовой
Блеститъ колонна серебромъ.
На гулкой мостовой торцовой
Морозный иней легъ ковромъ.

Несутся сани за санями,
Отъ лошадей клубится паръ,
Подъ торопливыми шагами
Звенитъ намерзшій тротуаръ.

Безпечный смѣхъ... Живыя лица...
Костровъ веселые огни, –
Прекрасна Невская столица
Въ такіе солнечные дни.

Идешь и полной грудью дышишь,
Спускаешься къ Невѣ на ледъ
И вѣтра надъ собою слышишь
Широкій солнечный полетъ.

И сердце радостью трепещетъ,
И жизнь по новому свѣтла,
А въ блѣдномъ небѣ ясно блещетъ
Адмиралтейская игла.

5.

97 Столица спитъ. Трамваи не звенятъ
И пахнетъ воздухъ ночью и весною.
Адмиралтейства бѣлый циферблатъ
На блѣдномъ небѣ кажется луною.

Лишь изрѣдка по гулкой мостовой
Протопаютъ веселыя копыта,
И снова тишь, какъ будто надъ Невой
Прекрасная столица позабыта:

И навсегда смѣнилась тишиной
Жизнь буйная и шумная когда-то
Подъ тусклою недвижною луной
Мерцающаго сонно циферблата.

Но отсвѣты стального багреца
Уже растутъ, пронзая дымъ зеленый
Надъ статуями Зимняго Дворца
И стройной Александровской колонной.

Неясный шумъ, фабричные гудки
Спокойствіе смѣняютъ постепенно,
На сѣрыхъ волнахъ царственной рѣки
Все розовѣй серебряная пѣна.

Смотри - бѣжитъ и исчезаетъ мгла
Предъ солнечною свѣтлой колесницей,
И снова жизнь, шумна и весела,
Овладѣваетъ Невскою столицей!

6.

КЪ ПАМЯТНИКУ СУВОРОВА.

98 У моста надъ Невою плавной,
Подъ электрическимъ лучомъ,
Стоитъ одинъ изъ стаи славной
Съ высоко поднятымъ мечомъ.

Широкій плащъ съ плеча спадаетъ -
Его не сброситъ вѣтръ сырой,
Живая память увядаетъ,
И забывается герой.

Гудокъ мотора, звонъ трамвая...
Но взоръ поэта ищетъ звѣздъ.
Передо мной во мглѣ всплываютъ
Провалы Альпъ и Чортовъ мостъ.

И ухо слышитъ клики тѣ же,
Что слышалъ ты, ведя на бой,
И геній славы лавромъ свѣжимъ
Вѣнчаетъ дряхлый киверъ твой!..

ЗИМНІЕ ПРАЗДНИКИ.

Георгію Адамовичу.

... у Спаса, у Евѳимія –
Звонятъ колокола...

М. Кузминъ.

1.

СОЧЕЛЬНИКЪ.

99 Вечеръ гаснетъ морозный и мирный,
Все темнѣе хрусталь синевы.
Скоро съ ладаномъ, златомъ и смирной
Выйдутъ встрѣтить Младенца волхвы.

Обойдутъ задремавшую землю
Съ тихимъ пѣніемъ три короля
И, напѣву священному внемля,
Кровь и ужасъ забудетъ земля.

И въ окопахъ усталые люди
На мгновенье повѣрятъ мечтѣ
О нетлѣнномъ и благостномъ чудѣ,
О сошедшемъ на землю Христѣ.

Можетъ быть, замолчитъ канонада
Въ эту ночь и притихнетъ война.
Словно въ кущахъ Господняго сада
Очаруетъ сердца тишина.

Яснымъ миромъ, нетлѣнной любовью
Надъ смятенной повѣетъ землей,
И поля, окропленныя кровью,
Легкій снѣгъ запушитъ бѣлизной!

2.

РОЖДЕСТВО ВЪ СКИТУ.

100 Ушла уже за ельники,
Свѣтлѣе янтаря,
Морознаго сочельника
Холодная заря.
Встрѣчаемъ мы, отшельники,
Рожденіе Царя.

Бѣлы снѣга привольные
Надъ мерзлою травой,
И руки богомольныя
Со свѣчкой восковой.
Съ небеснымъ звономъ – дольніе
Сливаютъ голосъ свой.

О всѣхъ, кто въ морѣ плаваетъ,
Сражается въ бою,
О всѣхъ, кто легъ со славою
За родину свою, –
Смиренно-величавую
Молитву пропою.

Пусть врагъ во тьмѣ находится
И мечъ иступитъ свой,
А наше войско – водится
Господнею рукой.
Погибшихъ, Богородица,
Спаси и упокой.

Побѣдная и грозная,
Да будетъ рать свята...
Поемъ – а небо звѣздное
Сіяетъ – даль чиста.
Спокойна ночь морозная, –
Христова красота!

3.

М. Кузмину.

101 Благословенные морозы
Крещенскіе, настали вы.
На окнахъ – ледяныя розы
И крѣпче стали – ледъ Невы.

Свистятъ полозья... Синій голубь,
Взлетаетъ, чтобы снова сѣсть,
И свѣтится на солнцѣ прорубь,
Какъ полированная жесть.

Пушинки легкія, не тая,
Мелькаютъ въ ясной вышинѣ, –
Какая бодрость золотая
И жизнь и счастіе во мнѣ!

Все пережитое въ іюлѣ
Припоминается опять.
О, въ день такой подъ вражьи пули,
Навѣрное, блаженство встать!

И слышать ихъ полетъ смертельный,
И видѣть солнце надъ собой,
Просторъ вдыхая безпредѣльный,
Морозный, дивно голубой.

4.

СУЖЕНЫЙ.

102 Мы пололи снѣгъ морозный,
Воскъ топили золотой,
И веселою гурьбой
Провожали вечеръ звѣздный.
Пропустила я межъ рукъ
Шутки, пѣсни подругъ.
Я – одна. Свѣча горитъ,
Полотенцемъ столъ накрытъ.

Ну, крещенское гаданье,
Ты гляди, не обмани!
Сердце, сердце, страхъ гони -
Вѣдь постыло ожиданье.
        Свѣтлый мѣсяцъ всплылъ давно,
        Смотритъ, ясный, въ окно...
Серебрится санный путь...
Страшно въ зеркало взглянуть!

Вдругъ подкрадется, заглянетъ
Домовой изъ-за плеча!
Черный воронъ, не крича,
Пролетитъ въ ночномъ туманѣ...
        Черный воронъ - знакъ худой.
        Страшно мнѣ, молодой, -
Не отмолишься потомъ,
Если суженый съ хвостомъ!

Будь, что будетъ! Замирая,
Робко глянула въ стекло.
Въ кругломъ зеркалѣ - свѣтло
Вьется дымка золотая...
        Сквозь лазоревый туманъ
        Словно бьетъ барабанъ,
Да идутъ изъ-за лѣска
Со знаменами войска!

Вижу - суженый въ шинели,
Съ перевязанной рукой.
Ну и молодецъ какой -
Не боялся, знать, шрапнели:
        Бѣлый крестикъ на груди...
        Милый, шибче иди!
Я ждала тебя давно,
Заживемъ, какъ суждено!

РОДИНѢ.

103 Не силы темныя, глухія
Даруютъ первенство въ бою:
Тѣлохранители святые
Твой направляютъ шагъ, Россія,
И укрѣпляютъ мощь твою!

Батыя и Наполеона
Побѣдоносно отразя –
И нынче, какъ во время оно,
Побѣды вѣсть – твои знамена
И славы путь – твоя стезя.

Съ тобою – Богъ. На подвигъ правый
Ты мечъ не даромъ подняла!
И міръ глядитъ на бой кровавый,
Моля, чтобы Орелъ Двуглавый
Сразилъ тевтонскаго орла.

ГЕОРГІЙ ИВАНОВЪ

ВЕРЕСКЪ

ВТОРАЯ КНИГА
СТИХОВЪ

„АЛЬЦІОНА"
Москва — Петроградъ
1916

СТИХИ 1914 - 1915 г.

104 Мы скучали зимой, влюблялись весною,
Играли въ теннисъ мы жаркимъ лѣтомъ...
Теперь летимъ подъ мѣдной луною,
И осень правитъ кабріолетомъ.

Уже позолота на вялыхъ злакахъ,
А наша цѣль далека, близка ли?..
Уже охотники въ красныхъ фракахъ
Съ веселыми гончими—проскакали...

Стало дышать труднѣй и слаще...
Скоро, о скоро падешь бездыханнымъ
Подъ звуки роговъ въ дубовой чащѣ
На верескъ болотный—днемъ туманнымъ!

ЛИТОГРАФІЯ

105 Америки оборванная карта
И глобуса вращающійся кругъ.
Румяный шкиперъ споритъ безъ азарта,
Но горячится, не согласенъ, другъ.

И съ полюса несется на экваторъ
Рука и синій выцвѣтшій обшлагъ,
А солнца лучъ, летя въ иллюминаторъ,
Скользитъ на столъ, на кресло и на флагъ.

Спокойно все. Слышна команда съ рубки,
И шкиперъ хочетъ вымолвить—„Да брось“...
Но споритъ другъ. И вспыхиваютъ трубки.
И жалобно скрипитъ земная ось.

106 Растрепанные грозами—тяжелые дубы
И вѣтра безпокойнаго—осеннія мольбы,
Надъ Нѣманомъ клокочущимъ—обрыва желтизна—
И дымная и плоская—октябрьская луна.

Природа обветшалая пустынна и мертва...
Ступаю неувѣренно, кружится голова...
Деревья распростертыя и тучи при лунѣ—
Лишь тѣни, отраженныя на дряхломъ полотнѣ.

Предъ тусклою, огромною картиною стою
И мастера стариннаго какъ будто узнаю,—
Но властно прорывается въ видѣнія и сны
Глухое клокотаніе разгнѣванной волны!

107 Какъ я люблю фламандскія панно,
Гдѣ овощи, и рыбы, и вино,
И дичь богатая на блюдѣ плоскомъ—
Янтарно-желтымъ отливаетъ лоскомъ.

И писанный старинной кистью бой—
Люблю. Солдатъ съ блистающей трубой,
Клубы пороховые, мертвыхъ груду
И вздыбленные кони отовсюду!

Но тѣхъ красотъ желаннѣй и милѣй
Мнѣ купы прибережныхъ тополей,
Снастей узоръ и розовая пѣна
Мечтательныхъ закатовъ Клодъ Лоррена.

108 О, празднество на берегу, въ виду искусственнаго моря,
Гдѣ разукрашены пестро причудливые корабли.
Несется лепетъ мандолинъ, и волны плещутся имъ, вторя,
Ракета легкая взлетитъ и разсыпается вдали.

Вздыхаетъ рослый арлекинъ. Задира получаетъ вызовъ,
Спѣшатъ влюбленные къ ладьѣ — скользить въ таинственную даль...

О, подражатели Ватто, переодѣтые въ маркизовъ,—
Дворяне русскіе,—люблю вашъ доморощеный Версаль.

Пусть голубѣютъ вѣера, вздыхаютъ робкія свирѣли,
Пусть колыхаются листы подъ розоватою луной,
И воскресаетъ этотъ міръ, какъ на поблекшей акварели,—
Запечатлѣлъ его поэтъ и живописецъ крѣпостной.

109 Пожелтѣвшія гравюры,
Рамокъ круглые углы,
И пастушки и амуры
Одинаково милы.

Въ окна свѣтитъ вечеръ алый
Сквозь деревья въ серебрѣ,
Золотя иниціалы
На прадѣдовскомъ коврѣ.

Шелкомъ крытая зеленымъ
Мебель низкая—тверда,
И часы съ Наполеономъ—
Все тридцатые года.

„Быть влюблену, быть влюблену"—
Мѣрно тикаютъ часы.
Ахъ, зачѣмъ Наполеону
Подрисованы усы!

110 Кофейникъ, сахарница, блюдца,
Пять чашекъ съ узкою каймой
На голубомъ подносѣ жмутся,
И внятенъ ихъ разсказъ нѣмой:
Сначала – тоненькою кистью
Искусный мастеръ отъ руки,
Чтобъ фонъ казался золотистѣй,
Чертилъ карминомъ завитки.
И щеки пухлыя румянилъ,
Рѣсницы наводилъ слегка
Амуру, что стрѣлою ранилъ
Испуганнаго пастушка.
И вотъ уже омыты чашки
Горячей черною струей.
За кофіемъ играетъ въ шашки
Сановникъ важный и сѣдой
Иль дама, улыбаясь тонко,
Жеманно потчуетъ друзей.
Межъ тѣмъ, какъ умная болонка
На заднихъ лапкахъ – служитъ ей.
О столько губъ и рукъ касалось,
Причудливыя чашки – васъ,
Надъ живописью улыбалось
Изысканною – столько глазъ.
И всѣхъ и всѣхъ давно забытыхъ
Взяла безмолвія страна
И даже на могильныхъ плитахъ,
Пожалуй, стерты имена.
А на кофейникѣ пастушки
Попрежнему плетутъ вѣнки,
Пасутся овцы на опушкѣ,
Ныряютъ въ небо голубки;
Амуръ не измѣняетъ позы
И заплели со всѣхъ сторонъ –
Неувядающія розы
Антуанеты медальонъ.

ОТРЫВОКЪ.

Георгію Адамовичу.

111 Іюль въ началѣ. Солнце жжетъ
Пустыя дали золотя.
Семья актерская идетъ
Дорогой пыльною, кряхтя.
Старуха, комикъ и Макбетъ—
Всѣ размышляютъ про обѣдъ.
Любовникъ первый, золъ и гордъ,
Колотитъ тростью о ботфортъ.

Всѣ праздны... Бѣдный Джи,—лишь ты
Приставленъ движимость блюсти,—
А кудри—словно завиты
И лѣтъ не больше двадцати...
Слѣдить такъ скучно, чтобы мулъ
Шагая вовсе не заснулъ,
Не отвязался тюкъ съ ѣдой
Или осленокъ молодой

Не убѣжалъ. Пылитъ жара,
А путь и дологъ и унылъ.
Невольно вспомнишь вечера
Тѣ, что въ Марсели проводилъ,
При свѣтѣ звѣздъ, въ большомъ порту
Лелѣялъ смутную мечту
О южныхъ странахъ. А вдали
Чернѣли молча корабли.

Напрасно мирный свѣтъ луны
Землѣ совѣтуетъ: „Усни",—
Уже въ тавернѣ зажжены
Гостепріимные огни.
Матросы, персы, всякій людъ,
Мигая трубками, идутъ,
Толкаютъ дверь, плюютъ на полъ
И шумно занимаютъ столъ.

Какъ часто Джи глядѣлъ въ окно
На этихъ дерзкихъ забіякъ,
Что пили темное вино
И ромъ, и золотой коньякъ.
Какъ сладко тѣло била дрожь,
Когда сверкалъ внезапно ножъ
И кровь красна и горяча
Бѣжала, въ дракѣ, изъ плеча.

Все изъ-за женщинъ. Какъ въ мечтѣ
Проклятья, ссоры и ножи!
Но завитые дамы тѣ
Совсѣмъ не волновали Джи.
Когда одна изъ нихъ шутя
Его звала: „пойдемъ, дитя“...
Онъ грубо руки отводилъ
И, повернувшись, уходилъ.

Но, пробужденному, ему
Являлось утромъ иногда
Воспоминаніе, какъ тьму
Вдругъ пронизавшая звѣзда.
Не зналъ когда, не помнилъ гдѣ,
Но видѣлъ взглядъ—звѣзду въ водѣ,
Но до сихъ поръ горячій ротъ,
Казалось,—и томитъ и жжетъ.

Ахъ если бы еще хоть разъ
Увидѣть сонъ такой опять,
Взглянуть въ зрачки огромныхъ глазъ,
Одежду легкую измять,—
Но въ этой жизни кочевой
Онъ видитъ только ужинъ свой
Да то, что выкрали осла,
Да пьесу, что сегодня шла.

М. Н. Бялковскому.

112 Кудрявы липы, небо сине,
Застыли сонно облака.
На урнѣ надпись по-латыни
И два печальныхъ голубка.

Внизу безмолвствуетъ цѣвница,
А надпись грустная гласитъ:
„Здѣсь друга вѣрнаго гробница“,
Орфей подъ этимъ камнемъ спитъ.

Все обвилъ плющъ, на хмель похожій,
Окуталъ урну темный мохъ.
Остановись предъ ней, прохожій,
Пошли поэту томный вздохъ.

И послѣ съ граціей неспѣшной,
Какъ въ старину—слезу пролей:
Здѣсь госпожею безутѣшной
Поставленъ мопсу мавзолей.

113 Визжа ползетъ тяжелая лебедка...
О берегъ разбивается волна
Янтарная. И парусная лодка
Закатомъ мѣдно-краснымъ зажжена.

Вотъ капитанъ. За нимъ плетется сетеръ,
Неся въ зубахъ витой испанскій хлыстъ,
И, якоря раскачивая,—вѣтеръ
Взметаетъ пыль и обрываетъ листъ...

А капитанъ въ бинокль обозрѣваетъ
Узоръ снастей, таверну на мысу...
Межъ тѣмъ луна октябрьская всплываетъ
И золотитъ гриффона на носу.

114 На старомъ дѣдовскомъ кисетѣ
Слезинки бисера блестятъ,
Четыре купидона—въ сѣти
Поймать курильщика хотятъ.

Но поджимаетъ ноги турокъ
Съ преравнодушнѣйшимъ лицомъ,
Ему не до любовныхъ жмурокъ,
Кольцо пускаетъ за кольцомъ.

Переверни кисетъ. Печаленъ
И живописенъ вмѣстѣ видъ:
Надъ дряхлой кровлею развалинъ
Луна туманная глядитъ.

А у застежки въ львиныхъ лапахъ
Коранъ, крутыя облака
И слышенъ выдохшійся запахъ
И пачули, и табака.

СКРОМНЫЙ ПЕЙЗАЖЪ

Всеволоду Курдюмову.

115 Бросаетъ дѣвочка—котенку
Полуразмотанный клубокъ,
На золотистую плетенку
Усѣлся сизый голубокъ.

Гдѣ начинается деревня—
Среди столѣтнихъ тополей—
Старо-французская харчевня
Сіяетъ вывѣской своей.

Большая туча тихо таетъ,
Стоитъ охотникъ у ручья—
И вороненокъ улетаетъ
Отъ непроворнаго ружья.

А сзади— слышенъ посвистъ тонкій
Бича и дальній топотъ стадъ
И отъ лучей зари—въ плетенкѣ
Все розовѣе виноградъ.

116 Все въ жизни мило и просто,
Какъ въ окнахъ прудъ и боскетъ,
Какъ этотъ въ халатѣ пестромъ
Мечтающій поэтъ.

Разсѣянно трубку куритъ,
Покачиваясь слегка.
Глаза свои онъ щуритъ
На янтарныя облака.

Ужъ вечеръ. Стада пропылили,
Проиграли сборъ пастухи.
Что жъ ужинать, или
Еще сочинить стихи?...

Онъ началъ: «Любовь—крылата»...
И строчки не дописалъ.
На пестрой полѣ халата
Узорный лучъ—погасалъ...

117 Визжатъ гудки. Несется ругань съ барокъ—
Уже огни въ тавернѣ зажжены
И, вечера іюльскаго подарокъ,
Встаетъ въ окошкѣ полукругъ луны.

88 Какъ хорошо на пристани въ Марсели
Тебя встрѣчать, румяная луна.
Раздумывать—какія птицы сѣли
На мачту. За бутылкою вина.

Глядѣть, какъ шумно роются колеса
„Септиміи", влачащія ее,
Какъ рослая любовница матроса
Полощетъ въ лужѣ—грубое бѣлье.

Шуршитъ прибой. Гудки визжатъ упрямо,
Но все полно—такою стариной,
Какъ будто палисандровая рама
И дряхлый листъ гравюры предо мной.

И кажется,—тяжелой дверью хлопнувъ
Сэръ Джонъ Фарфаксъ—войдетъ сюда сейчасъ—
Закажетъ виски—и ногою топнувъ
О странствіяхъ своихъ начнетъ разсказъ.

118 Цитерскій голубокъ и мальчикъ со свирѣлью,
На мраморной плитѣ—латинскіе стихи.
Какъ нѣжно тронуты прозрачной акварелью
Деревъ раскидистыхъ кудрявые верхи.

Заря шафранная—въ бассейнѣ догорая—
Дельфину золотитъ густую чешую
И въ блѣдныхъ небесахъ искусственнаго рая
Фонтана легкую, чуть слышную струю.

119 Про меня "мошенникъ" вкратцѣ
Говорятъ, говорятъ,
И пестрѣй шли на паяцѣ
Мой нарядъ, мой нарядъ.
Я плясунъ, плясунъ канатный
Бибабо, бибабо.
Я кричу: мой вѣрный, ватный
Песъ тубо, песъ тубо.
Прибрели мы изъ Китая
Съ нимъ вдвоемъ, съ нимъ вдвоемъ.
По трапецiямъ летая
Все поемъ, все поемъ.
Въ нашихъ пѣсняхъ много чуши, -
Правда - ложь, правда - ложь,
Затыкай, коль хочешь уши -
Ну такъ что жъ, ну такъ что жъ!
Я судьбы, плясунъ канатный, -
Не кляну, не кляну.
Замѣняетъ песикъ ватный
И жену, и жену.

120 Безпокойно сегодня мое одиночество -
У портрета стою - и томитъ тишина.
Мой прапрадѣдъ Василiй - не вспомню я отчества -
Какъ живой, прямо въ душу - глядитъ съ полотна.

Темносинiй камзолъ отставного военнаго,
Арапченокъ у ногъ и турецкiй кальянъ.
Въ закорузлой рукѣ - серебристаго пѣннаго
Круглый ковшъ. Только видно, помѣщикъ не пьянъ.

Хмуритъ брови сѣдыя надъ взорами карими,
Опустились морщины у темнаго рта.
Эта грудь, уцѣлѣвъ подъ столькими ударами
Непрiятельскихъ шашекъ, - тоской налита.

Что жъ? На старости лѣтъ съ сыновьями не справиться,
Иль плечамъ тяжелы прожитые года
Иль до смерти мила крѣпостная красавица
Что завистникъ-сосѣдъ не продастъ никогда.

Нѣтъ иное томитъ. Какъ сквозь пологъ затученный
Прорѣзается бѣлое пламя луны, -
Тихiй призракъ встаетъ въ подземельѣ замученной
Неповинной страдалицы - первой жены.

Не избыть этой муки въ разгулѣ неистовомъ,
Не залить угрызенiя влагой хмельной...
Запершись въ кабинетѣ - покончилъ бы выстрѣломъ
Съ невеселою жизнью, - да въ небѣ темно.

И теперь, заклейменный семейнымъ преданiемъ,
Какъ живой, какъ живой, онъ глядитъ съ полотна,
Точно нѣту прощенья его злодѣянiямъ
И загробная жизнь, какъ земная, - черна.

121 Вотъ роща и укромная полянка,
Обрывъ крутой, гдѣ зелень и песокъ;
Вотъ въ пестромъ сарафанѣ—поселянка,
Сбирающая клюкву въ кузовокъ.

Глядитъ изъ-за ствола охотникъ-баринъ,
Виляетъ песъ, убитой птицѣ радъ.
Отъ солнца заходящаго—янтаренъ
Ружья тяжеловѣснаго прикладъ.

Закатный лучъ замѣтно увядаетъ,
Шуршатъ листы, клубятся облака
И скромно поцѣлуя ожидаетъ,
Какъ яблоко румяная, щека.

122 Шотландiя, туманный берегъ твой
И пастбища съ зеленою травой,
Гдѣ тучныя покоются стада,
Такъ горестно покинуть навсегда!

Ужель на все гляжу въ послѣдній разъ,
Что тамъ вдали скрывается отъ глазъ,
И холмъ отца межъ ивовыхъ вѣтвей
И мирный кровъ возлюбленной моей...

Прощай, прощай! О верескъ, о туманъ...
Тускнѣетъ даль и ропщетъ океанъ
И нашъ корабль уноситъ какъ ладью...
Храни Господь, Шотландію мою!

123

Все образуетъ въ жизни кругъ—
Сліянье устъ, пожатье рукъ.
Закату вслѣдъ встаетъ восходъ,
Роняетъ осень зрѣлый плодъ.
Танцуемъ легкій танецъ мы,
При свѣтѣ лампъ—не видимъ тьмы.
Равно—лужайка иль паркетъ—
Танцуй монахъ, танцуй поэтъ.
А ты, амуръ, стрѣлами рань—
Вездѣ сердца—куда ни глянь.
И пастухи и колдуны
Стремленью сладкому вѣрны.
Весь міръ—влюбленные одни,
Гасите медленно огни...
Пусть образуетъ тайный кругъ—
Сліянье устъ, пожатье рукъ!..

124

Ужъ рыбаки вернулись съ ловли
И потускнѣли валуны,
Легъ на соломенныя кровли
Розово-сѣрый блескъ луны.

Насторожившееся ухо
Слушаетъ медленный прибой:
Плещется море мѣрно, глухо,
Словно часовъ старинныхъ бой.

И надъ тревожными волнами
Въ воздухѢ гаснущемъ, блѢдна,
За безпокойными вѢтвями—
Приподнимается луна.

125

Какъ древняя ликующая слава,
Плывутъ и пламенѢютъ облака,
И ангелъ съ крѢпости Петра и Павла
Глядитъ сквозь нихъ—въ грядущіе вѢка.

Но ясенъ взоръ—и неизвѢстно, что тамъ—
Какіе сны, закаты, города—
На смѢну этимъ блеклымъ позолотамъ—
Какая ночь настанетъ навсегда!

126

Уже сухого снѢга хлопья
Швыряетъ вѢтеръ съ высоты
И поздней осени холопья,
Мятутся ржавые листы.

Тоски смертельную заразу
Струитъ поблекшая заря.
Какъ все перемѢнилось сразу
ЖелѢзной волей ноября.

Лишь дряхлой мраморной богини
Уста попрежнему горды,
Твоя давно въ ея кувшинѢ
Не слышно пѢнія воды.

Да тамъ, гдѢ на террасѢ—гвозди
Хранятъ обрывки полотна—
Свои исклеванныя гроздья
Еще качаетъ бузина.

127

Веселый вѣтеръ гонитъ ледъ,
А ночь весенняя – блѣдна,
Всю ночь стоять бы напролетъ
У озареннаго окна.

Глядѣть на волны и гранитъ
И слышать этотъ смутный громъ
И видѣть небо, что сквозитъ
То синевой, то серебромъ.

О сердце, бейся волнамъ въ ладъ,
Тревогой вешнею гори...
Луны серебряный закатъ
Смѣняютъ отблески зари.

Летятъ и таютъ тѣни птицъ
За крѣпость – въ сумракъ заревой.
И все свѣтлѣе тонкій шпицъ
Надъ дымно-розовой Невой.

128

Закатъ золотой. Снѣга
Залилъ янтарь,
Мнѣ Гатчина дорога
Совсѣмъ какъ встарь.

Томительнѣе тоски
И слаще—нѣтъ,
Съ вокзала слышны свистки,
Въ окошкѣ—свѣтъ.

Обманчивый свѣтъ зари
Въ окнѣ твоемъ,
Калитку лишь отвори
И мы—вдвоемъ.

Все прежнее: паркъ, вокзалъ...
А ты—на войнѣ,
Ты только прости сказалъ,
Улыбнулся мнѣ;

Улыбнулся въ послѣдній разъ
Подъ стукъ колесъ,
И не было даже слезъ
У веселыхъ глазъ.

129 Всѣ дни съ другимъ, всѣ дни не съ вами,
Смѣюсь, вздыхаю и курю
И равнодушными словами
О безразличномъ говорю.

Но въ ресторанѣ и въ пролеткѣ,
Въ разнообразныхъ смѣнахъ дня,
Вашъ образъ сладостно-нечеткій
Не отступаетъ отъ меня.

Я не запомнилъ точныхъ линій,
Но ясный взоръ и нѣжный ротъ,
Но шеи надъ рубашкой синей
Неизъяснимый поворотъ,—

Преслѣдуютъ меня и мучатъ
Сжимаютъ обручемъ виски,
Долготерпѣнью сердце учатъ,
Не признававшее тоски.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

130 Никакого мнѣ не нужно рая,
Никакая не страшна гроза—
Волосы твои перебирая
Все глядѣлъ бы въ милые глаза.

Какъ въ источникъ ясный, надъ которымъ
Путникъ наклоняется страдой,
Видя съ облаками и просторомъ
Небо отраженное водой.

СТИХИ 1913 - 1914 г.

131 Настануть холода,
Осыпятся листы -
И будеть льдомъ - вода.
Любовь моя, а ты?

И бѣлый, бѣлый снѣгъ
Покроеть гладь ручья
И мiръ лишится нѣгъ...
А ты, любовь моя?

Но съ милою весной
Снѣга растаюmъ вновь.
Вернутся свѣтъ и зной -
А ты, моя любовь?

ГЕОРГІЙ ИВАНОВЪ

ВЕРЕСКЪ

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ / ПЕТЕРБУРГЪ / МОСКВА
1923

Ю. Анненков.
1921

132 Оттепель. Похоже
Точно пришла весна,
Но легкій морозъ по кожѣ
Говоритъ: нѣтъ, не она.

Запахъ фабричной сажи
И облака легки.
Рождественскихъ елокъ даже
Не привезли мужики.

И все стоитъ въ «провалѣ»
Невыкачанной вода...
Вы знаете. Вы бывали.
Неужели никогда.

На западѣ вьются ленты,
Невы леденѣетъ гладь
Влюбленные и декаденты
Приходятъ сюда гулять.

И только намъ нѣтъ удачи,
И красимъ губы мы,
И деньги безъ отдачи
Выпрашиваемъ взаймы.

133 О разставаньи на мосту
И о кострѣ въ ночномъ туманѣ
Вздохнулъ. А на окнѣ въ цвѣту
Такія яркія герани.

Пылятъ стада, пастухъ поетъ...
Какая ясная погода.
Какъ быстро осень настаетъ
Уже пятнадцатаго года.

134 Пустынна и длинна моя дорога,
А небо лучезарнѣе, чѣмъ рай
И яхонтами на подолѣ Бога
Сквозь дымъ сіяетъ горизонта край.

И дальше, тамъ, гдѣ вѣстницею ночи
Зажглась шестиугольная звѣзда
Глядятъ на землю голубыя очи,
Колышется сѣдая борода.

Но кажется, уставъ отъ дѣлъ тревожныхъ
Не слышитъ старый и спокойный Богъ,
Какъ крылья ласточекъ неосторожныхъ
Касаются его тяжелыхъ ногъ.

Т. Готье

БѢГСТВО

135

КАДИДЖА

На небосклонѣ отсіяла
Луна, и нѣтъ другихъ огней.
Ночь одолжитъ намъ покрывало.
Бѣжимъ скорѣй.

АХМЕТЪ

Скажи, ты не боишься гнѣва,
Которымъ братъ зажжется твой,
Отчаянья отца, о, дѣва,
Отца съ сѣдою бородой.

КАДИДЖА

О, что опасность, что проклятье,
Что ненависть душѣ моей.
Она живетъ въ твоемъ объятьѣ,
Бѣжимъ скорѣй.

АХМЕТЪ

Мнѣ страшно; сердце задрожало.
Я словно чую впереди
Ихъ леденящаго кинжала
Стальное остріе въ груди.

КАДИДЖА

Рожденъ въ пустынѣ и испытанъ
Мой конь; по бороздамъ полей,
Соперникъ вѣтра, полетитъ онъ.
Бѣжимъ скорѣй.

АХМЕТЪ

Въ пустынѣ непреодолимой
Нѣтъ зонтика, чтобъ бросить тѣнь,
Палатки нѣтъ... Огнемъ палимый,
Какъ проведу я знойный день...

КАДИДЖА

Мои рѣсницы — тѣнь; палатка
Раскроется моихъ кудрей,
И мы задремлемъ ночью сладко.
Бѣжимъ скорѣй.

АХМЕТЪ

А вдругъ миражъ дорогу скроетъ
И мы заблудимся — увы.
Кто насъ накормитъ, кто напоитъ.
На утро будемъ мы мертвы.

КАДИДЖА

Какъ сладко душу счастье ранитъ.
Пей слезы радости моей,
Когда воды у насъ не станетъ.
Бѣжимъ скорѣй.

ЖЕЛАНЬЯ

136 Когда-бъ волшебница съ крылами, какъ сафиръ,
Подъ свѣжей зеленью Аркады,
Бѣлѣй жемчужины, которой гордъ Офиръ,
Явилась предо мной сквозь вѣющій зефиръ
Тамъ, гдѣ запѣнились каскады,

Явилась, говоря: — что хочешь — сундуки
Алмазовъ или радость славы.
Искусства волшебства владѣнья велики,
Я превращать могу — движеніемъ руки
Въ сокровища — сухіе травы.

Я отвѣчалъ бы ей: хочу, чтобы съ волной
Небесъ играло отраженье,
И солнца, въ высотѣ кристально-голубой,
Чтобъ ни туманъ, ни паръ не заслонилъ собой
Его чудесное движенье.

Хочу, чтобъ подо мной Арабскій конь сейчасъ
Легко запрядалъ съ видомъ гордымъ,
Съ роскошной гривой, съ горячимъ блескомъ глазъ,
Что, словно Гиппогрифъ, перелетаетъ въ часъ
Изъ Абиссиніи къ фіордамъ.

Пурпуровый кіоскъ хочу, гдѣ минаретъ
Въ колонкахъ бѣлыхъ, золоченый,
Что разукрашенъ весь, мозаикой одѣтъ,
Гдѣ въ стекла пестрыя проскальзываетъ свѣтъ.
Голубоватый и смягченный.

Когда настанетъ зной, пусть движущійся лѣсъ
Повсюду слѣдуетъ за мною,
Прохладныхъ сикоморъ и яворовъ навѣсъ
Огромнымъ вѣеромъ закроетъ сводъ небесъ
Своею шелковой листвою.

И яхту легкую желалъ бы я имѣть,
Пусть вьется парусъ бѣлоснѣжный.
Хотѣлъ бы наблюдать, какъ дѣлитъ волны мѣдь,
Вдоль тихихъ острововъ качаться и летѣть,
Когда сіяютъ звѣзды нѣжно.

Хочу и засыпать, и просыпаться я
Подъ итальянскій гулъ веселый,
И слышать цѣлый день, какъ, грусти не тая,
Печальный Вендемиръ, журчитъ твоя струя,
Иль арфы плачутся Эола.

Алмею я хочу, что, обнажая станъ,
Свой легкій шарфъ изъ кашемира
Кружитъ надъ головой, окутанной въ тюрбанъ...
Хочу гаремъ и слугъ, какъ царственный султанъ,
Чей ленъ — Багдадъ или Пальмира.

Хочу индійскій мечъ — пусть рукоять его
Плѣняетъ глазъ рѣзьбою дивной.
Но сердце дѣвушки желаннѣе всего,
Что отвѣчало бы на пламень моего
Любовью юной и наивной.

ВАТТО

137 Я шелъ къ Парижу сельскою дорогой
Вдоль колеи въ вечерней тишинѣ
Съ единственною спутницей — тревогой,
Что молча подавала руку мнѣ.

Просторъ полей суровый, помертвѣлый
Въ гармоніи съ такимъ же небомъ былъ.
Въ пустой степи ничто не зеленѣло, —
Лишь паркъ одинъ, что счетъ годамъ забылъ.

Глядѣлъ я долго за рѣшетку. Это
Былъ паркъ во вкусѣ стараго Ватто,
Дорожки по линейкѣ и боскеты,
Гдѣ все причесано и завито.

Грусть уносилъ я и очарованье.
Когда глядѣлъ я, понялъ, что къ мечтамъ
Былъ близокъ я всего существованья,
Что счастіе мое сокрыто тамъ.

ВЫКУПЪ

Ш. Бодлеръ

138 Чтобъ выкупъ за себя отдать,
Имѣетъ человѣкъ два поля:
Онъ долженъ разумомъ и волей
Ихъ цѣлину перепахать.

Чтобъ колосъ вырастили нѣдра,
Ничтожнѣйшій цвѣтокъ проросъ,
Потокомъ ежедневныхъ слезъ
Ты долженъ поливать ихъ щедро.

Искусство и любовь — поля.
Когда настанетъ день ужасный
Суда, гдѣ жалобы напрасны,
Чтобъ милостивымъ былъ судья.

Ты долженъ показать чудесныхъ
Цвѣтовъ, колосьевъ золотыхъ
Амбаръ, снискавъ красою ихъ
Заступничество силъ небесныхъ.

ВОДОМЕТЪ

139 Моя возлюбленная, нѣжный
Твой взоръ усталъ, сомкни его
И позы не мѣняй небрежной,
Хранящей страсти торжество.
Въ саду фонтанъ лепечетъ пѣнный,
Не умолкая ни на мигъ,
Баюкая восторгъ блаженный,
Что въ этотъ вечеръ я постигъ.

Какъ снопъ, что расцвѣтаетъ
Гирляндой розъ,
Гдѣ Феба пролетаетъ
Быстрѣй стрекозъ
Широко ниспадаетъ
Волною слезъ.

Такъ молніей любви палима,
Уносится душа твоя,
Отважна и неудержима,
Въ благоуханные края,
Потомъ струится утомленно,
Какъ меланхоліи волна,
И вотъ съ незримаго уклона
Мнѣ въ сердце падаетъ она.

Какъ снопъ, что расцвѣтаетъ
Гирляндой розъ,
Гдѣ Феба пролетаетъ
Быстрѣй стрекозъ
Широко ниспадаетъ
Волною слезъ.

Ты кажешься такой прекрасной,
Такъ сладостно съ тобой вдвоемъ
Слѣдить за жалобой напрасной
Струи летящей въ водоемъ.
Деревьевъ дрожь предъ ґуломъ пѣннымъ.
Блистательная ночь. Луна.
Въ васъ точно въ зеркалѣ блаженномъ
Моя любовь отражена.

Какъ снопъ, что расцвѣтаетъ
Гирляндой розъ,
Гдѣ Феба пролетаетъ
Быстрѣй стрекозъ,
Широко ниспадаетъ
Волною слезъ.

Альбертъ Самэнъ

СИРЕНЫ

140 Летѣла пѣснь сиренъ... Вдали по островкамъ
Мелодія любви вздыхала непрерывно
Желанія текли въ гармоніи призывной
И слезы на глаза просились морякамъ...

Летѣла пѣснь сиренъ... Томились паруса
У скалъ, плѣненные душистыми цвѣтами,
И въ душу кормчаго, отражены волнами,
Всѣ звѣзды, всю лазурь вливали небеса.

Летѣла пѣснь сиренъ... ихъ голосъ изъ воды
Рыдая съ вѣтеркомъ, звучалъ нѣжнѣй и глуше
И въ пѣньи былъ восторгъ, гдѣ разбивались души,
Какъ послѣ дня жары созрѣлые плоды.

Таинственная даль миражами цвѣла,
Туда летѣлъ корабль, окутанный мечтами
И тамъ — видѣніе — надъ блѣдными песками
Качались въ золотѣ влюбленныя тѣла.

Въ растущемъ сумракѣ, прозрачны и легки,
Скользили подъ луною такъ медленно сирены
И, гибкія, среди голубоватой пѣны
Серебряныхъ хвостовъ свивали завитки.

Ихъ плоти перламутръ жемчужной бѣлизной
Блисталъ и отливалъ подъ всплесками эмали
Нагія груди ихъ округло подымали
Коралловыхъ сосковъ приманку надъ волной.

Нагія руки ихъ манили на волнахъ,
Средь бѣлокурыхъ косъ цвѣла трава морская
Они, откинувъ станъ и ноздри раздувая,
Дарили синеву тамъ, въ звѣздныхъ ихъ глазахъ.

Слабѣла музыка... Надъ позолотой струй
Лилось томленіе невѣдомаго рая
Мечтали моряки, дрожа и замирая,
Что бархатный сомкнулъ ихъ очи поцѣлуй.

И до конца людей, отмѣченныхъ судьбою,
Тотъ хоръ сопровождалъ божественно-мятежный,
На снѣговыхъ рукахъ баюкаемый нѣжно.
Сіяющій корабль скрывался подъ водой.

Благоухала ночь... Вдали по островкамъ
Мелодія любви вздыхала непрерывно
И море, рокоча торжественно и дивно,
Свой саванъ голубой раскрыло морякамъ.

Летѣла пѣснь сиренъ... Но времена прошли
Счастливой гибели въ волнахъ чужого края,
Когда въ рукахъ сиренъ, блаженно умирая,
Сплетенные съ мечтой тонули корабли.

ВСТУПЛЕНІЕ КЪ КНИГѢ

Въ Саду Инфанты

141 Моя душа живетъ, инфанты горделивѣй,
И отражается въ пустынныхъ зеркалахъ
Ея изгнанія неторопливый шагъ,
Галерой брошенной въ невѣдомомъ заливѣ.

У ногъ ея лежатъ въ дремотности своей
Съ печальнымъ взоромъ двѣ шотландскія борзыя,
Порой бегутъ въ лѣса мечтанья голубыя
И символическихъ преслѣдуютъ звѣрей.

Ея любимый пажъ по имени «Когда-то»
Читаетъ ей стихи вполголоса — она,
Съ тюльпанами въ рукахъ, безмолвствуетъ, блѣдна,
Ихъ тайны слушая въ сіяніи заката.

Кругомъ раскинутъ паркъ — очарованье глазъ —
Бассейны, мраморы, перила, балюстрады,
И строгая, она въ дыханіи прохлады
Переживаетъ сны, сокрытые для насъ.

Покорно нѣжная, не зная удивленья,
Бороться съ роковымъ оставивъ навсегда
Она чувствительна, какъ къ вѣтерку вода,
Къ порывамъ жалости хоть не безъ презрѣнья.

Покорно-нѣжная, она грустна порой
Припомнивъ, какъ во снѣ, добычу океана,
Армаду, жертву лжи и обмана
И цѣлый міръ надеждъ, уснувшихъ подъ водой.

Тяжелымъ вечеромъ пурпурнымъ, полнымъ страсти
Ванъ-Дейка облики, надменны и блѣдны,
И въ черномъ бархатѣ взирая со стѣны,
И видомъ царственнымъ ей говорятъ о власти.

Вдругъ трауръ озарятъ старинныя мечты
Въ видѣньяхъ, гдѣ тоска теряетъ власть отравы

Прощаетъ душу ей, — лучъ — солнца или славы —
Рубины гордости вновь свѣтомъ залиты.

Улыбкой грустною смирится лихорадка.
И чуждая толпѣ — опять вѣрна тоска,
Шумъ жизни слушаетъ, какъ море, вдалекѣ
И снова на губахъ глубокая загадка.

Никто не возмутитъ покой ея очей.
Гдѣ Мертвыхъ Городовъ спитъ Духъ подъ покрываломъ,
Безшумно, по пустымъ она проходитъ заламъ
На зовъ таинственный въ безмолвіи ночей.

Фонтаны тамъ внизу лепечутъ все лѣнивѣй,
Съ тюльпанами она садится у окна.
Въ старинныхъ зеркалахъ едва отражена,
Галерой брошенной въ невѣдомомъ заливѣ.
Моя душа живетъ, инфанты горделивѣй.

ГЕОРГИЙ
ИВАНОВ
САДЫ
третья
книга
стихов
ПЕТРОПОЛИС
1921

Георгий Иванов

С А Д Ы

Третья книга стихов

ПЕТЕРБУРГ
1921

ИРИНЕ ОДОЕВЦЕВОЙ

142 Где ты Селим и где твоя Заира,
Стихи Гафиза, лютня и луна!
Жестокий луч полуденного мира
Оставил сердцу только имена.

И песнь моя, тревогою палима,
Не знает, где предел ее тоски.
Где ветер над гробницею Селима
Восточных роз роняет лепестки.

143 Эоловой арфой вздыхает печаль
И звезд восковых зажигаются свечи
И дальний закат, как персидская шаль,
Которой окутаны нежные плечи.

Зачем без умолку свистят соловьи,
Зачем расцветают и гаснут закаты,
Зачем драгоценные плечи твои,
Как жемчуг нежны и как небо покаты!

О если бы стать восковою свечой
О если бы стать бездыханной звездою
О если бы тусклой закатной парчой
Бессмысленно таять над томной водою!

144 Не о любви прошу, не о весне пою
Но только ты одна послушай песнь мою

И разве мог бы я, о посуди сама,
Взглянуть на этот снег и не сойти с ума.

Обыкновенный день, обыкновенный сад,
Но почему кругом колокола звонят

И соловьи поют и на снегу цветы
О почему, ответь, или не знаешь ты?

И разве мог бы я, о посуди сама,
В твои глаза взглянуть и не сойти с ума.

Не говорю поверь, не говорю услышь
Но знаю ты сейчас на тот же снег глядишь

И за плечом твоим глядит любовь моя
На этот снежный рай, в котором ты и я.

145 Легкий месяц блеснет над крестами забытых могил,
Томный луч озарит разрушенья унылую груду,
Теплый ветер вздохнет: я травою и облаком был,
Человеческим сердцем я тоже когда-нибудь буду.

Ты влюблен, ты грустишь, ты томишься в прохладе
ночной,
Ты подругу зовешь и Марией ее называешь,
Но настанет пора и над нашей кудрявой землей
Пролетишь и не взглянешь и этих полей не узнаешь.

А любовь - семицветною радугой станет она
Кукованьем кукушки или камнем или веткою дуба,
И другие влюбленные будут стоять у окна
И другие в мучительной нежности сблизятся губы...

Теплый ветер вздыхает, деревья шумят у ручья,
Легкий серп отражается в зеркале северной ночи,
И как ризу Господню целую я платья края
И колени и губы и эти зеленые очи...

146 Глядит печаль огромными глазами
На золото осенних тополей,
На первый треугольник журавлей,
И взмахивает слабыми крылами.
Малиновка моя не улетай,
Зачем тебе Алжир, зачем Китай?

Трубит рожок и почтальон румяный
Вскочив в повозку, говорит: "Прощай"
А на террасе разливают чай
В большие неуклюжие стаканы.
И вот струю крутого кипятка
Последний луч позолотил слегка.

Я разленился. Я могу часами
Следить за перелетом ветерка
И проплывающие облака
Воображать большими парусами.
Скользит галера. Золотой гриффон
Колеблется, на запад устремлен...

А школьница любовь твердит прилежно
Урок. Увы - лишь в повтореньи он!
Но в этот час, когда со всех сторон
Осенние листы шуршат так нежно
И встреча с вами дальше, чем Китай,
О грусть влюбленная, не улетай!

147 Тяжелые дубы и камни и вода,
Старинных мастеров суровые виденья
Вы мной владеете. Дарите мне всегда
Все те же, смутные, глухие наслажденья!

Я словно в сумерки из дома выхожу
И ветер, злобствуя, срывает плащ дорожный
И пена бьет в лицо. Но зорко я гляжу
На море, на закат багровый и тревожный.

О ветер старины, я слышу голос твой,
Взволнован, как матрос, надеждою и болью
И знаю там, в огне, над зыбью роковой
Трепещут паруса, пропитанные солью.

148 Я разлюбил взыскующую землю,
Ручьев не слышу и ветрам не внемлю,

А если любы сердцу моему,
Так те шелка, что продают в Крыму.

В них розаны, и ягоды и зори
Сквозь пленное просвечивают море.

Вот, легкие, летят из рук, шурша,
И пленная внимает им душа,

И прелестью воздушною томима
Всему чужда, всего стремится мимо.

Ты знаешь, тот, кто, просто, пел и жил,
Благословенный отдых заслужил.

Настанет ночь. Как шолк падет на горы.
Померкнут краски и ослепнут взоры.

149 И пение пастушеского рога
Медлительно растаяло вдали
И сумрак веет. Только край земли
Румянит туч закатная тревога.

По листьям золотым - моя дорога.
О сердце, увяданию внемли!
Пурпурные, плывите корабли
И меркните у синего порога!

Нет, смерть меня не ждет и жизнь проста
И радостна. Но терпкая отрава
Осенняя, в душе перевита

С тобою, радость, и с тобою, слава!
И сладостней закатной нет дорог,
Когда трубит и умолкает рог.

150 Прекрасная охотница Диана
Опять вступает на осенний путь
И тускло светятся края колчана,
Рука и алебастровая грудь.

А воды бездыханны, как пустыня...
Я сяду на скамейку близ Невы
И в сердце мне печальная богиня
Пошлет стрелу с блестящей тетевы.

151 Уже бежит полночная прохлада
И первый луч затрепетал в листах
И месяца погасшая лампада
Дымится, пропадая в облаках.

Рассветный час! Урочный час разлуки
Шумит влюбленных приютивший дуб,
Последний раз соединились руки,
Последний поцелуй холодных губ.

Да! Хороши классические зори,
Когда валы на мрамор ступеней
Бросает взволновавшееся море
И чайки вьются и дышать вольней!

Но я люблю лучи иной Авроры,
Которой расцветать не суждено:
Туманный луч, позолотивший горы,
И дальний вид в широкое окно.

Дымится роща от дождя сырая,
На кровле мельницы кричит петух,
И, жалобно на дудочке играя,
Бредет за стадом маленький пастух.

152 Кровь бежит по томным жилам
И дарит отраду нам,
Сладкую покорность милым
Вечно новым именам.

Прихотью любви, пустыней
Станет плодородный край,
И взойдет в песках павлиний
Золотой и синий рай.

В чаще нежности дремучей
Путник ощупью идет,
Лютнею она певучей,
Лебедем его зовет.

– Ты желанна! Ты желанен!
– Я влюблен! Я влюблена!
Как Гафиз магометанин,
Пьяны, пьяны без вина!

И поем о смуглой коже
Розе в шолковой косе,
Об очах, что непохожи
На другие очи все.

153 В середине сентября погода
Переменчива и холодна.
Небо точно занавес. Природа
Театральной нежности полна.

Каждый камень, каждая былинка,
Что раскачивается едва,
Словно персонажи Метерлинка
Произносят странные слова:

– Я люблю, люблю и умираю...
– Погляди – душа как воск, как дым...
– Скоро скоро к голубому раю
– Лебедями полетим...

Осенью, когда туманны взоры,
Путаница в мыслях, в сердце лед,
Сладко слушать эти разговоры,
Глядя в празелень стоячих вод.

С чуть заметным головокруженьем
Проходить по желтому ковру,
Зажигать рассеянным движеньем
Папиросу на ветру.

154 Наконец то повеяла мне золотая свобода,
Воздух полный осеннего солнца и ветра и меда.

Шелестят вековые деревья пустынного сада,
И звенят колокольчики мимо идущего стада

И молочный туман проползает по низкой долине...
Этот вечер, однажды, уже пламенел в Палестине.

Так же небо синело и травы дымились сырыя
В час когда пробиралась с младенцем в Египет
Мария.

Смуглый детский румянец и ослик и кисть вино-
града...
Колокольчики мимо идущего звякали стада.

И на солнце, что гасло, павлиньи уборы отбросив
Любовался, глаза прикрывая ладонью, Иосиф.

ПЕСНЯ МЕДОРЫ

155 Я в глубине души храню страданье,
На нем для всех положена печать.
Порой забьется сердце в ожиданьи
Тебе в ответ, чтоб снова замолчать.

В нем светит похоронная лампада
Недвижным, вечным, роковым огнем,
И даже мрак таинственного ада
Незримый пламень не погасит в нем,

Я об одном молю: моей могилы
Не позабудь смиренную юдоль
О если ты меня не вспомнишь, милый,
Не станет сил нести такую боль.

Услышь меня! Мне ничего не надо,
Лишь бедный прах слезою услади
И в этом мне единая награда
За всю любовь, пылавшую в груди.

156 Зеленою кровью дубов и могильной травы
Когда-нибудь станет любовников томная кровь
И ветер, что им шелестел при разлуке: "Увы"
"Увы" прошумит над другими влюбленными вновь.

Прекрасное тело смешается с горстью песка,
И слезы в родной океан возвратятся назад...
- "Моя дорогая, над нами бегут облака,
Звезда зеленеет, и черныя ветки шумят!

Зачем же тогда веселее земное вино
И женские губы целуют хмельней и нежней
При мысли, что вскоре рассеятся нам суждено
Летучею пылью, дождем, колыханьем ветвей...

157 Вновь губы произносят: "Муза",
И жалобно поет волна
И, улыбаясь как медуза,
Показывается луна.

Чу! Легкое бряцанье меди!
И гром из озаренных туч.
Персей слетает к Андромеде,
Сжимая в длани лунный луч.

И паруса вздыхают шумно
Над гребнями пустынных вод.
Она прекрасна и безумна
То проклинает, то зовет.

Дева! Я пронзил чудовище
Сталью верного клинка!
Я принес тебе сокровище,
Ожерелья и шелка!

Вся роскошь Азии напрасна
Для Андромеды, о Персей!
Она безумна и прекрасна
Не слышит жалобы твоей.

Что жемчуг ей, что голос музы,
Что страсть и волны и закат,
Когда в глаза ее глядят
Ужасные зрачки медузы!

158 Из облака, из пены розоватой
Зеленой кровью чуть оживлены
Сады неведомого халифата
Виднеются в сиянии луны.

Там меланхолия, весна, прохлада
И ускользающее серебро.
Все очертания такого сада
Как будто страусовое перо.

Там очарованная одалиска
Играет жемчугом издалека
И в башню к узнику скользит записка
Из клюва розового голубка.

Я слышу слабое благоуханье
Прозрачных зарослей и цветников
И легкой музыки летит дыханье
Ко мне, таинственное, с облаков.

Но это длится только миг единый:
Вот снова комнатная тишина,
В горошину кисейные гардины
И Каменноостровская луна.

159 Как вымысел восточного поэта
Мой вышитый ковер затейлив ты,
Там листья малахитового цвета,
Малиновые, крупные цветы.

От полураспустившихся пионов
Прелестный отвела лица овал
Султанша смуглая. Галактионов
Такой Зарему нам нарисовал.

Но это не фонтан Бахчисарая,
Он потаеннее и слаще бьет
И лебедь романтизма, умирая,
Раскинув крылья, перед ним поет.

160 Где отцветают розы, где горит
Печальное полночное светило,
Источник плещется и говорит
О том, что будет и о том, что было.

Унынья вздохи, разрушенья вид
В пустынном небе облаков ветрила...
Здесь, в черных зарослях, меж бледных плит
Твоей любви заветная могила.

Твоей любви, поэт, твоей тоски...
На кладбище, в Шотландии туманной,
Осенних роз лелея лепестки
Ей суждено остаться безымянной

И только вздохам ветра передать
Невыплаканной песни благодать!

161 Облако свернулось клубком,
Катится блаженный клубок
И за голубым голубком
Розовый летит голубок.

Это угасает эфир!
Ты не позабудешь, дитя,
В солнечный, сияющий мир
Крылья, что простерты, летя...

Именем любовь назови!
Именем назвать не могу!
Имя моей вечной любви
Тает на февральском снегу!

162

Я вспомнил о тебе, моя могила,
Отчизна отдаленная моя,
Где рокот волн, где ива осенила
Глухую тень скалистого ручья.

Закат над рощею. Проходит стадо
Сквозь легкую тумана пелену,
Мой милый друг, мне ничего не надо,
Вот я добрел сюда и отдохну.

Старинный друг! Кто плачет, кто мечтает,
А я стою у этого ручья
И вижу, как горит и отцветает
Закатным облаком любовь моя...

163

Деревья, паруса и облака,
Цветы и радуги, моря и птицы,
Все это веселит твой взор, пока
Устало не опустятся ресницы.

Но пестрая завеса упадет
И только петь и вспомнать умея,
Душа опустошенная пойдет
По следу безутешного Орфея.

Иль будет навсегда осуждена
Как пленница, Зюлейка иль Зарема,
Вздыхать у потаенного окна
В благоуханной роскоши гарема.

164 Погляди бледно синее небо покрыто звездами
А холодное солнце еще над водою горит
И большая дорога на запад ведет облаками
В золотые, как поздняя осень, сады гесперид.

Дорогая моя, проходя по пустынной дороге
Мы, усталые, сядем на камень и сладко вздохнем
Наши волосы спутает ветер душистый и ноги
Предзакатное солнце омоет прохладным огнем.

Будут волны шуметь на песчаную мель набегая
Разнесется вдали заунывная песнь рыбака...
Это все оттого, что тебя я люблю, дорогая;
Больше теплого ветра и волн и морского песка.

В этом томном, глухом и торжественном
мире – нас двое
Больше нет никого. Больше нет ничего. Погляди:
Потемневшее солнце трепещет как сердце живое,
Как живое влюбленное сердце, что бьется в груди.

165 Теперь я знаю все воображенье
Моя Шотландия, моя тоска!
Соленых волн свободное движенье,
Рога охот и песня рыбака.

Осенний ветер беспокойно трубит
И в берег бьет холодная вода.
Изгнанник ваш, он никого не любит,
Он не вернется больше никогда!

И покидая этот мир печальный,
Что так ревниво в памяти берег,
Не обернется он, услышав дальний
"Прости поэт", пророкотавший рог.

166 Я слушал музыку, не понимая,
Как ветер слушают, или волну.
И видел желтоватую луну,
Что медлила, свой рог приподымая.

И вспомнил сумеречную страну,
Где кличет ворон - арфе отвечая,
И тень мечтательная и немая
Порою приближается к окну

И смотрит на закат. А вечер длинный
Лишь начался. Как холодно! Темно
Горит камин. Невесел дом старинный,

А все, что было, было так давно!
Лишь музыкой, невнятною для слуха,
Воспоминания рокочут глухо.

167 В меланхолические вечера,
Когда прозрачны краски увяданья,
Как разрисованные веера,
Вы раскрываетесь, воспоминанья.

Деревья жалобно шумят, луна
Напоминает бледный диск камеи,
И эхо повторяет имена
Елизаветы или Саломеи.

И снова землю я люблю за то,
Что так торжественны лучи заката,
Что легкой кистью Антуан Ватто
Коснулся сердца моего когда-то.

168 Луны осенней таял полукруг
Под облачной серебряною льдиной.
"Прощай мой друг, не позабудь, мой друг,
Удары волн и голос лебединый!"

Уже летит с пленительного юга
Попутный ветр, волнуя паруса.
Я не забуду, о прощай, подруга,
Вот эти волны, эти голоса.

Так жалобы звучали сквозь туман,
Так двое уст слились для поцелуя
На диком берегу. И океан
Шумел "Пора", разлуку торжествуя.

169 Мы зябнем от осеннего тумана
И в комнату скрываемся свою
И в тишине внимаем бытию,
Как рокоту глухого океана.

То бледное светило Осианна
Сопровождает нас в пустом краю,
То видим мы, склоненные к ручью,
Полуденные розы Туркестана.

Да, холодно и дров недостает
И жалкая луна в окно глядится,
Кусты качаются, и дождь идет,

А сердце все не хочет убедиться,
Что никогда не плыть на волю нам
По голубым эмалевым волнам.

170 Мгновенный звон стекла, холодный плеск воды,
Дрожит рука, стакан сжимая,
А в голубом окне колышутся сады
И занавеска кружевная.

О муза! Гофмана я развернул вчера
И зачитался до рассвета.
Ты близко веяла, крылатая сестра
Румяных булочниц поэта.

А наступивший день на облако похож
И легкое ветвей движенье
Напоминает вновь, что есть желанья дрожь
И счастья головокруженье.

Но ветер, шелестя, перевернул листы,
И, словно колдовства угроза,
Забвенный дар любви давно минувшей, ты
Мелькнула, высохшая роза.

КЛОД ЛОРРЕН

171 От сумрачного вдохновенья
Так сладко выйти на простор.
Увидеть море в отдаленьи,
Деревья и вершины гор.

Солоноватый ветер дышит,
Зеленоватый серп встает,
Насторожившись, ухо слышит
Согласный хор земли и вод.

Сейчас по голубой пустыне,
Поэт, для одного тебя,
Промчится отрок на дельфине
В рожок серебряный трубя.

И тихо, выступив из тени,
Плащом пурпуровым повит,
Гость неба встанет на колени
И сонный мир благословит.

ПЕТЕРГОФ

172 Опять заря! Осенний ветер влажен,
И над землею, за день не согретой,
Вздыхает дуб, который был посажен
Императрицею Елизаветой.

Как холодно! На горизонте дынном
Трепещет диск тускнеющим сияньем.
О, если бы застыть в саду пустынном
Фонтаном, деревом иль изваяньем!

Не быть влюбленным и не быть поэтом
И, смутно грезя мучившим когда-то,
Прекрасным рисоваться силуэтом
На зареве осенняго заката...

173 Нищие слепцы и калеки
Переходят горы и реки,
Распевают песни про Алексия,
А кругом широкая Россия.

Солнце подымается над Москвою,
Солнце садится за Волгой,
Над татарской Казанью месяц,
Словно пленной турчанкой вышит.

И летят исправничьи тройки,
День и ночь грохочут заводы,
Из Сибири доходят вести,
Что Второе Пришествие близко.

Кто гадает, кто верит, кто не верит
Солнце всходит и заходит...
Вот осилим страдное лето,
Ясной осенью видно будет.

174 Не райская разноцветная птичка
Прилетала на кленовую ветку
Поклевать зернá золотого,
А заря веселая ударяла
В разноцветные стекла светлицы.
В той светлице постель стоит несмята,
Не горит икона перед Спасом,
Держит муж ременную плетку,
А жена молодая плачет:
"Ты прости меня, дурную, помилуй,
Не клейми ты мои белые плечи!"

175 После летнего дождя
Зелена кругом трава,

Зелен ясень, зелен клен,
Желтый с белым весел дом.

Окна красны от зари,
Ты в окошко посмотри,

За некрашенным столом
Там Алешенька сидит,

Словно яблочко щека,
Зубы точно жемчуга,

Кудри светлые шелка
И глядит на облака.

Что, Алеша, ты сидишь,
Лучше в поле выходи.

А Алеша говорит:
- "Никуда я не пойду.

Пусть из Тулы привезут
Мне со скрипом сапоги.

Как надену сапоги,
На веселый выйду луг,

Под зеленый стану клен,
Пусть подивится народ".

176 Еще молитву повторяют губы,
А ум уже считает барыши.
Закутавшись в енотовые шубы,
Торговый люд по улицам спешит.

Дымят костры по всей столице царской,
Визжат засòвы и замки гремят,
И вот рассыпан на заре январской
Рог изобилия, фруктовый ряд.

Блеск дыни, винограда совершенство,
Румянец яблок, ананасов спесь!..
За выручкой сидит его степенство,
Как Саваоф, распоряжаясь здесь.

Читает Земщину. В прикуску с блюдца
Пьет чай, закусывая калачом,
И солнечные зайчики смеются
На чайнике, как небе голубом.

А дома, на пуховиках, сырая,
Наряженная в шолк, хозяйка ждет
И, нитку жемчуга перебирая,
Вздохнет, зевнет, да перекрестит рот.

177 В Кузнецовской пестрой чашке
С золочеными краями, -
Видно сахару не жалко -
Чай и сладок, и горяч.

Но и пить то неохота,
И натоплено то слишком,
И перина пуховая
Хоть мягка, а не мила.

Лень подвинуть локоть белый,
Занавеску лень откинуть,
Сквозь высокие герани
На Сенную поглядеть.

На Сенной мороз и солнце,
Снег скрипит под сапогами,
Громко голуби воркуют
На морозной мостовой.

Да веселый, да румяный,
Озорной и чернобровый
На Демидов переулок
Не вернется никогда!

178 Есть в литографиях старинных мастеров
Неиз'яснимое, но явное дыханье,
Напев суровых волн и шорохи дубов,
И разноцветных птиц на ветках колыханье.

Ты в лупу светлую внимательно смотри
На шпаги и плащи у старомодных франтов,
На пристань, где луна роняет янтари,
И стрелки серебрит готических курантов.

Созданья легкие искусства и ума,
Труд англичанина, и немца, и француза!
С желтеющих листов глядит на нас сама
Беспечной старины улыбчивая муза.

179

Опять белила, сепия и сажа,
И трубы гениев гремят в упор.
Опять архитектурного пейзажа
Стесненный раскрывается простор!

Горбатый мост прорезали лебедки,
Павлиний веер распустил закат,
И, легкие как парусные лодки,
Над куполами облака летят.

На плоские ступени отблеск лунный
Отбросил зарево. И, присмирев,
На черном цоколе свой шар чугунный
Тяжелой лапою сжимает лев.

180

Моя любовь она все та же
И не изменит никогда
Вам, старомодные пейзажи,
Деревья, камни и вода.

О бледно-розовая пена
Над зыбкой зеленью струи.
Матросы гаваней Лоррена,
Вы собутыльники мои.

Как хорошо блуждать, мечтая
Когда над пристанью со дна
Встает янтарно-золотая
Меланхоличная луна.

У моря сложенные бревна,
Огни таверны воровской...
И я дышу свободно, словно
Соленым ветром и тоской.

А вдалеке чернеют снасти,
Блестит зеленая звезда...
Мое единственное счастье
Деревья, камни и вода!

181 Когда скучна развернутая книга,
И, обездоленные, мы мечтаем,
Кружки кармина, кубики индиго
Становятся затейливым Китаем.

На глянцевитой плоскости фарфора,
Дыша духами и шурша шелками,
Встает пятиугольная Аврора
Над буколическими островками.

И журавли, на север улетая,
Кричат над плоскогорьем, цвета дыни,
Что знали о поэзии Китая
Лишь в Мейссене, в эпоху Марколини.

182 Я не пойду искать изменчивой судьбы
В краю, где страусы и змеи, и лианы,
Я сел бы в третий класс и я поехал бы
Через Финландию в те северные страны.

Там в ледяном лесу удары топора,
Олени быстрые и медленные птицы,
В снежки на площади веселая игра,
И старой ратуши цветные черепицы.

Там путник, постучав в гостеприимный дом,
Увидит круглый стол в вечернем полусвете.
Окончен день с его заботой и трудом,
Раскрыта библия и присмирели дети...

Вот я мечтаю так, сейчас, на Рождестве
Здесь тоже холодно. Снег поле устилает.
И, как в Норвегии, в холодной синеве
Далекая звезда трепещет и пылает.

ТУЧКОВА НАБЕРЕЖНАЯ

183 Фонарщик с лестницей, карабкаясь проворно,
Затеплил желтый газ над черною водой,
И плещется она размерно и минорно,
И отблеск красных туч тускнеет чередой.

Там Би́рона дворец и парусников снасти,
Здесь бледный луч зари, упавший на панель,
Здесь ветер осени, скликающий ненастье,
Срывает с призрака дырявую шинель.

И вспыхивает газ по узким переулкам,
Где окна сторожит глухая старина,
Где с шумом городским, размеренным и гулким,
Сливает отзвук свой летейская волна.

184 Мне все мерещится тревога и закат,
И ветер осени над площадью Дворцовой;
Одет холодной мглой Адмиралтейский сад,
И шины шелестят по мостовой торцовой.

Я буду так стоять, и ты сойдешь ко мне,
С лиловых облаков, надежда и услада!
Но медлишь ты, и вот я обречен луне,
Тоске и улицам пустого Петрограда.

И трость моя стучит по звонкой мостовой,
Где ветер в лица бьет и раздувает полы...
Заката красный дым. Сирены долгий вой.
А завтра новый день - безумный и веселый.

ПАВЛОВСКИЙ ОФИЦЕР

185 Был пятый час утра, и барабанный бой
Сливался с музыкой воинственно-манерной,
Он вел гвардейский взвод и видел пред собой
Деревья, мелкий снег и Замок Инженерный.

Желтела сквозь туман ноябрьская заря,
И ветер шелестел осенними шелками.
Он знал, что каждый день летят фельдегеря
В морозную Сибирь, где звон над рудниками.

Быть может, этот час отмеченный судьбой,
И он своих солдат неправильно расставил
И гневно ждет его с трясущейся губой
На взмыленном коне Самодержавный Павел.

Сослать немедленно! Вот царственный приказ!
И скачет ад'ютант с развернутой бумагой
К нему. А он стоит, не поднимая глаз,
С запятнанным гербом и сломанною шпагой.

- "Здорово, молодцы!" Ответный крик в ушах,
Курносое лицо сквозь частый снег мелькнуло
До завтра - пронесло! И отлетает страх
С торжественной волной приветственного гула.

186 На западе желтели облака,
Легки, как на гравюре запыленной,
И отблеск серый на воде зеленой
От каждого ложился челнока.

Еще не глохнул улиц водопад,
Еще шумел Адмиралтейский тополь,
Но видел я, о влажный бог наяд,
Как невод твой охватывал Петрополь.

Сходила ночь блаженна и легка,
И сумрак розовый сгущался в синий
И мне казалось, надпись по-латыни
Сейчас украсит эти облака.

ДЖОН ВУДЛЕЙ

187 турецкая повесть

1

Право, полдень слишком жарок,
Слишком ровен плеск воды.
Надоели плоских барок
Разноцветные ряды.

Все, что здесь доступно взору
Море, пристань, толкотня,
Пять бродяг, вступивших в ссору,
Чорт возьми, не для меня!

Что скучней - ходить без дела,
Без любви и без вина.
Розалинда охладела.
Генриэтта неверна,

Нет приезжих иностранцев,
Невоспитанных южан,
Завитых венецианцев,
Равнодушных парижан

И в таверне, вечерами,
Горячась, входя в азарт,
Я проворными руками,
Не разбрасываю карт.

Иль прошла на свете мода
На веселье и вино,
Ах, крапленая колода!
Ах, зеленое сукно!

2.

Что, синьор, нахмурил брови.
Горе? Вылечим сейчас!
Наша барка наготове,
Поджидает только вас.

Джон глядит: Пред ним, в халате,
Негр, одетый как раджа.
- "Госпожа прекрасно платит,
Пылко любит госпожа.

Будь влюбленным и стыдливым,
Нежно страстным до зари,
Даже морю и оливам
Ни о чем не говори

И всегда в карманах будут
Звякать деньги, дребезжа,
И тебя не позабудут
Ни Аллах, ни госпожа.

Лишь заря окрасит тополь,
Наш корабль отчалит вновь,
Поплывем в Константинополь,
Где довольство и любовь.

Если будешь нем и страстен,
Будешь славой окружен!"
И промолвил "Я согласен"
Зажигая трубку, Джон.

3.

Зобеида, Зобеида,
Томен жар в твоей крови,
Чья смертельнее обида,
Чем обманутой любви.

Ты с шербетом сладким тянешь
Ядовитую тоску,
Розой срезанною вянешь
На пуху и на шелку.

Ах жестокий, ах неверный,
Позабывший честь и сан,
Где ты нынче лицемерный,
Обольстительный Гассан.

Где корабль твой проплывает,
Волны пенные деля,
Чье блаженство укрывает
Неизвестная земля.

- "Я ли страстью не палима,
- Я ли слову не верна?"
"Госпожа"! пред ней Селима
Низко согнута спина.

"Госпожа, исполнен строгий
Вами отданный приказ,
Ожидает на пороге
Джон Вудлей - увидеть вас".

4.

Нынче Джон, дитя тумана,
Краснощекий малый Джи,
Носит имя Сулеймана,
Кафешенка госпожи.

Взоры гордые мерцают
И движенья горячи,
Возле пояса брыцают
Золоченые ключи.

Сладкой лестью, звонким златом
Жизнь привольная полна.
... Лишь порой перед закатом
Над Босфором тишина.

Ах, о радости чудесной
Сердце, сердце, не моли,
Вот из Генуи прелестной
Прибывают корабли.

Прибывают, проплывают,
Уплывают снова вдаль,
И душой овладевает
Одинокая печаль.

Безнадежная тревога
О потерянной навек
Жизни, что из дланей Бога
Получает человек.

ГЕОРГІЙ ИВАНОВЪ

САДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. ЕФРОНЪ
БЕРЛИНЪ

188 Оттого и томитъ меня шорохъ травы,
Что трава пожелтѣетъ и роза увянетъ,
Что твое драгоцѣнное тѣло, увы,
Полевыми цвѣтами и глиною станетъ.

Даже память исчезнетъ о насъ... И тогда
Оживетъ подъ искусными пальцами глина
И впервые плеснетъ ключевая вода
Въ золотое, широкое горло кувшина.

И другую, быть можетъ, обниметъ другой
На закатѣ, въ условленный часъ, у колодца...
И съ плеча обнаженнаго прахъ дорогой
Соскользнетъ и, звеня, на куски разобьется!

1921

189 Холодѣетъ осеннее солнце и листвой
пожелтѣвшей играетъ,
Колыхаются легкія вѣтки въ синеватомъ
вечернемъ дыму —
Это молодость наша уходитъ, это наша любовь
умираетъ,
Улыбаясь прекрасному міру и не вѣря
уже ничему.

1921

190 Вечерній небосклонъ. Съ младенчества намъ мило
Мгновенье — на границѣ тьмы.
На вѣтки въ пламени, на блѣдное свѣтило
Не можемъ наглядѣться мы.

Какъ будто въ этотъ мигъ въ тускнѣющемъ эфирѣ
Играетъ отблескъ золотой
Всѣхъ человѣческихъ надеждъ, которыхъ въ мірѣ
Зовутъ несбыточной мечтой.

1921

191 Дитя гармоніи — александрійскій стихъ
Ты медъ и золото для бѣдныхъ губъ моихъ.

Я истощилъ свой даръ въ желаньяхъ безполезныхъ
Шумъ жизни для меня, какъ звонъ цѣпей желѣзныхъ . . .

Гдѣ счастіе? Увы—гдѣ прошлогодній снѣгъ . . .
Но я еще люблю стиховъ широкій бѣгъ,

Вдругъ озаряемый, какъ солнцемъ съ небосклона
Печальной музыкой четвертаго пэона.

1921

192 Меня влечетъ обратно въ край Гафиза,
Тамъ зеленѣлъ моей Гюльнары взоръ
И полночи сафировая риза
Надъ нами раскрывалась, какъ шатеръ.

И память обездоленная ищетъ
Вездѣ, вездѣ примѣты тѣхъ полей,
Гдѣ лютня брошенная ждетъ, гдѣ свищетъ
Надъ вѣчной розой, вѣчный соловей.

1921

Георгий Иванов

ЛАМПАДА

Собрание стихотворений

Книга первая.

ПЕТРОГРАД.
1922

193 Из белого олонецкого камня,
Рукою кустаря трудолюбивой
Высокого и ясного искусства
Нам явлены простые образцы.

И я гляжу на них в тревоге смутной,
Как может быть грядущий математик,
В ребячестве еще не зная чисел,
В учебник геометрии глядит.

Я разлюбил созданья живописцев,
И музыка мне стала тяжким шумом,
И сон мои одолевает веки,
Когда я слушаю стихи друзей.

Но, с каждым днем сильней душа томится
Об острове зеленом Валааме,
О церкви из олонецкого камня
О ветре, соснах и волне морской.

194 Тонким льдом затянуты лужицы,
Словно лед, чиста синева.
Не сверкает уже, не кружится
Обессиленная листва.
В сердце нет ни тоски, ни радости,
Но покоя в нем тоже нет:
Как забыть о весенней сладости,
О сиянии прошлых лет?...

195 Когда светла осенняя тревога
В румянце туч и шорохе листов,
Так сладостно и просто верить в Бога,
В спокойный труд и свой домашний кров.

Уже закат, одеждами играя,
На лебедях промчался и погас.
И вечер мглистый и листва сырая,
И сердце узнают свой тайный час.

Но не напрасно сердце холодеет:
Ведь там за дивным пурпуром богов
Одна есть сила. Всем она владеет
Холодный ветр с летейских берегов.

196 Цвета луны и вянущей малины -
Твои, закат и тление - твои,
Тревожит ветр пустынные долины
И, замерзая, пенятся ручьи.

И лишь порой, звеня колокольцами,
Продребезжит зеленая дуга.
И лишь порой за дальними стволами -
Собачий лай, охотничьи рога.

И снова тишь... Печально и жестоко
Безмолвствует холодная заря.
И в воздухе разносится широко
Мертвящее дыханье октября.

197 Вновь с тобою рядом лежа,
Я вдыхаю нежный запах
Тела, пахнущего морем
И миндальным молоком.

Вновь с тобою рядом лежа,
С легким головокруженьем
Я заглядываю в очи,
Зеленей морской воды.

Влажные целую губы,
Теплую целую кожу,
И глаза мои ослепли
В темном золоте волос.

Словно я лежу, обласкан
Рыжими лучами солнца
На морском песке, и ветер
Пахнет горьким миндалем.

198 Прощай, прощай, дорогая! Темнеют дальние горы.
Спокойно шумят деревья. С пастбищ идут́ стада.
В последний раз гляжу я в твои прозрачные взоры
Целую влажные губы, сказавшие: "навсегда".

Вот я расстаюсь с тобою, влюбленный еще нежнее,
Чем в нашу первую встречу у этих белых камней.
Так же в тот вечер шумела мельница, и над нею
Колыхалась легкая сетка едва озаренных ветвей.

Но наша любовь увидит другие леса и горы,
И те же слова желанья прозвучат на чужом языке.
Уже я твердил когда-то безнадежное имя Леноры,
И ты, ломая руки, Ромео звала в тоске.

И как мы сейчас проходим дорогой, едва озаренной,
Прижавшись тесно друг к другу, уже мы когда-то шли.
И вновь тебя обниму я, еще нежнее влюбленный,
Под шорох воды и листьев на теплой груди земли.

199 Улыбка одна и та же,
Сухой неподвижен рот.
Такие как ты - на страже
Стоят в раю у ворот.

И только, если ресницы
Распахнутся, глянут глаза,
Кажется: реют птицы,
И где-то шумит гроза.

200 Благословенная прохлада,
Тосканы сумрак голубой...
Я помню кисти винограда
На блюде с древнею резьбой.

И девочки-крестьянки руки,
Что миртовый венок плела,
Слова любви, напев разлуки
И плеск размеренный весла.

Туманы с моря наплывали
И месяц розовый вставал,
И волны – берег целовали,
И берег – волнам отвечал.

201 Неправильный круг описала летучая мышь,
Сосновая ветка качнулась над темной рекой,
И в воздухе тонком блеснул, задевая камыш,
Серебряный камешек, брошенный детской рукой.

Я знаю, я знаю, и море на убыль идет,
Песок засыпает оазисы, сохнет река,
И в сердце пустыни когда-нибудь жизнь расцветет,
И розы вздохнут над студеной водой родника.

Но если синей в целом мире не сыщется глаз,
Как темное золото косы и губы, как мед,
Но если так сладко любить, неужели и нас
Безжалостный ветер с осенней листвой унесет.

И может быть в рокоте моря и шорохе трав
Другие влюбленные с тайной услышат тоской
О нашей любви, что погасла, на миг просияв
Серебряным камешком, брошенным детской рукой.

202 Черные вишни, зеленые сливы,
Желтые груши повисли в садах...
Ясною осенью будешь счастливой,
Будешь, мечтая, гулять при звездах.

Все неизменно: любимые книги,
В горнице низкой цветы на окне
И не тяжелые скуки вериги
И равнодушная память о мне.

203 Прошло туманное томленье,
Все ясно - в сердце острие -
Моя любовь, мое мученье,
Изнеможение мое.

Я ничего забыть не в силах
И глаз не в силах отвести
От слабых рук, от взоров милых
От губ мне шепчущих: "Прости".

Поймите, я смертельно болен,
Отравлен, скован навсегда.
В темнице, где лежу безволен,
Лишь Ваше имя, как звезда.

Но это горькое томленье
Милее мне, чем светлый рай.
Когда мне скажут: "Выбирай",
Отвергну волю и целенье,
Целуя Вам одежды край.

204 Я в жаркий полдень разлюбил
Природы сонной колыханье,
И ветра знойное дыханье,
И моря равнодушный пыл.

Вступив на берег меловой,
Рыбак бросает невод свой,
Кирпичной, крепкою ладонью
Пот отирает трудовой.

Но взору, что зеленых глыб
Отливам медным внемлет праздно,
Природа юга безобразна,
Как одурь этих сонных рыб.

Прибоя белая черта,
Шар низкорослого куста,
В ведре с дымящейся водою
Последний, слабый всплеск хвоста!..

Ночь! Скоро ли поглотит мир
Твоя бессонная утроба?
Но длится полдень, зреет злоба,
И ослепителен эфир.

205 Над морем северным холодный запад гас,
Хоть снасти дальние еще пылали красным.
Уже звучал прибой и гальционы глас
Порывом осени холодным и ужасным.

В огромное окно с чудесной высоты
Я море наблюдал. В роскошном увяданьи,
В гармонии валов жило и пело ты,
Безумца Тернера тревожное созданье.

В тумане грозовом дышалось тяжело...
Вдруг слава лунная, пробившись, озарила
Фигуру рыбака и парус, и весло,
И яростью стихий раздутое ветрило!

206 Зефир ночной волной целебной
Повеял снова в мир волшебный,
И одинокая звезда
Глядит, как пролетают долу,
Внимая горнему Эолу,
Туманных лебедей стада.

Не потревожит ветер влажный
Тяжелых лип дремоты важной,
Чей сумрак благосклонный скрыл
Блаженство рук переплетенных,
Биенье сердца, жар влюбленных
И тайный вздох, и нежный пыл.

Лишь моря ровное дыханье
Сквозь легкое благоуханье
Доносит свежесть сонных вод,
Да чайка вскрикнет и утихнет,
Да трубка пешехода вспыхнет
И в отдаленьи пропадет.

Но мне печальна эта нега!
Как путник, что искал ночлега
И не нашел его в пути,
Бредет с тяжелою сумою,
Так я с любовью и тоскою
О Муза, осужден идти!

207 Сквозь зеленеющие ветки
Скользят зеленые лучи
На занесенные ракетки
И беспокойные мячи.

О, милый Тенисс, легкий танец,
Твоя забава не груба –
Сиянье глаз и щек румянец
И легких мячиков борьба.

В азарте игроки смелеют,
Уверен каждый взмах руки,
На желтом гравии белеют
Из парусины башмаки.

Но отпарированы метко
Удары все, крепчает зной,
А отдаленная беседка
Полна прохладной тишиной.

Ах, башмаки натерты мелом,
Но башмаками ль занят ум? –
Забыл наверно мальчик в белом,
Что зелень пачкает костюм.

Слова любви журчат прилежно,
Ее рука в его руке,
И солнце розовеет нежно
На милой девичьей щеке.

208 Италия! твое Амуры имя пишут
На вечном мраморе, концами нежных стрел,
К тебе летят сердца, тобою музы дышут,
Великих вдохновлять счастливый твой удел.

Увы, не созерцал я львов святого Марка,
Дворцов Флоренции и средиземных волн,
Тех рощ, где о земной любви вздыхал Петрарка,
Где Ариост блуждал, своих напевов полн.

Но, как отверженный к потерянному раю,
Душой к тебе стремлюсь. Мечтателей луна
Всплывает надо мной. Забывшись, повторяю
Канцоны сладкие, златые имена.

И слышу рокот лир, и голоса влюбленных,
И вижу дряхлые руины над водой,
И в черных небесах, звездами окропленных,
Великих призраки проходят чередой.

209 Еще горячих губ прикосновенье
Я чувствую, и в памяти еще
Рисуется неясное виденье,
Улыбка, шарф, покатое плечо.

Но ветер нежности, печалью вея
И так успокоительно звеня,
Твердит, что мне пригрезилась Психея,
Во сне поцеловавшая меня.

210 Я вспоминаю влажные долины
Шотландии, зеленые холмы,
Луну и все, что вспоминаем мы,
Услышав имя нежное Алины.

Осенний парк. Средь зыбкой полутьмы
Шуршат края широкой пелерины,
Мелькает облик девушки старинной,
Прелестный и пленяющий умы.

Широкая соломенная шляпа,
Две розы, шаль расшитая пестро
И Гектора протянутая лапа.

О, легкие созданья Генсборо,
Цвета луны и вянущей малины,
И поцелуй мечтательной Алины!

211 Видел сон я: как будто стою
В золотом и прохладном раю,

И похож этот рай и закат
На тенистый Таврический сад.

Только больше цветов и воды,
И висят золотые плоды

На ветвистых деревьях его,
И кругом – тишина, торжество.

Я проснулся и вспомнил тотчас
О морях, разделяющих нас,

О письме, что дойдет через год
Или вовсе к тебе не дойдет.

Отчего же в душе, отчего
Тишина, благодать, торжество?

Словно ты прилетала ко мне
В этом солнечном лиственном сне,

Словно ты прилетала сказать,
Что не долго уже ожидать.

212 Здесь волн Коцитовых холодный ропот глуше.
Клубится серая и пурпурная мгла.
В изнеможении, как жадные тела,
Сплелися грешников истерзанные души.

Лев медный одного когтистой лапой душит,
Змея узорная - другого обвила.
На свитке огненном - греховные дела
Начертаны... Но вдруг встревоженные уши

Все истомившиеся жадно напрягли!
За трубным звуком вслед - сиянья потекли,
Вмиг смолкли возгласы, проклятия, угрозы.

Раскрылася стена, и легкою стопой
Вошел в нее Христос в одежде золотой,
Влетели ангелы, разбрасывая розы.

213 Снег уже пожелтел и обтаял,
Обвалились ледяшки с крыльца.
Мне все кажется, что скоротаю
Здесь нехитрую жизнь до конца

В этом старом помещичьем доме,
Где скрипит под ногами паркет,
Где все вещи застыли в истоме
Одинаковых медленных лет.

В сердце милые тени воскресли,
Вспоминаю былые года, -
Так приятно в вольтеровском кресле
О былом повздыхать иногда

И, в окно тихим вечером глядя,
Видеть легкие сны на яву,
Не смущаясь сознанью, что ради
Мимолетной тоски - я живу.

В альбом Т. П. Карсавиной.

214 Пристальный взгляд балетомана,
Сцены зеленый полукруг,
В облаке светлого тумана
Плеч очертания и рук.

Скрипки и звучные волторны
Словно измучены борьбой,
Но золотистый и просторный
Купол, как небо над тобой.

Крылья невидимые веют,
Сердце уносится, дрожа,
Ввысь, где амуры розовеют,
Рог изобилия держа.

215

Однажды под Пасху мальчик
Родился на свете
Розовый и невинный,
Как все остальные дети.

Родители его были
Не бедны и не богаты,
Он учился, молился Богу,
Играл в снежки и солдаты.

Когда же подрос молодчик
Пригожий, румяный, удалый,
Стал он карманным вором,
Шуллером и вышибалой.

Полюбил водку и женщин,
Разучился Богу молиться,
Жил беззаботно, словно
Дерево или птица.

Сапоги Скороход, бриолином
Напомаженный, на руку скорый...
И в драке во время дележки
Его закололи воры.

В Калинкинскую больницу
Отправили тело,
А душа на серебряных крыльях
В рай улетела.

Никто не служил панихиды,
Никто не плакал о Ване,
Никто не знает, что стал он
Ангелом в Божьем стане.

Что ласкова с ним Божья матерь,
Любит его Спаситель,
Что, быть может, твой, или мой он
Ангел хранитель.

1.

216 О сердце, о сердце,
Измучилось ты!
Опять тебя тянет
В родные скиты.

Где ясны криницы
В столетнем бору,
Родимые птицы
Поют по утру.

Чернеют овраги,
Грустит синева...
На дряхлой бумаге
Святые слова.

Бедны и напрасны
Все песни мои.
Так ясны прекрасны
Святых житии.

Мне б синее утро
С молитвой встречать,
Спокойно и мудро
Работу начать.

И после отрады
Работы простой
Встречать у ограды
Закат золотой.

Здесь горько томиться,
Забыться невмочь;
Там – сладко молиться
В янтарную ночь.

Чтоб ветер ветвями
В окошко стучал,
Святыми словами
Душе отвечал;

Чтоб лучик зеленый
Дрожал на полу,
И сладко иконы
Мерцали в углу.

2.

217 Снова теплятся лампады
Ярче звезд у алтаря.
В сердце сладостной отрады
Занимается заря.

Много здесь убогих, грешных
Ниц опущенных очей,
Много в памяти кромешных
Неотмоленных ночей.

Дышим мы на ладан росный,
Помним вечно про погост,
День скоромный или постный
Вечно нам Великий Пост.

Но недаром бьем поклоны
Молим Бога чернецы:
Рай веселый, лог зеленый
Уж оставили гонцы.

Уж они коней торопят,
Тучам слушаться велят;
Все–то горести утопят,
Все–то муки исцелят.

3.

218 Я вывожу свои заставки.
Желанен сердцу милый труд,
Цветы пурпурные, а травки -
Как самый ясный изумруд.

Какое тихое веселье,
Как внятно краски говорят.
В окошко выбеленной кельи
Глядится тополь, милый брат.

Уж вечер. Солнце над рекою.
Пылят дорогою стада.
Я знаю - этому покою
Не измениться никогда.

Молитвы, книги, размышленья,
Да кисть в уверенной руке.
А горькое мое томленье -
Как горний облак вдалеке.

И сердце мудро ждет чего-то
Во имя, Господи, Твое.
Блеснет на ризах позолота,
И в монастырские ворота
Ударит Вестника копье.

219 Опять сияют масляной
Веселые огни.
И кажутся напраслиной
Нерадостные дни.

Как будто ночью северной
Нашла моя тоска
В снегу - листочек клеверный
В четыре лепестка.

И с детства сердцу милая
Ты возникаешь вновь,
Такая непостылая
И ясная любовь.

Мороз немного колется,
Костры дымят слегка,
И сердце сладко молится
Дыханью ветерка.

Отвага молодецкая
И сани, что стрела,
Мне масляная детская
И русская мила.

Чья? Ванина иль Машина
Отвага веселей
На тройке разукрашенной
Летит среди полей?

Трусит кобылка черная,
Несется крик с катков,
А полость вся узорная
От пестрых лоскутков.

Я весел не напраслиной, -
Сбываются же сны,
Веселый говор масляной -
Преддверие весны.

И в ней нам обещание,
Что Пасха вновь придет,
Что сбудутся все чаянья,
Растает крепкий лед.

И белой ночью северной
Найдет моя тоска
Любви листочек клеверный
В четыре лепестка.

220

Снова снег синеет в поле
И не тает от лучей.
Снова сердце хочет воли,
Снова бьется горячей.

И горит мое оконце
Все в узоре льдистых роз.
Здравствуй, ветер, здравствуй, солнце,
И раздолье, и мороз!

Что ж тревожит и смущает,
Что ж томишься, сердце, ты?
Этот снег напоминает
Наши Волжские скиты.

Сосен ствол темно-зеленый,
Снеговые терема,
Потемневшие иконы
Византийского письма.

Там, свечою озаренный,
Позабуду боль свою.
Там в молитве потаенной
Всю тревогу изолью.

Но увы! Дорогой зимней
Для молитвы и труда
Не уйти мне, не уйти мне
В Приволожье никогда.

И мечты мои напрасны
О далеком и родном.
Ветер вольный, холод ясный,
Снег морозный, – за окном!

221 Простодушные березки
У синеющей воды,
На песке, как в желтом воске,
Отпечатаны следы.

Тянет хлебом и махоркой
Недалеко от жилья,
Плавной поступью с пригорка
Сходит милая моя.

Платье пестрое из ситца,
Туго косы сплетены.
Сердце - сердца не боится
В дни веселые весны.

Больно хлещется кустарник,
Запыхались - отдохнем,
Солнце светит, все янтарней,
Умирающим огнем.

222 Пьяные мастеровые
Едут в лодке без весла.
Я цветочки полевые
Нарвала - да заплела.

Самый синенький цветочек
Словно милого глаза.
В воду бросила веночек,
Высыхай, моя слеза!

Пусть плывет себе, как знает...
Гаснет вечер голубой.
О другой мой друг вздыхает,
Горько плачет о другой.

Вот дымятся трубы фабрик,
Где-то паровоз ревет
И венок мой, как кораблик,
Прямо к берегу плывет.

223 Чем больше дней за старыми плечами,
Тем настоящее отходит дальше:
За жизнью ослабевшими очами
Не уследить старухе-генеральше.

Да и зачем? Не более ли пышно
Прошедшее? - Там двор Екатерины,
Сменяются мгновенно и неслышно
Его великолепные картины.

Усталый ум привык к заветным цифрам,
Былых годов воспоминанья нижет,
И фрейлинским украшенная шифром
Спокойно грудь, покашливая, дышит.

Так старость нетревожимая длится -
Зимою в спальне, - летом на террасе...
... По вечерам - сама Императрица,
В регалиях и в шепчущем атласе,

Является старухе-генеральше,
Беседует и милостиво шутит...
А дни летят, минувшее - все дальше,
И скоро ангел спящую разбудит.

224 Зеленый фон - немного мутный
Кирпично-серый колорит.
Читая в комнате уютной,
Старик мечтательный сидит.

Бюст Цезаря. Огонь в камине.
И пес, зевающий у ног.
И старомодный, темно-синий
Шелками вышитый шлафрок.

Пуская кольца, трубку курит,
А в желтой чашке стынет чай,
Поправит плед и глаз прищурит
И улыбнется невзначай.

Ничто покоя не тревожит,
А глянут месяца рога,
О раннем ужине доложит
С седыми баками слуга.

Кто этот старый русский барин
И книгу он читает чью?
За окнами закат янтарен,
Деревья клонятся к ручью

И снег, от времени поблеклый,
Желтеет там, и сельский вид
Сквозь нарисованные стекла
В вечернем золоте глядит.

225

Она застыла в томной позе
Непринужденна и легка.
Нежна улыбка. К чайной розе
Простерта тонкая рука.

Глядит: вдали фонтан дробится,
Звуча как лепет райских арф.
По ветру облаком клубится
Ее зеленоватый шарф.

А дальше, зеркалом серея,
Овальный отражает пруд,
Как мальчик с хлыстиком, в ливрее
И белый понни - знака ждут.

Уже нетерпеливый понни
Копытом роет у межи,
И вздрагивают на попоне
Инициалы госпожи.

Но та, как будто все забыла,
Непринужденна и легка,
Облокотившись о перила,
Рассматривает облака.

226

Когда луны неверным светом
Обрызган Павловский мундир,
Люблю перед твоим портретом
Стоять, суровый бригадир.

Нахмурил ты седые брови
И рукоятку шпаги сжал.
Да, взгляд такой на поле крови
Одну отвагу отражал.

И грудь под вражеским ударом
Была упорна и сильна,
На ней красуются недаром
Пяти кампаний ордена.

Простой, суровый и упрямый
Ты мудро прожил жизнь свою.
И я пред потускневшей рамой
Как очарованный стою,

И сердцу прошлое желанней.
А месяц нижет жемчуга
На ордена пяти кампаний
И голубые обшлага.

227

В широких окнах сельский вид,
У синих стен простые кресла,
И пол некрашеный скрипит,
И радость тихая воскресла.

Вновь одиночество со мной...
Поэзии раскрылись соты.
Пленяют милой стариной
Потертой кожи переплеты.

Шагаю тихо взад, вперед,
Гляжу на светлый луч заката.
Мне улыбается Эрот
С фарфорового циферблата.

Струится сумрак голубой
И наступает вечер длинный;
Тускнеет Наваринский бой
На литографии старинной.

Легки оковы бытия...
Так, не томясь и не скучая,
Всю жизнь свою провел бы я
За Пушкиным и чашкой чая.

ОТРЫВОК.

228 Когда весенняя прохлада
Неиз'яснима и нежна
И веет сыростью из сада
И подымается луна,
А луч зари горит прощальный
И отцветает на окне,
Так сладко сердцу и печально
Грустить о милой старине.

Мой дряхлый дом молчит угрюмо.
В просторных комнатах темно.
Какая тишина! Лишь шумы
Ветвей доносятся в окно.
Да звонко псы сторожевые
Порой вдали подымут лай.
Шуршите, липы вековые,
Заря, пылая, догорай!

Мне сладок этот вечер длинный,
Светло-зеленый блеск луны,
Всплывают в памяти картины
Невозвратной старины.
Нет! То не зыбко задрожала
В высоком зеркале луна:
Екатерининская зала
Тенями прошлого полна.

Звучит клавир, как дальний шорох,
Мерцают тускло шандалы.
О, бал теней! Печаль во взорах,
И щеки девичьи белы.
Жеманно пары приседают,
Танцуя легкий минуэт,
И в отдаленьи пропадают,
И новые скользят им вслед.

А с темных стен глядят портреты:
Старухи с вышивкой в руках,
Кутилы, томные поэты
И дамы в пышных париках.
Окаменелые улыбки
Сменяет лунная игра,
И навевают сумрак зыбкий
Из белых перьев веера...
....

ПАВЛОВСК.

229 Французский говор. Блеск эгреток
И колыхание эспри.
На желтый гравий из-за веток
Скользит румяный луч зари.

Несется музыка с вокзала,
Пучинни буйная волна.
Гуляют пары. Всех связала
Сетями осень, как весна.

О, ожиданье на перроне,
Где суета и толкотня!
Ах, можно ль быть еще влюбленней
Эллен, Вы любите-ль меня?

Но лампионы слишком ярки,
И слишком музыка шумна,
Зато в величественном парке
И полумрак, и тишина.

Ведут туманные аллеи
Все дальше, дальше вниз к реке,
Где голубеют мавзолеи
И изваянья вдалеке.

Мечтанья ветер навевает,
Слабеет музыки волна,
Меж веток медленно всплывает
И улыбается луна.

Она всплывает, точно грецкий
Янтарно-розовый орех.
В беседке слышится турецкой
Веселый говор, легкий смех.

Грозят амуры в позах томных,
Светлеет лунная стезя,
И от лучей ее нескромных
Влюбленным спрятаться нельзя.

230

Прохладно... До-ре-ми-фа-соль
Летит в раскрытое окно.
Какая грусть, какая боль!
А впрочем, это все равно!

Любовь до гроба, вот недуг,
Страшнее чем зубная боль.
Тебе, непостоянный друг,
Тяну я до-ре-ми-фа-соль.

Ты королева, я твой паж,
Все это было, о юдоль!
Ты приходила в мой шалаш
И пела до-ре-ми-фа-соль.

Что делать, если яд в крови,
В мозгу смятенье слезы - соль,
А ты заткнула уши и
Не слышишь... до-ре-ми-фа-соль.

231

Над озером тумана
Лиловая гряда,
Среди ветвей каштана
Блестящая звезда.

Стройны Вы, как тростинка,
Люблю, Мария, Вас.
Но падает слезинка
На кофточки атлас.

И ручки вертят зонтик
И комкают платок...
Луна на горизонте
Окрасила восток.

Ужели, о Мария,
Слова мои мертвы?
Проплачу до зари я,
Когда уйдете Вы.

Осталось нам немного
Прогулок под луной,
Так будьте ради Бога
Поласковей со мной!

Но дева непреклонна...
И тщетно меж ветвей
Тоскливо и влюбленно
Вздыхает соловей.

Так скрою же страданье
Обманутой души:
– К другому на свиданье,
Неверная, спеши.

ГЕОРГІЙ ИВАНОВЪ

РОЗЫ

Парижъ 1931

232

Надъ закатами и розами —
Остальное все равно —
Надъ торжественными звѣздами
Наше счастье зажжено.

Счастье мучитъ или мучиться,
Ревновать и забывать.
Счастье намъ отъ Бога данное,
Счастье наше долгожданное,
И другому не бывать.

Все другое только музыка,
Отраженье, колдовство —
Или синее, холодное
Безконечное, безплодное
Мiровое торжество.

1930

233

Глядя на огонь или дремля
Въ опьяненьи полусонномъ —
Слышишь какъ летитъ земля
Съ безконечнымъ, легкимъ звономъ.

Слышишь, какъ растетъ трава,
Какъ жазъ - бандъ гремитъ въ Парижѣ —
И мутнѣющая голова
Опускается все ниже.

Такъ и надо. Голову на грудь
Подъ блаженный шорохъ моря или сада.
Такъ и надо — навсегда уснуть,
Больше ничего не надо.

234

Синiй вечеръ, тихiй вѣтеръ
И (цѣлуя руки эти)
Въ небѣ розовомъ до края, —
Догорая, умирая...

Въ небѣ розовомъ до муки,
Плыли птицы или звѣзды
И (цѣлуя эти руки)
Было рано или поздно —

Въ небѣ розовомъ до края,
Тихо кануть въ сумракъ томный,
Ничего, какъ жизнь не зная,
Ничего, какъ смерть не помня.

1930

235

Душа черства. И съ каждымъ днемъ черствѣй.
— Я гибну. Дай мнѣ руку. Нѣтъ отвѣта.
Еще я вслушиваюсь въ шумъ вѣтвей,
Еще люблю игру тѣней и свѣта...

Да, я еще живу. Но что мнѣ въ томъ,
Когда я больше не имѣю власти
Соединить въ созданіи одномъ
Прекраснаго разрозненныя части.

236

Не было измѣны. Только тишина.
Вѣчная любовь, вѣчная весна.

Только колыханье синеватыхъ бусъ,
Только поцѣлуя солоноватый вкусъ.

И шумѣло только о любви моей
Голубое море, словно соловей.

Глубокое море у этихъ дѣтскихъ ногъ,
И не было измѣны — видитъ Богъ.

Только грусть и нѣжность, нѣжность вся до дна,
Вѣчная любовь, вѣчная весна.

237

Напрасно пролита кровь
И грусть, и вѣрность напрасна —
Мой ангелъ, моя любовь,
И все таки жизнь прекрасна.

Деревья легко шумятъ
И чайки кружатъ надъ нами,
Огромный морской закатъ
Бросаетъ косое пламя...

238 Передъ тѣмъ, какъ умереть
Надо же глаза закрыть.
Передъ тѣмъ, какъ замолчать,
Надо же поговорить.

Звѣзды разбиваютъ ледъ,
Призраки встаютъ со дна —
Слишкомъ быстро настаетъ
Слишкомъ нѣжная весна.

И касаясь торжества,
Превращаясь въ торжество,
Разсыпаются слова
И не значатъ ничего.

1930

239 Я слышу — исторія и человѣчество,
Я слышу изгнаніе или отечество.

Я въ книгахъ читаю — добро, лицемѣріе
Надежда, отчаянье, вѣра, невѣріе.

И вижу огромное, страшное, нѣжное
Насквозь ледяное, навѣкъ безнадежное.

И вижу безпамятство или мученіе
Гдѣ все, навсегда, потеряло значеніе.

И вижу, внѣ времени и разстоянія, —
Надъ бѣдной землей, неземное сіяніе.

1930

240 Теплый вѣтеръ вѣетъ съ юга,
Умираетъ человѣкъ.
Это вьюга, это вьюга,
Это вьюга крутитъ снѣгъ.

«Пожалѣй меня, подруга,
Такъ ужасно умирать!»
Только вѣтеръ вѣетъ съ юга
Да и словъ не разобрать.

— Тотъ блаженъ, кто умираетъ,
Тотъ блаженъ, кто обреченъ,
Въ мигъ, когда онъ все теряетъ
Все пріобрѣтаетъ онъ.

«Пожалѣй меня, подруга!»
И уже ни капли силъ.
Теплый вѣтеръ вѣетъ съ юга
Съ бѣлыхъ кàмней и могилъ.
Заметаетъ быстро вьюга
Все, что въ мірѣ ты любилъ.

1930.

241

Балтійское море дымилось
И словно рвалось на закатъ,
Балтійское солнце садилось
За синій и дальній Кронштадтъ.

И такъ широко освѣщало
Тревожное море въ дыму
Какъ будто еще обѣщало
Какое то счастье ему.

242

Черная кровь изъ открытыхъ жилъ
И ангелъ, какъ птица, крылья сложилъ...

Это было на слабомъ, весеннемъ льду
Въ девятьсотъ двадцатомъ году.

Дай мнѣ руку, иначе я упаду —
Такъ скользко на этомъ льду.

Надъ широкой Невой догоралъ закатъ,
Цѣпенѣли дворцы, чернѣли мосты —
Это было тысячу лѣтъ назадъ
Такъ давно, что забыла ты.

243

Какъ въ Грецію Байронъ, о, безъ сожалѣнья,
Сквозь звѣзды, и розы, и тьму,
На голосъ безсмысленно-сладкаго пѣнья...
— И ты не поможешь ему.

Сквозь звѣзды, которыя снятся влюбленнымъ,
И небо, гдѣ нѣтъ ничего,
Въ холодную полночь — платкомъ надушеннымъ...
— И ты не удержишь его.

На голосъ безсмысленно-сладкаго пѣнья,
Какъ Байронъ за блѣднымъ огнемъ,
Сквозь полночь и розы, о, безъ сожалѣ-
нья...
— И ты позабудешь о немъ.

244

Это только синій ладанъ,
Это только сонъ во снѣ,
Звѣзды надъ пустыннымъ садомъ,
Розы на твоемъ окнѣ.

Это то, что въ мірѣ этомъ
Называется весной,
Тишиной, прохладнымъ свѣтомъ
Надъ прохладной глубиной.

Взмахи черныхъ веселъ шире,
Чище сумракъ голубой —
Это то, что въ этомъ мірѣ
Называется судьбой.

То, что ничего не значитъ
И не знаетъ ни о чемъ —
Только теплымъ моремъ плачетъ,
Только парусомъ маячитъ
Надъ обвѣтреннымъ плечомъ.

1930

245

Въ сумракѣ счастья невѣрнаго
Смутно горитъ торжество.
Нѣтъ ничего достовѣрнаго
Въ синемъ сіяньи его.
Въ пропасти холода нѣжнаго,
Нѣтъ ничего неизбѣжнаго
Вѣчнаго нѣтъ ничего.

Сердце твое опечалили
Небо, весна и вода.
Легкія тучи растаяли
Легкая встала звѣзда.
Легкія лодки отчалили
Въ синюю даль навсегда.

1930

246 Въ комнатѣ твоей
Слышенъ шумъ вѣтвей
И глядитъ туда
Бѣлая звѣзда.
Плачетъ соловей
За твоимъ окномъ
И свѣтло, какъ днемъ,
Въ комнатѣ твоей.

Только тишина,
Только синій ледъ
И навѣки дна
Не достанетъ лотъ.
Самый зоркій глазъ
Не увидитъ дна,
Самый чуткій слухъ
Не услышитъ часъ —
Гдѣ летитъ судьба,
Тишина, весна
Одного изъ двухъ,
Одного изъ насъ.

1930

247 Увяданьемъ еле тронутъ
Міръ печальный и прекрасный,
Паруса плывутъ и тонутъ
Голоса зовутъ и гаснутъ.

Какъ звѣзда — фонарь качаетъ,
Безъ слѣда — въ туманъ разлуки,
Навсегда? — не отвѣчаетъ,
Лишь протягиваетъ руки

Ближе къ снѣгу, къ бѣлой пѣнѣ
Ближе къ звѣздамъ, ближе къ дому...
... И растутъ ночныя тѣни
И скользятъ ночныя тѣни
По лицу уже чужому.

1930

248 Прислушайся къ дальнему пѣнью
Эоловой арфы нѣжнѣй —
Тѣ море широкою тѣнью
Ложится у сѣрыхъ камней.

И голосъ летитъ изъ тумана
— Я все потерялъ и забылъ,
Печальная дочь океана
Зачѣмъ я тебя полюбилъ.

249

Начало небо мѣняться,
Медленно мѣсяцъ проплылъ,
Словно быстрѣе подняться
У него не было силъ.

И розоватыя звѣзды,
На розоватой дали,
Сквозь холодѣющій воздухъ
Ярче блеснуть не могли.

И погасить ихъ не смѣла
И не могла имъ помочь,
Только тревожно шумѣла
Черными вѣтками ночь.

250

Когда нибудь и гдѣ нибудь
Не все ли равно?
Но розы упадутъ на грудь,
Звѣзда блеснетъ въ окно
Когда нибудь...

Летитъ зеленая звѣзда
Сквозь тишину.
Летитъ зеленая звѣзда
Какъ ласточка къ окну —
Въ счастливый домъ

И чье-то сердце навсегда
Остановилось въ немъ.

251

Злой и грустной полоской разсвѣта,
Уголькомъ въ догорѣвшей золѣ,
Журавлемъ перелетнымъ на этой
Злой и грустной землѣ...

Даже больше — кому это надо —
Просіять сквозь холодную тьму...
И деревья пустыннаго сада
Широко шелестятъ — «Никому».

252 Закроешь глаза на мгновенье
И вмѣстѣ съ прохладой вдохнешь
Какое то дальнее пѣнье,
Какую то смутную дрожь.

И нѣтъ ни Россіи, ни міра
И нѣтъ ни любви, ни обидъ —
По синему царству эфира
Свободное сердце летитъ.

253 Хорошо, что нѣтъ Царя.
Хорошо, что нѣтъ Россіи.
Хорошо, что Бога нѣтъ.

Только желтая заря,
Только звѣзды ледяныя,
Только милліоны лѣтъ.

Хорошо — что никого,
Хорошо — что ничего,
Такъ черно и такъ мертво,

Что мертвѣе быть не можетъ
И чернѣе не бывать,
Что никто намъ не поможетъ
И не надо помогать.

1930

254 Въ тринадцатомъ году, еще не понимая
Что будетъ съ нами, что насъ ждетъ —
Шампанскаго бокалы подымая
Мы весело встрѣчали — Новый Годъ.

Какъ мы состарились! Проходятъ годы
Проходятъ годы — ихъ не замѣчаемъ мы...
Но этотъ воздухъ смерти и свободы
И розы, и вино, и холодъ той зимы
Никто не позабылъ, о я увѣренъ.

Должно быть, сквозь свинцовый мракъ,
На міръ, что навсегда потерянъ,
Глаза умершихъ смотрятъ такъ.

255 Россія, Россія «рабоче - крестьянская» —
И какъ не отчаяться! —
Едва началось твое счастье цыганское
И вотъ ужъ кончается.

Деревни голодныя, степи безплодныя...
И ледъ твой не тронется —
Едва поднялось твое солнце холодное
И вотъ уже клонится.

1930

256 Холодно бродить по свѣту,
Холоднѣй лежать въ гробу.
Помни это, помни это
Не кляни свою судьбу.

Ты еще читаешь Блока,
Ты еще глядишь въ окно
Ты еще не знаешь срока —
Все неясно, все жестоко
Все навѣкъ обречено.

И конечно жизнь прекрасна
И конечно смерть страшна
Отвратительна, ужасна,
Но всему одна цѣна.

Помни это, помни это —
Каплю жизни, каплю свѣта...

«Донна Анна! Нѣтъ отвѣта.
Анна, Анна! Тишина».

1930

257 По улицамъ разсѣянно мы бродимъ,
На женщинъ смотримъ и въ кафэ сидимъ,
Но настоящихъ словъ мы не находимъ,
А приблизительныхъ мы больше не хотимъ.

И что же дѣлать? Въ Петербургъ вернуться?
Влюбиться? Или Opegà взорвать?
Иль просто — лечь въ холодную кровать,
Закрыть глаза и больше не проснуться...

258

Для чего какъ на двери небеснаго рая
Намъ на это прекрасное небо смотрѣть,
Каждый мигъ умирая и вновь воскресая
Для того, чтобы вновь умереть.

Для чего этотъ легкій торжественный воз-
духъ
Голубой средиземной зимы
Обѣщаетъ, что гдѣ то — быть можетъ
на звѣздахъ —
Будемъ счастливы мы.

Утомительный день утомительно прожитъ,
Голова тяжела и надъ ней
Розовѣетъ закатъ — о послѣдній, быть
можетъ —
Все нѣжнѣй, и нѣжнѣй, и нѣжнѣй...

259

Страсть? А если нѣтъ и страсти.
Власть? А если нѣтъ и власти
Даже надъ самимъ собой?

Что же дѣлать мнѣ съ тобой.

Только не гляди на звѣзды
Не грусти и не влюбляйся
Не читай стиховъ пѣвучихъ
И за счастье не цѣпляйся —
Счастья нѣтъ, мой бѣдный другъ.

Счастье выпало изъ рукъ,
Камнемъ въ морѣ утонуло
Рыбкой золотой плеснуло
Льдинкой уплыло на югъ.

Счастья нѣтъ и мы не дѣти.
Вотъ и надо выбирать —
Или жить какъ всѣ на свѣтѣ
Или умирать.

1930

260

Какъ скучно и все же какъ хочется жить,
А въ воздухѣ пахнетъ весной.
И вновь мы готовы за счастье платить
Какою угодно цѣной.

И люди кричатъ, экипажи летятъ,
Сверкаетъ огнями Конкордъ —
И розовый, нѣжный, парижскій закатъ
Широкою тѣнью простертъ.

261 Такъ тихо гаснулъ этотъ день. Едва
Блеснула мѣдью чешуя канала,
Сухая, пожелтѣвшая листва
Предсмертнымъ шорохомъ затрепетала.

Мы плыли въ узкой лодкѣ по волнамъ,
Намъ было грустно, какъ всегда влюб-
леннымъ,
И этотъ блѣдно - синій вечеръ намъ
Казался существомъ одушевленнымъ.

Какъ будто говорилъ онъ: я не жду
Ни счастія, ни солнечнаго свѣта —
На этотъ бѣдный лобъ немного льду,
Немного жалости на сердце это.

262 Грустно, другъ. Все слаще, все нѣжнѣе
Вѣтеръ съ моря. Слабый звѣздный свѣтъ.
Грустно, другъ. И тѣмъ еще грустнѣе,
Что надежды больше нѣтъ.

Это ужъ не романтизмъ. Какая
Тамъ Шотландія! Взгляни: горитъ
Между черныхъ липъ звѣзда большая
И о смерти говоритъ.

Пахнетъ розами. Спокойной ночи.
Вѣтеръ съ моря, руки на груди.
И въ послѣдній разъ, въ пустыя очи
Звѣздъ безсмертныхъ — погляди.

263 Не спится мнѣ. Зажечь свѣчу?
Да только спичекъ нѣтъ.
Весь міръ молчитъ и я молчу,
Гляжу на лунный свѣтъ.

И думаю: какъ много глазъ
Въ такой же тишинѣ
Въ такой же тихій, ясный часъ
Устремлено къ лунѣ.

Какъ скучно ей, должно быть, плыть
Надъ головой у насъ,
Чужія окна серебрить
И видѣть столько глазъ.

Сто лѣтъ впередъ, сто лѣтъ назадъ
А въ мірѣ все одно —
Собаки лаютъ, да глядятъ
Мечтатели въ окно.

264

Какъ ледъ наше бѣдное счастье растаетъ,
Растаетъ какъ ледъ, словно камень утонетъ,
Держи если можешь — оно улетаетъ
Оно улетитъ, и никто не догонитъ.

265

Январьскій день. На берегу Невы
Несется вѣтеръ, разрушеньемъ вѣя.
Гдѣ Олечка Судейкина, увы!
Ахматова, Паллада, Саломея?
Всѣ, кто блисталъ въ тринадцатомъ году —
Лишь призраки на петербургскомъ льду.

Вновь соловьи засвищутъ въ тополяхъ
И на закатѣ, въ Павловскѣ иль Царскомъ,
Пройдетъ другая дама въ соболяхъ,
Другой влюбленный въ ментикѣ гусарскомъ...
Но Всеволода Князева они
Не вспомнятъ въ дорогой ему тѣни.

266

Синеватое облако
(Холодокъ у виска)
Синеватое облако
И еще облака...

И старинная яблоня
(Можетъ быть подождать?)
Простодушная яблоня
Зацвѣтаетъ опять.

Все какое то русское —
(Улыбнись и нажми!)
Это облако узкое
Словно лодка съ дѣтьми

И особенно синяя
(Съ первымъ боемъ часовъ...)
Безнадежная линія
Безконечныхъ лѣсовъ.

267

Въ глубинѣ, на самомъ днѣ, сознанья,
Какъ на днѣ колодца — самомъ днѣ —
Отблескъ нестерпимаго сіянья
Пролетаетъ иногда во мнѣ.

Боже! И глаза я закрываю
Отъ невыносимаго огня.
Падаю въ него...
и понимаю,
Что глядятъ сосѣди по трамваю
Странными глазами на меня.

268

Утро было какъ утро. Намъ было довольно пріятно.
Чашки чернаго кофе были лилово-черны,
Скатерть ярко бѣла и на скатерти рюмки и пятна.

Утро было какъ утро. Конечно, мы были пьяны.
Англичане съ сосѣдняго столика что-то мычали —
Что-то о испытаньяхъ великой союзной страны.

Кто то сѣлъ за рояль и запѣлъ и кого то качали...
Утро было какъ утро — розы дождливой весны
Плыли въ широкомъ окнѣ, ледяномъ океанѣ печали.

269

Медленно и неувѣренно
Мѣсяцъ встаетъ надъ землей.
Черныя вѣтки качаются
Пахнетъ весной и травой

И отражается въ озерѣ
И холодѣетъ на днѣ
Небо, слегка декадентское,
Въ блѣдно - зеленомъ огнѣ.

Все въ этомъ мірѣ по прежнему.
Мѣсяцъ встаетъ, какъ вставалъ,
Пушкинъ имѣнье закладывалъ
Или жену ревновалъ.

И ничего не исправила,
Не помогла ничему,
Смутная, чудная музыка
Слышная только ему.

270

Отъ синихъ звѣздъ, которымъ дѣла нѣтъ
До глазъ на нихъ глядящихъ съ упованьемъ,
Отъ вѣчныхъ звѣздъ — ложится синій свѣтъ,
Надъ сумрачнымъ земнымъ существованьемъ.

И сердце безпокоится. И въ немъ —
О никому на свѣтѣ незамѣтный —
Вдругъ чуднымъ загорается огнемъ
Навстрѣчу звѣздному лучу — отвѣтный.

И надо всѣмъ мнѣ въ мірѣ дорогимъ,
Онъ холодно скользитъ къ границѣ міра,
Чтобы скреститься тамъ съ лучомъ другимъ,
Какъ золотая тонкая рапира.

271

Даль грустна, ясна, холодна, темна,
Холодна, ясна, грустна.

Эта грусть, которая звѣздъ полна,
Эта грусть и есть весна.

Голубѣетъ лѣсъ, чернѣетъ мостъ,
Вечеръ тихъ и полонъ звѣздъ.

И кому страшна о смерти вѣсть,
Та, что въ этой нѣжности есть?

И кому нужна та, что такъ нѣжна,
Что нѣжнѣй всего — весна?

272 Всѣ розы, которыя въ мірѣ цвѣли
И всѣ соловьи и всѣ журавли,

И въ черномъ гробу восковая рука
И всѣ паруса и всѣ облака,

И всѣ корабли и всѣ имена
И эта, забытая Богомъ, страна!

Такъ черные ангелы медленно падали
въ мракъ,
Такъ черною тѣнью Титаникъ кло-
нился ко дну,
Такъ сердце твое оборвется когда
нибудь — такъ
Сквозь розы и ночь, снѣга и весну...

ГЕОРГІИ ИВАНОВЪ

ОТПЛЫТІЕ НА ОСТРОВЪ ЦИТЕРУ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ
1916 — 1936

ПЕТРОПОЛИСЪ

273 О высокъ, весна, высокъ твой синій теремъ,
Твой душистый клеверъ полевой.
О далекъ твой путь за звѣздами на сѣверъ,
Снѣжный вѣтеръ, бѣлый вѣеръ твой.

Вьется голубокъ. Надежда улетаетъ.
Катится клубокъ... О какъ земля мала.
О глубокъ твой снѣгъ, и никогда не таетъ,
Слишкомъ мало на землѣ тепла.

274 Это мѣсяцъ плыветъ по эфиру,
Это лодка скользитъ по волнамъ,
Это жизнь приближается къ міру,
Это смерть улыбается намъ.
Обрывается лодка съ причала
И уноситъ, уноситъ ее...
Это дѣтство и счастье сначала,
Это дѣтство и счастье твое.

Да, - и то что зовется любовью,
Да, - и то что надеждой звалось,
Да, - и то что дымящейся кровью
На сіяющій снѣгъ пролилось.
... Вѣтки сосенъ - онѣ шелестѣли:
"Милый другъ, погоди, погоди"...
Это призракъ стоитъ у постели
И цвѣты прижимаетъ къ груди.

Приближается звѣздная вѣчность,
Разсыпается пылью гранитъ,
Безконечность, одна безконечность
Въ леденѣющемъ мірѣ звенитъ.
Это музыка міру прощаетъ,
То что жизнь никогда не проститъ.
Это музыка путь освѣщаетъ,
Гдѣ погибшее счастье летитъ.

275 Россія счастіе. Россія свѣтъ.
А, можетъ быть, Россіи вовсе нѣтъ.

И надъ Невой закатъ не догоралъ,
И Пушкинъ на снѣгу не умиралъ,

И нѣтъ ни Петербурга, ни Кремля –
Одни снѣга, снѣга, поля, поля...

Снѣга, снѣга, снѣга... А ночь долга
И не растаютъ никогда снѣга.

Снѣга, снѣга, снѣга... А ночь темна
И никогда не кончится она.

Россія тишина. Россія прахъ.
А можетъ быть Россія – только страхъ.

Веревка, пуля, ледяная тьма
И музыка сводящая съ ума.

Веревка, пуля, каторжный разсвѣтъ,
Надъ тѣмъ, чему названья въ мірѣ нѣтъ.

276 Только всего – простодушный напѣвъ,
Только всего – умирающій звукъ,
Только свѣча, нагорѣвъ, догорѣвъ...
Только. И падаетъ скрипка изъ рукъ.

Падаетъ пѣсня въ предвѣчную тьму,
Падаетъ мертвая скрипка за ней...

И, неподвластна уже никому,
Въ тысячу разъ тяжелѣй и нѣжнѣй,
Слаще и горестнѣй въ тысячу разъ,
Тысячью звѣздъ что на небѣ горитъ,
Тысячью слезъ изъ растерянныхъ глазъ –

Чудное эхо ее повторитъ.

277 Слово за словомъ, строка за строкой
Все о тебѣ ослабѣвшей рукой.

Розы и жалобы - все о тебѣ.
Полночь. Сiянье. Покорность судьбѣ.

Полночь. Сiянье. Ты въ мiрѣ одна.
Ты тишина, ты заря, ты весна

И холодна ты, какъ вѣчный покой...
Слово за словомъ, строка за строкой,

Капля за каплей - кровь и вода -
Въ синюю вѣчность твою навсегда.

278 Музыка мнѣ больше не нужна.
Музыка мнѣ больше не слышна.

Пусть себѣ, какъ черная стѣна,
Къ звѣздамъ подымается она,

Пусть себѣ, какъ черная волна,
Глухо разсыпается она.

Ничего не можетъ измѣнить,
И не можетъ ничему помочь,

То что только плачетъ, и звенитъ,
И туманитъ, и уходитъ въ ночь...

279 Звѣзды синѣютъ. Деревья качаются.
Вечеръ какъ вечеръ. Зима какъ зима.
Все прощено. Ничего не прощается.
Музыка. Тьма.

Всѣ мы герои и всѣ мы измѣнники,
Всѣмъ, одинаково, вѣримъ словамъ.
Что жъ, дорогiе мои современники,
Весело вамъ?

280 Ни свѣтлымъ именемъ боговъ,
Ни темнымъ именемъ природы!
... Еще у этихъ береговъ
Шумятъ деревья, плещутъ воды...

Мiръ оплываетъ какъ свѣча,
И пламя пальцы обжигаетъ.
Безсмертной музыкой звуча,
Онъ ширится и погибаетъ.
И тьма – уже не тьма, а свѣтъ.
И да – уже не да, а нѣтъ.

... И не возстанутъ изъ гробовъ
И не вернутъ былой свободы –
Ни свѣтлымъ именемъ боговъ,
Ни темнымъ именемъ природы!

Она прекрасна эта мгла.
Она похожа на сiянье.
Добра и зла, добра и зла
Въ ней неразрывное слiянье.
Добра и зла, добра и зла
Смыслъ, раскаленный добѣла.

281 Только звѣзды. Только синiй воздухъ
Синiй, вѣчный, ледяной.
Синiй, грозный, сине-звѣздный
Надъ тобой и надо мной.

Тише, тише. За полярнымъ кругомъ
Спятъ не разнимая рукъ,
Съ вѣрнымъ другомъ, съ неразлучнымъ другомъ,
Съ мертвымъ другомъ, мертвый другъ.

Имъ спокойно вмѣстѣ, имъ блаженно рядомъ...
Тише, тише. Не дыши.
Это только звѣзды надъ пустыннымъ садомъ,
Только синiй свѣтъ твоей души.

282 Сiянье. Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ,
Изъ гроба.
Все - темныя розы по дѣтскимъ плечамъ.
И нѣжность и злоба.

И вѣрность. О, вѣрность вѣрна!
Шампанское взоры туманитъ...
И музыка. Только она
Одна не обманетъ.

О все это шорохъ ночныхъ голосовъ,
О, все это было когда-то -
Надъ синими далями русскихъ лѣсовъ
Въ торжественной грусти заката...
Сiянье. Сiянье. Двѣнадцать часовъ.
Расплата.

283 Замело тебя, счастье, снѣгами
Унесло на столѣтья назадъ,
Затоптало тебя сапогами
Отступающихъ въ вѣчность солдатъ.

Только въ сумракѣ Новаго Года
Бѣлой музыки бьется крыло:
- Я надежда, я жизнь, я свобода
Но снѣгами меня замело.

284 О, душа моя, могло ли быть иначе.
Развѣ ты ждала, что жизнь тебя проститъ?
Это только въ сказкахъ: Золушка заплачетъ,
Добрый лѣсъ зашелеститъ...

Все-таки душа, не будь неблагодарной
Все-таки не плачь...
Надъ темнымъ мiромъ зла
Высоко сiялъ вѣнецъ звѣзды полярной
И жестокой, чистой, грозной, лучезарной
Смерть твоя была.

285 Такъ иль этакъ. Такъ иль этакъ.
Все равно. Все рѣшено
Колыханьемъ черныхъ вѣтокъ
Сквозь морозное окно.

Годы долгiе рѣшалась,
А задача такъ проста.
Нѣжность подъ ноги бросалась,
Суетилась суета.

Все равно. Качнулись вѣтки
Снѣжнымъ вѣтромъ по судьбѣ.
Слезы медленны и ѣдки
Льются сами по себѣ.

Но тому кто тихо плачетъ
Молча стоя у окна
Ничего уже не значитъ
Что задача рѣшена.

286 Только темная роза качнется,
Лепестки осыпая на грудь.
Только сонная вѣчность проснется,
Для того, чтобы снова уснуть.

Паруса уплываютъ на сѣверъ,
Поѣзда улетаютъ на югъ,
Черезъ звѣзды и пальмы и клеверъ,
Черезъ горе и счастье, мой другъ.

Все равно - не протягивай руки,
Все равно - ничего не спасти.
Только синiя волны разлуки,
Только синее слово "прости".

И разсѣется дымъ паровоза,
И плеснетъ, исчезая, весло...
Только вѣчность, какъ темная роза,
Въ мiровое осыпется зло.

287 Я тебя не вспоминаю,
Для чего мнѣ вспоминать?
Знаю только то что знаю,
Только то, что можно знать.

Край земли. Полоска дыма
Тянетъ въ небо, не спѣша.
Одинока, нелюдима
Вьется ласточкой душа.

Край земли. За синимъ краемъ
Вѣчности пустая гладь.
То чего мы не узна́емъ,
То чего не надо знать.

Если я скажу, что знаю,
Ты повѣришь. Я солгу.
Я тебя не вспоминаю,
Не хочу и не могу.

Но люблю тебя какъ прежде
Можетъ быть еще нѣжней,
Безсердечней, безнадежней
Въ пустотѣ, въ туманѣ дней.

288 Надъ розовымъ моремъ вставала луна
Во льду зеленѣла бутылка вина

И томно кружились влюбленныя пары
Подъ жалобный рокотъ гавайской гитары.

- Послушай. О какъ это было давно,
Такое же море и то же вино.

Мнѣ кажется будто и музыка та же
Послушай, послушай, - мнѣ кажется даже...

- Нѣтъ вы ошибаетесь, другъ дорогой.
Мы жили тогда на планетѣ другой

И слишкомъ устали и слишкомъ мы стары
Для этого вальса и этой гитары.

289 Это звонъ бубенцовъ издалека,
Это тройки широкiй разбѣгъ,
Это черная музыка Блока
На сiяющiй падаетъ снѣгъ.

... За предѣлами жизни и мiра,
Въ пропастяхъ ледяного эфира
Все равно не разстанусь съ тобой!

И Россiя, какъ бѣлая лира,
Надъ засыпанной снѣгомъ судьбой.

290 Въ шумѣ вѣтра въ дѣтскомъ плачѣ
Въ тишинѣ, въ словахъ прощанья
"А могло бы быть иначе"
Слышу я, какъ обѣщанье.

Одѣваетъ въ саванъ нѣжный
Всю тщету, всѣ неудачи –
Тѣнь надежды безнадежной
"А могло бы быть иначе".

Заметаетъ сумракъ снѣжный
Всѣ поля, всѣ разстоянья.
Тѣнь надежды безнадежной
Превращается въ сiянье.

Всѣ сгорѣвшiе полѣнья,
Всѣ рѣшенныя задачи
Всѣ слова, всѣ преступленья...

А могло бы быть иначе.

291 Душа человѣка. Такою
Она не была никогда.
На небо глядѣла съ тоскою
Взволнована, зла и горда.

И вотъ умираетъ. Такъ ясно,
Такъ просто сгорая до тла –
Легка, совершенна, прекрасна,
Нетлѣнна, блаженна, свѣтла.

Сiянье. Душа человѣка,
Какъ лебедь, поетъ и грустить,
И крылья раскинувъ широко,
Надъ бурями темнаго вѣка
Въ беззвѣздное небо летитъ.

Надъ бурями темнаго рока
Въ сiянье. Всего не успѣть...
Дымъ тянется... Слѣдъ остается...

И полною грудью поется,
Когда уже не о чемъ пѣть.

292 Жизнь безсмысленную прожилъ
На вѣтру и на юру.
На минуту – будто ожилъ.
Что тамъ. Полѣзай въ дыру.

Онъ, не споря, покорился
И теперь въ землѣ навѣкъ.
Такъ ничѣмъ не озарился
Скудный трудъ и краткiй вѣкъ.
Но... тоскуетъ человѣкъ.

И ему въ землѣ не спится
Или снится скверный сонъ...
Въ домѣ скрипнетъ половица,
На окошко сядетъ птица,
Въ стѣнкѣ хрустнетъ. Это – онъ.

И тому, кто въ домѣ, жутко
И ему – охъ! – тяжело.
А была одна минутка.
Могъ поймать. Не повезло.

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

ПОРТРЕТ БЕЗ СХОДСТВА

СТИХИ

РИФМА
ПАРИЖ
1950

Посвящаю эту книгу Ирине Одоевцевой.

Г. И.

293 Что-то сбудется, что-то не сбудется...
Перемелется все, позабудется...

Но останется эта вот, рыжая,
У заборной калитки трава!

...Если плещется где-то Нева,
Если к ней долетают слова —
Это вам говорю из Парижа я
То, что сам понимаю едва.

294 Все неизменно и все изменилось
В утреннем холоде странной свободы.
Долгие годы мне многое снилось,
Вот я проснулся — и где эти годы!

Вот я иду по осеннему полю,
Все как всегда, и другое, чем прежде:
Точно меня отпустили на волю
И отказали в последней надежде.

295 Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья.

Я верю не в непобедимость зла,
А только в неизбежность пораженья,

Не в музыку, что жизнь мою сожгла,
А в пепел, что остался от сожженья.

296 Маятника мерное качанье,
Полночь, одиночество, молчанье.

Старые счета перебираю.
Умереть? Да вот не умираю.

Тихо перелистываю «Розы» —
«Кабы на цветы да не морозы»!

297 Где прошлогодний снег, скажите мне?..
Нетаявший, почти альпийский снег,
Невинной жертвой отданный весне,
Апрелем обращенный в плеск и бег?
В дыханье одуванчиков и роз,
Взволнованного мира светлый вал,
В поэзию...
В бессмысленный вопрос,
Что ей Виллон когда-то задавал.

298 Воскресают мертвецы,
Наши деды и отцы,
Пращуры и предки.

Рвутся к жизни, как птенцы,
Из постылой клетки.

Вымирают города,
Мужики и господа,
Старички и детки.

И глядит на мир звезда,
Сквозь сухие ветки.

299 Мертвый проснется в могиле,
Черная давит доска.
Что это? Что это? — Или
И воскресенье тоска?

И воскресенье унынье!
Скучное дело — домой...
Тянет Волынью, полынью,
Тянет сумой и тюрьмой.

И над соломой избенок,
Сквозь косогоры и лес,
Жалобно плачет ребенок,
Тот, что сегодня воскрес.

300 Он спал, и Офелия снилась ему
В болотных огнях, в подвенечном дыму.

Она музыкальной спиралью плыла,
Как сон, отражали ее зеркала,

Как нимб окружали ее светляки,
Как лес вырастали за ней васильки...

...Как просто страдать! Можно душу отдать
И все таки сна не уметь передать.
И зная, что гибель стоит за плечом,
Грустить ни о ком, мечтать ни о чем...

301 День превратился в свое отраженье,
В изнеможенье, головокруженье.

В звезды и музыку день превратился.
Может быть мир навсегда прекратился?

Что-то похожее было со мною,
Тоже у озера, тоже весною,

В синих и розовых сумерках тоже...
... Странно, что был я когда-то моложе.

302 Рассказать обо всех мировых дураках,
Что судьбу человечества держат в руках?

Рассказать обо всех мертвецах-подлецах,
Что уходят в историю в светлых венцах?

Для чего?
Тишина под парижским мостом.
И какое мне дело, что будет потом.

303 А люди? Ну на что мне люди?
Идет мужик, ведет быка.
Сидит торговка: ноги, груди,
Платочек, круглые бока.

Природа? Вот она природа —
То дождь и холод, то жара.
Тоска в любое время года,
Как дребезжанье комара.

Конечно, есть и развлеченья:
Страх бедности, любви мученья,
Искусства сладкий леденец,
Самоубийство, наконец.

304 Образ полусотворенный,
Шопот недоговоренный,
Полужизнь, полуусталость
Это все, что мне осталось.

Принимаю, как награду
Тень скользящую по саду,
Переход апреля к маю
Как подарок принимаю.

«Тот блажен кто забывает» —
Мудрость хоть и небольшая!...
...И забвенье наплывает,
Биться сердцу не мешая.

305 В награду за мои грехи,
Позор и торжество,
Вдруг появляются стихи —
Вот так... Из ничего.

Все кое-как и как-нибудь,
Волшебно на авось:
Как розы падают на грудь...

... И ты мне розу брось!

Нет, лучше брось за облака —
Там рифма заблестит,
Коснется тленного цветка
И в вечный превратит.

1

306 Я не стал не лучше и не хуже.
Под ногами тот же прах земной,
Только расстоянье стало уже
Между вечной музыкой и мной.

Жду, когда исчезнет расстоянье,
Жду, когда исчезнут все слова
И душа провалится в сиянье
Катастрофы или торжества.

2

307 Что-ж поэтом долго-ли родиться...
Вот сумей поэтом умереть!
Собственным позором насладиться,
В собственной бессмыслице сгореть!

Разрушая, снова начиная,
Все автоматически губя,
В доказательство, что жизнь иная,
Так же безнадежна, как земная,
Так же недоступна для тебя.

308 Холодно. В сумерках этой страны
Гибнут друзья, торжествуют враги.
Снятся мне в небе пустом
Белые звезды над черным крестом
    И не слышны голоса и шаги,
    Или почти не слышны.

Синие сумерки этой страны...
Всюду, куда ни посмотришь — снега.
Жизнь, положив на весы,
Вижу, что жизнь мне не так дорога.
    И не страшны мне ночные часы,
    Или почти не страшны...

309 Тихим вечером в тихом саду
Облака отражались в пруду.

Ангел нес в бесконечность звезду
И ее уронил над прудом...

И стоит заколоченный дом,
И молчит заболоченный пруд,
Скоро в нем и лягушки умрут.

И лежишь на болотистом дне,
Ты, сиявшая мне в вышине.

310 Каждой ночью грозы
Не дают мне спать.
Отцветают розы
И цветут опять.
Точно в мир спустилась
Вечная весна.
Точно распустилась
Розами война.

Тишины всемирной
Голубая тьма.
Никогда так мирны
Не были дома.
И такою древней
Не была земля...
...Тишина деревни,
Тополя, поля.

Вслушиваясь в слабый,
Нежный шум ветвей
Поджидают бабы
Мертвых сыновей:

В старости опора
Каждому нужна,
А теперь уж скоро
Кончится война!

311 Был замысел странно-порочен
И все-таки жизнь подняла
В тумане — туманные очи
И два лебединых крыла.

И все-таки, тени качнулись
Пока догорала свеча.
И все-таки струны рванулись,
Бессмысленным счастьем звуча...

312 Потеряв даже в прошлое веру,
Став ни это, мой друг, и ни то —
Уплываем теперь на Цитеру
В синеватом сияньи Ватто...

Грусть любуется лунным пейзажем,
Смерть, как парус шумит за кормой...
Никому ни о чем не расскажем,
Никогда не вернемся домой.

313 Отражая волны голубого света,
В направленьи Ниццы, пробежал трамвай.
Задавай вопросы. Не проси ответа.
Лучше и вопрос, друг, не задавай.

Улыбайся морю. Наслаждайся югом.
Помни, что в России — ночь и холода,
Помни, что тебя я называю другом,
Зная, что не встречу нигде и никогда...

314 Ничего не вернуть. И зачем возвращать?
Разучились любить, разучились прощать,
Забывать никогда не научимся...

Спит спокойно и сладко чужая страна.
Море ровно шумит. Наступает весна
В этом мире, в котором мы мучимся.

315 На грани таянья и льда
Зеленоватая звезда.

На грани музыки и сна
Полу-зима, полу-весна,

К невесте тянется жених
И звезды падают на них,

Летят сквозь снежную фату,
В сияющую пустоту.

Ты — это я. Я — это ты.
Слова нежны. Сердца пусты.

Я — это ты, Ты — это я
На хрупком льду небытия.

316 Отвратительнейший шум на свете —
Гул аэроплана на рассвете...

И зачем тебя, наш дом, разбили?
Ты был маленький, волшебный дом,
Как ребенка мы тебя любили,
Строили тебя с таким трудом.

317 Как туман на рассвете — чужая душа.
И прохожий в нее заглянул не спеша,
Улыбнулся и дальше пошел...

Было утро какого-то летнего дня.
Солнце встало, шиповник расцвел
Для людей, для тебя, для меня...

Можно вспомнить о Боге и Бога забыть,
Можно душу свою навсегда погубить,
Или душу навеки спасти —

Оттого, что шиповнику время цвести
И цветущая ветка качнулась в саду,
Где сейчас я с тобою иду.

318

Поговори со мной о пустяках,
О вечности поговори со мной.
Пусть, как ребенок, на твоих руках
Лежат цветы, рожденные весной.

Так беззаботна ты и так грустна.
Как музыка, ты можешь все простить.
Ты так же беззаботна, как весна
И как весна, не можешь не грустить.

319

Лунатик в пустоту глядит,
Сиянье им руководит,
Чернеет гибель снизу.
И даже угадать нельзя,
Куда он движется, скользя,
По лунному карнизу.

Расстреливают палачи
Невинных в мировой ночи —
Не обращай вниманья.
Гляди в холодное ничто,
В сияньи постигая то,
Что выше пониманья.

320 Летний вечер прозрачный и грузный.
Встала радуга коркой арбузной,
Вьется птица — крылатый булыжник...
Так на небо глядел передвижник,
Оптимист и искусства подвижник.

Он был прав. Мы с тобою не правы.
Берегись декадентской отравы:
«Райских звезд», искаженного света,
Упоенья сомнительной славы,
Неизбежной расплаты за это.

321 Шаг направо. Два налево.
И опять стена.
Смотрит сквозь окошко хлева
Белая луна.

Шаг налево. Два направо.
На соломе — кровь...
Где они надменность, слава,
Молодость, любовь?...

Все слила пустого хлева
Грязная стена.
Улыбнитесь, королева,
Вечность — вот она!

Впереди палач и плаха,
Вечность вся, в упор!
Улыбнитесь. И с размаха —
Упадет топор.

322 Теперь тебя не уничтожат,
Как тот безумный вождь мечтал.
Судьба поможет, Бог поможет,
Но — русский человек устал...

Устал страдать, устал гордиться,
Валя куда-то напролом.
Пора забвеньем насладиться,
А, может быть — пора на слом...

...И ничему не возродиться
Ни под серпом, ни под орлом!.

323 Стоило ли этого, счастье безрассудное?
Все-таки возможное? О, конечно, да.
Птицей улетевшее в небо изумрудное,
Где переливается вечерняя звезда.

Будьте легкомысленней! Будьте легковернее!
Если вам не спится — выдумывайте сны.
Будьте, если можете, как звезда вечерняя,
Так же упоительны, так же холодны.

324 Ветер тише, дождик глуше,
И на всё один ответ:
Корабли увидят сушу,
Мертвецы увидят свет.

Ежедневной жизни муку
Я и так едва терплю.
За ритмическую скуку,
Дождик, я тебя люблю.

Барабанит, барабанит,
Барабанит, — ну и пусть.
А когда совсем устанет
И моя устанет грусть.

В самом деле — что я трушу:
Хуже страха вещи нет.
Ну и потеряю душу,
Ну и не увижу свет.

325 По дому бродит полуночник —
То улыбнется, то вздохнет,
То ослабевший позвоночник
Над письменным столом согнет.

Черкнет и бросит. Выпьет чаю,
Загрезит чем-то наяву.
...Нельзя сказать, что я скучаю,
Нельзя сказать, что я живу.

Не обижаясь, не жалея,
Не вспоминая, не грустя...

...Так труп в песке лежит не тлея,
И так рожденья ждет дитя.

326 С бесчеловечною судьбой
Какой-же спор? Какой-же бой?
Все это наважденье.

...Но этот вечер голубой
Еще мое владенье.

И небо. Красно меж ветвей,
А по краям жемчужно...
Свистит в сирени соловей,
Ползет по травке муравей,
Кому-то это нужно.

Пожалуй, нужно даже то,
Что я вдыхаю воздух.
Что старое мое пальто
Закатом слева залито,
А справа тонет в звездах.

327 Если бы жить... Только бы жить...
Хоть на литейном заводе служить.

Хоть углекопом с тяжелой киркой,
Хоть бурлаком над Великой Рекой.

«Ухнем дубинушка...»
Всё это сны.
Руки твои ни на что не нужны.

Этим плечам ничего не поднять.
Нечего, значит, на Бога пенять.

Трубочка есть. Водочка есть,
Всем в кабаке одинакова честь!

328

В дыму, в огне, в сияньи, в кружевах,
О, в кружевах и страусовых перьях!..
В сухих цветах, в бессмысленных словах
И в грешных снах и в детских суеверьях —

Так женщина смеется на балу,
Так беззаконная звезда летит во мглу...

329

Восточные поэты пели
Хвалу цветам и именам,
Догадываясь еле-еле
О том, что недоступно нам.

Но эта смутная догадка
Полу-мечта, полу-хвала
Вся разукрашенная сладко,
Тем ядовитее была.

Сияла ночь Омар-Хаяму,
Свистел персидский соловей,
И розы заплетали яму,
Могильных полную червей.

Быть может, высшая надменность:
То развлекаться, то скучать,
Сквозь пальцы видеть современность,
О самом главном — промолчать.

330 Остановиться на мгновенье,
Взглянуть на Сену и дома,
Испытывая вдохновенье
Почти сводящее с ума.

Оно никак не воплотится,
Но через годы и века
Такой же луч зазолотится,
Сквозь таснущие облака,

Сливая счастье и страданье
В неясной прелести земной...
И это будет оправданье
Всего, погубленного мной.

331 У входа в бойни, сквозь стальной туман,
Поскрипывая полз подъемный кран
И ледяная чешуя канала
Венецию слегка напоминала...

А небо было в розах и в огне
Таких, что сердце начинало биться...
Как будто все обещанное мне
Сейчас должно осуществится.

332 То, о чем искусство лжет,
Ничего не открывая,
То, что сердце бережет —
Вечный свет, вода живая...

Остальное пустяки.
Вьются у зажженной свечки
Комары и мотыльки,
Суетятся человечки,
Умники и дураки.

333 В конце концов судьба любая
Могла бы быть моей судьбой.
От безразличья погибая,
Гляжу на вечер голубой.

Домишки покосились вправо
Под нежным натиском веков,
А дальше тишина и слава
Весны, заката, облаков.

RAYON DE RAYONE

1

334 В тишине вздохнула жаба.
Из калитки вышла баба
В ситцевом платке.

Сердце бьется слабо, слабо,
Будто вдалеке.

В светлом небе пусто, пусто.
Как ядреная капуста
Катится луна.

И бессмыслица искусства
Вся, насквозь, видна.

2

335 Портной обновочку утюжит,
Сопит портной, шипит утюг
И брюки выглядят не хуже
Любых обыкновенных брюк.

А между тем они из воска,
Из музыки, из лебеды,
На синем белая полоска —
Граница счастья и беды.

Из бездны протянулись руки:
В одной цветы, в другой кинжал...
Вскочил портной, спасая брюки,
Но никуда не убежал.

Торчит кинжал в боку портного,
Белеют розы на груди.
В сияньи брюки Ивано́ва
Летят и — вечность впереди.

3

336 Все чаще эти объявленья:
Однополчане и семья
Вновь выражают сожаленья...
«Сегодня ты, а завтра я!»

Мы вымираем по порядку —
Кто поутру, кто вечерком
И на кладбищенскую грядку
Ложимся, ровненько, рядком.

Невероятно до смешного:
Был целый мир — и нет его...

Вдруг — ни похода ледяного,
Ни капитана Ивано́ва,
Ну, абсолютно, ничего!

4

337 Где-то белые медведи
На таком же белом льду
Повторяют «буки-веди»,
Принимаясь за еду.

Где-то рыжие верблюды
На оранжевом песке
Опасаются простуды,
Напевая «бре-ке-ке».

Все всегда, когда-то, где-то
Время глупое ползет.
Мне шестериком карета
Ничего не привезет.

5

А от цево? Никто не
ведает притцыны.
Фонвизин.

338 По улице уносит стружки
Ноябрьский ветер ледяной.
— Вы русский? — Ну, понятно, р у ш к и й.
Нос бесконечный. Шарф смешной.

Есть у него жена и дети,
Своя мечта, своя беда.
— Как скучно жить на этом свете,
Как неуютно, господа!

Обедать, спать, болеть поносом.
Немножко красть. — А кто не крал?
...Такой же Гоголь с длинным носом
Так долго, страшно умирал...

6

339 Зазеваешься мечтая,
Дрогнет удочка в руке.
Вот и рыбка золотая
На серебряном крючке.

Так мгновенно, так прелестно
Солнце, ветер и вода-
Даже рыбке в речке тесно,
Даже ей нужна беда.

Нужно, чтобы небо гасло,
Лодка ластилась к воде,
Чтобы закипало масло
Нежно на сковороде.

7

340 Снова море, снова пальмы
И гвоздики, и песок,
Снова вкрадчиво-печальный
Этой птички голосок.

Никогда ее не видел
И не знаю какова.
Кто ее на век обидел,
В чем, своем, она права?

Велика иль невеличка?
Любит воду иль лесок?
Может и совсем не птичка,
А из ада голосок?

8

341 Добровольно, до срока,
(Все равно — решено),
Не окончив урока,
Опускайтесь на дно.

С неизбежным не споря,
(Волноваться смешно),
У лазурного моря
Допивайте вино!

Улыбнитесь друг другу
И снимайтесь с земли,
Треугольником, к югу,
Как вдали журавли...

9

342 В пышном доме графа Зубова
О блаженстве, о Италии
Тенор пел. С румяных губ его
Звуки, тая, улетали и...

За окном шумя полозьями,
Пешеходами, трамваями,
Гаснул, как в туманном озере,
Петербург незабываемый.

Абажур зажегся матово
В голубой, овальной комнате.
Нежно гладя пса лохматого,
Предсказала мне Ахматова:
«Этот вечер вы запомните».

10

343 Как вы когда-то разборчивы были,
О, дорогие мои!
Водки не пили — ее не любили —
Предпочитали Нюи...

Стал нашим хлебом цианистый калий,
Нашей водой — сулема.
Чтож — притерпелись и попривыкали,
Не посходили с ума.

Даже напротив — в бессмысленно-злобном
Мире — противимся злу:
Ласково кружимся в вальсе загробном,
На эмигрантском балу.

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

1943–1958
СТИХИ

Вступительная статья
РОМАНА ГУЛЯ

ИЗДАНИЕ «НОВОГО ЖУРНАЛА»
НЬЮ ИОРК, 1958

344 Игра судьбы. Игра добра и зла.
Игра ума. Игра воображенья.
«Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья»...

Мне говорят — ты выиграл игру!
Но всё равно. Я больше не играю.
Допустим, как поэт, я не умру,
Зато, как человек, я умираю.

345 Голубизна чужого моря,
Блаженный вздох весны чужой
Для нас скорей эмблема горя,
Чем символ прелести земной.

...Фитиль, любитель керосина,
Затрепетал, вздохнул, потух —
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе петух.

346 Вот более иль менее
Приехали в имение.
Вот менее иль более
Дорожки, клумбы, поле и
Всё то, что полагается,
Чтоб дачникам утешиться:
Идет старик — ругается,
Сидит собака — чешется.

И более иль менее —
На всем недоумение.

347 Что мне нравится — того я не имею,
Что хотел бы делать — делать не умею.

Мне мое лицо, походка, даже сны
Головокружительно скучны.

— Как же так? Позволь... Да что с тобой такое?
— Ах, любезный друг, оставь меня в покое!..

348 На полянке поутру
Веселился кенгуру —
Хвостик собственный кусал,
В воздух лапочки бросал.

Тут же рядом камбала
Водку пи́ла, ром пила́,
Раздевалась догола,
Напевала тра-ла-ла,
Любовалась в зеркала...

— Тра-ла-ла-ла-ла-ла-ла,
Я флакон одеколону
Не жалея извела,
Вертебральную колонну
Оттирая добела!..

349 Художников развязная мазня,
Поэтов выспренняя болтовня...

Гляжу на это рабское старанье,
Испытывая жалость и тоску:

Насколько лучше — блеянье баранье,
Мычанье, кваканье, кукуреку.

ДНЕВНИК

350 Торжественно кончается весна
И розы, как в эдеме расцвели.
Над океаном блеск и тишина
И в блеске — паруса́ и корабли...

...Узнает ли когда-нибудь она,
Моя невероятная страна,
Что было солью каторжной земли?

А, впрочем, соли всюду грош цена
Просыпали — метелкой подмели.

351 Калитка закрылась со скрипом,
Осталась в пространстве заря
И к благоухающим липам
Приблизился свет фонаря.

И влажно они просияли
Курчавою тенью сквозной,
Как отблеск на одеяле,
Свечей, сквозь дымок отходной.

И важно они прошумели,
Как будто посмели теперь
Сказать то, чего не умели,
Пока не захлопнулась дверь.

352 Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.

Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны...

353 Теперь, когда я сгнил и черви обглодали
До блеска остов мой и удалились прочь,
Со мной случилось то, чего не ожидали
Ни те, кто мне вредил, ни кто хотел помочь.

Любезные друзья, не стоил я презренья,
Прелестные враги, помочь вы не могли.
Мне исковеркал жизнь талант двойного зренья,
Но даже черви им, увы, пренебрегли.

354 Смилостивилась погода,
Дождик перестал.
Час от часу, год от года,
Как же я устал!

Даже не отдать отчета,
Боже, до чего!
Ни надежды. Ни расчета.
Просто — ничего.

Прожиты тысячелетья
В черной пустоте.
И не прочь бы умереть я,
Если бы не «те».

«Те» иль «эти»? «Те» иль «эти»?
Ах, не всё ль равно,
(Перед тем, как в лунном свете
Улететь в окно).

355 «Желтофиоль» — похоже на виолу,
На меланхолию, на канифоль.
Иллюзия относится к Эолу,
Как к белизне — безмолвие и боль.
И, подчиняясь рифмы произволу,
Мне всё равно — пароль или король.

Поэзия — точнейшая наука:
Друг друга отражают зеркала,
Срывается с натянутого лука
Отравленная музыкой стрела
И в пустоту летит, быстрее звука...

«...Оставь меня. Мне ложе стелит скука»!

356 Этой жизни нелепость и нежность
Проходя, как под теплым дождем,
Знаем мы — впереди неизбежность,
Но ее появленья не ждем.

И проснувшись от резкого света,
Видим вдруг — неизбежность пришла,
Как в безоблачном небе комета,
Лучезарная вестница зла.

357 Мелодия становится цветком,
Он распускается и осыпается,
Он делается ветром и песком,
Летящим на огонь весенним мотыльком,
Ветвями ивы в воду опускается...

Проходит тысяча мгновенных лет
И перевоплощается мелодия
В тяжелый взгляд, в сиянье эполет,
В рейтузы, в ментик, в «Ваше благородие»,
В корнета гвардии — о, почему бы нет?..

Туман... Тамань... Пустыня внемлет Богу.
— Как далеко до завтрашнего дня!..

И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.

Владимиру Маркову

358 Полутона рябины и малины
В Шотландии рассыпанные втуне,
В меланхоличном имени Алины,
В голубоватом золоте латуни.
Сияет жизнь улыбкой изумленной,
Раститъ цветы, расстреливает пленных,
И входит гость в Коринф многоколонный,
Чтоб изнемочь в объятьях вожделенных!

В упряжке скифской трепетные лани —
Мелодия, элегия, эвлега...
Скрипящая в трансцендентальном плане,
Немазанная катится телега.
На Грузию ложится мгла ночная.
В Афинах полночь. В Пятигорске грозы.

...И лучше умереть не вспоминая,
Как хороши, как свежи были розы.

359 Солнце село и краски погасли.
Чист и ясен пустой небосвод.
Как сардинка в оливковом масле
Одинокая тучка плывет.

Неособенно важная штучка
И, притом, не нужна никому,
Ну, а всё-таки, милая тучка,
Я тебя в это сердце возьму.

Много в нем всевозможного хлама,
Много музыки, мало ума,
И царит в нем Прекрасная Дама,
Кто такая — увидишь сама.

360 Стало тревожно-прохладно,
Благоуханно в саду.
Гром прогремел... Ну, и ладно,
Значит, гулять не пойду.

...С детства знакомое чувство, —
Чем бы бессмертье купить,
Как бы салазки искусства
К летней грозе прицепить?

361 Так, занимаясь пустяками —
Покупками или бритьем —
Своими слабыми руками
Мы чудный мир воссоздаем.

И поднимаясь облаками
Ввысь — к небожителям на пир —
Своими слабыми руками
Мы разрушаем этот мир.

Туманные проходят годы,
И вперемежку дышем мы
То затхлым воздухом свободы,
То вольным холодом тюрьмы.

И принимаем вперемежку, —
С надменностью встречая их, —
То восхищенье, то насмешку
От современников своих.

Роману Гулю

362 Нет в России даже дорогих могил,
Может быть и были — только я забыл.

Нету Петербурга, Киева, Москвы —
Может быть и были, да забыл, увы.

Ни границ не знаю, ни морей, ни рек.
Знаю — там остался русский человек.

Русский он по сердцу, русский по уму,
Если я с ним встречусь, я его пойму.

Сразу, с полуслова... И тогда начну
Различать в тумане, и его страну.

363 Еще я нахожу очарованье
В случайных мелочах и пустяках —
В романе без конца и без названья,
Вот в этой розе, вянущей в руках.

Мне нравится, что на ее муаре
Колышется дождинок серебро,
Что я нашел ее на тротуаре
И выброшу в помойное ведро.

364 Полу-жалость. Полу-отвращенье.
Полу-память. Полу-ощущенье,
Полу-неизвестно что,
Полы моего пальто...

Полы моего пальто?
Так вот в чем дело!

Чуть меня машина не задела
И умчалась вдаль, забрызгав грязью.
Начал вытирать, запачкал руки...

Всё еще мне не привыкнуть к скуке,
Скуке мирового безобразья!

365 Как обидно — чудным даром,
Божьим даром обладать,
Зная, что растратишь даром
Золотую благодать.

И не только зря растратишь,
Жемчуг свиньям раздаря,
Но еще к нему доплатишь
Жизнь, погубленную зря.

366 Иду — и думаю о разном,
Плету на гроб себе венок,
И в этом мире безобразном
Благообразно одинок.

Но слышу вдруг: война, идея,
Последний бой, двадцатый век...
И вспоминаю, холодея,
Что я уже не человек,

А судорога идиота,
Природой созданная зря —
«Урра!» из пасти патриота,
«Долой!» из глотки бунтаря.

367 Свободен путь под Фермопилами
На все четыре стороны.
И Греция цветет могилами,
Как будто не было войны.

А мы — Леонтьева и Тютчева
Сумбурные ученики —
Мы никогда не знали лучшего,
Чем праздной жизни пустяки.

Мы тешимся самообманами,
И нам потворствует весна,
Пройдя меж трезвыми и пьяными,
Она садится у окна.

«Дыша духами и туманами,
Она садится у окна».
Ей за морями-океанами
Видна блаженная страна:

Стоят рождественские елочки,
Скрывая снежную тюрьму.
И голубые комсомолочки,
Визжа, купаются в Крыму.

Они ныряют над могилами,
С одной — стихи, с другой — жених...
...И Леонид под Фермопилами,
Конечно, умер и за них.

368 Я хотел бы улыбнуться,
Отдохнуть, домой вернуться...
Я хотел бы так немного,
То, что есть почти у всех,
Но, что мне просить у Бога
И бессмыслица и грех.

369 Всё на свете не беда,
Всё на свете ерунда,
Всё на свете прекратится —
И, всего верней, — проститься,
Дорогие господа,
С этим миром навсегда.

Можно и не умирая,
Оставаясь подлецом,
Нежным мужем и отцом,
Притворяясь и играя,
Быть отличным мертвецом.

370 Я научился понемногу
Шагать со всеми — рядом, в ногу.
По пустякам не волноваться
И правилам повиноваться.

Встают — встаю. Садятся — сяду.
Стозначный помню номер свой.
Лояльно благодарен Аду
За звездный кров над головой.

371 Уплывают маленькие ялики
В золотой междупланетный омут.
Вот уже растаял самый маленький,
А за ним и остальные тонут.

На последней самой утлой лодочке
Мы с тобой качаемся вдвоем:
Припасли, дружок, немного водочки,
Вот теперь ее и разопьем...

372 Сознанье, как море, не может молчать,
Стремится сдержаться, не может сдержаться,
Всё рвется на всё и всему отвечать,
Всему удивляться, на всё раздражаться.

Головокруженье с утра началось,
Всю ночь продолжалось головокруженье,
И вот — долгожданное счастье сбылось:
На миг ослабело Твое притяженье.

...Был синий рассвет. Так блаженно спалось,
Так сладко дышалось...
И вновь началось
Сиянье, волненье, броженье, движенье.

373 Стоят сады в сияньи бело-снежном
И ветер шелестит дыханьем влажным.

— Поговорим с тобой о самом важном,
О самом страшном и о самом нежном,
Поговорим с тобой о неизбежном:

Ты прожил жизнь, ее не замечая,
Бессмысленно мечтая и скучая —
Вот, наконец, кончается и это...

Я слушаю его, не отвечая,
Да он, конечно, и не ждет ответа.

374 Всё туман. Бреду в тумане я
Скуки и непонимания.
И — с ученым или неучем —
Толковать мне, в общем, не о чём.

Я бы зажил, зажил заново
Не Георгием Ивáновым,
А слегка очеловеченным,
Энергичным, щеткой вымытым,
Вовсе роком не отмеченным,
Первым встречным-поперечным —
Всё равно какое имя там...

В Петербурге мы сойдемся снова
Словно солнце мы похоронили в нем
О. Мандельштам

375 Четверть века прошло заграницей
И надеяться стало смешным.
Лучезарное небо над Ниццей
Навсегда стало небом родным.

Тишина благодатного юга,
Шорох волн, золотое вино...

Но поет петербургская вьюга
В занесенное снегом окно,
Что пророчество мертвого друга
Обязательно сбыться должно.

376 Эти сумерки вечерние
Вспомнил я по воле случая,
Плыли в Костромской губернии,
Тишина, благополучие.

Празднично цвела природа,
Словно ей обновку сшили:
Груши грузными корзинами,
Астры пышными охапками...
(В чайной «русского народа»
Трезвенники спирт глушили:
— «Внутреннего» — жарь резинами!
— Немца — закидаем шапками!)

И на грани кругозора,
Сквозь дремоту палисадников, —
Силуэты черных всадников
С красным знаменем позора.

377 Овеянный тускнеющею славой,
В кольце святош, кретинов и пройдох,
Не изнемог в бою Орел Двуглавый,
А жутко, унизительно издох.

Один сказал с усмешкою: «дождался!»
Другой заплакал: «Господи, прости...»
А чучела никто не догадался
В изгнанье, как в могилу, унести.

378 Голубая речка
Зябкая волна,
Времени утечка
Явственно слышна.

Голубая речка
Предлагает мне
Тёплое местечко
На холодном дне.

379 Луны начищенный пятак
Блеснул сквозь паутину веток,
Речное озаряя дно.

И лодка — повернувшись так
Не может повернуться этак,
Раз всё вперед предрешено.

А если не предрешено?
Тогда... И я могу проснуться —
(О, только разбуди меня!),

Широко распахнуть окно
И благодарно улыбнуться
Сиянью завтрашнего дня.

380 Звезды меркли в бледнеющем небе,
Всё слабей отражаясь в воде.
Облака проплывали, как лебеди
С розовеющей далью редея...

Лебедями проплыли сомнения
И тревога в сияньи померкла,
Без следа растворившись в душе,

И глядела душа, хорошея,
Как влюбленная женщина в зеркало,
В торжество, неизвестное мне.

381 Белая лошадь бредет без упряжки.
Белая лошадь, куда ты бредешь?
Солнце сияет. Платки и рубашки
Треплет в саду предвесенняя дрожь.

Я, что когда-то с Россией простился,
(Ночью навстречу полярной заре)
Не оглянулся, не перекрестился,
И не заметил, как вдруг очутился
В этой глухой европейской дыре.

Хоть поскучать бы... Но я не скучаю.
Жизнь потерял, а покой берегу.
Письма от мертвых друзей получаю
И, прочитав, с облегчением жгу
На голубом предвесеннем снегу.

382 Нечего тебе тревожиться,
Надо бы давно простить.
Но чудак грустит и божится,
Что не может не грустить.

Нам бы, да в сияньи шелковом,
Осень-вёсен поджидая,
На Успенском или Волковом,
Под песочком Голодая,
На ступенях Исаакия
Или в прорубь на Неве...

...Беспокойство. Ну, и всякие
Вожделенья в голове.

383 Цветущих яблонь тень сквозная,
Косого солнца бледный свет
И снова — ничего не зная —
Как в пять или в пятнадцать лет, —

Замученное сердце радо
Тому, что я домой бреду,
Тому, что нежная прохлада
Разлита в яблонном саду.

384 Тускнеющий вечерний час,
Река и частокол в тумане...
Что связывает нас? Всех нас? —
Взаимное непониманье.

Все наши беды и дела,
Жизнь всех людей без исключенья...
Века, века она текла
И вот я принесен теченьем —

В парижский пригород, сюда,
Где мальчик огород копает,
Гудят протяжно провода
И робко первая звезда
Сквозь светлый сумрак проступает.

385 На границе снега и таянья,
Неподвижности и движения,
Легкомыслия и отчаяния —
Сердцебиение, головокружение...

Голубая ночь одиночества —
На осколки жизнь разбивается,
Исчезают имя и отчество
И фамилия расплывается...

Точно звезды встают пророчества,
Обрываются!.. Не сбываются!..

386 Закат в полнеба занесен,
Уходит в пурпур и виссон
Лазурно-кружевная Ницца...

...Леноре снится страшный сон —
Леноре ничего не снится.

387 Я твердо решился и тут же забыл
На что я так твердо решился.
День влажно-сиренево-солнечный был
И этим вопрос разрешился.

Так часто бывает: куда-то спешу
И в трепете света и тени,
Сначала раскаюсь, потом согрешу
И строчка за строчкой навек запишу
Благоуханье сирени.

388 Насладись, пока не поздно,
Ведь искать недалеко,
Тем, что в мире грациозно,
Грациозно и легко.

Больше нечему учиться,
Прозевал и был таков: —
Пара медных пятаков,
«Без речей и без венков»
(Иль с речами — как случится).

389 Поэзия: искусственная поза,
Условное сиянье звездных чар,
Где улыбаясь произносят — «Роза»
И с содроганьем думают «Анчар».

Где, говоря о рае, дышат адом
Мучительных ночей и страшных дней,
Пропитанных насквозь блаженным ядом,
Проросших в мироздание, корней.

390 Мне весна ничего не сказала —
Не могла. Может быть — не нашлась.
Только в мутном пролете вокзала
Мимолетная люстра зажглась.

Только кто-то кому-то с перрона
Поклонился в ночной синеве,
Только слабо блеснула корона
На несчастной моей голове.

391 Почти не видно человека среди сиянья и шелков —
Галантнейший художник века, галантнейшего из веков.

Гармония? Очарованье? Разуверенье? Всё не то.
Никто не подыскал названья прозрачной прелести Ватто.

Как роза вянущая в вазе (зачем Господь ее сорвал?),
Как русский Демон на Кавказе, он в Валансьене тосковал...

392 Ветер с Невы. Леденеющий март.
Площадь. Дворец. Часовые. Штандарт.

...Как я завидовал вам обыватели,
Обыкновенные люди простые:
Богоискатели, бомбометатели,
В этом дворце, в Чухломе ль, в каземате ли
Снились вам, в сущности, сны золотые...

В черной шинели, с погонами синими,
Шел я, не видя ни улиц, ни лиц.
Видя, как звезды встают над пустынями,
Ваших волнений и ваших столиц.

393 Просил. Но никто не помог.
Хотел помолиться. Не мог.
Вернулся домой. Ну, пора!
Не ждать же еще до утра.

И вспомнил несчастный дурак,
Пощупав крепка ли петля,
С отчаяньем прыгая в мрак,
Не то, чем прекрасна земля,
А грязный московский кабак,
Лакея засаленный фрак,
Гармошки заливистый вздор,
Огарок свечи, коридор,
На дверце два белых нуля.

394 Бредет старик на рыбный рынок
Купить полфунта судака.
Блестят мимозы от дождинок,
Блестит зеркальная река.

Провинциальные жилища.
Туземный говор. Лай собак.
Всё на земле — питье и пища,
Кровать и крыша. И табак.

Даль. Облака. Вот это — ангел,
Другое — словно водолаз,
А третье — совершенный Врангель,
Моноклем округливший глаз.

Но Врангель, это в Петрограде,
Стихи, шампанское, снега...
О, пожалейте, Бога ради,
Склероз в крови, болит нога.

Никто его не пожалеет
И не за что его жалеть.
Старик скрипучий околеет,
Как всем придется околеть.

Но всё-таки... А остальное,
Что мне дано еще, пока —
Сады цветущею весною,
Мистраль, полфунта судака?

395 Жизнь пришла в порядок
В золотом покое
На припеке грядок
Нежатся левкои.

Белые, лиловые
И вчера и завтра.
В солнечной столовой
Накрывают завтрак.

...В озере купаться
— Как светла вода! —
И не просыпаться
Больше никогда.

396 Меняется прическа и костюм,
Но остается тем же наше тело,
Надежды, страсти, беспокойный ум
Чья б воля изменить их ни хотела.

Слепой Гомер и нынешний поэт,
Безвестный, обездоленный изгнаньем,
Хранят один — неугасимый! — свет,
Владеют тем же драгоценным знаньем.

И черни, требующей новизны,
Он говорит: «Нет новизны. Есть мера,
А вы мне отвратительно-смешны,
Как варвар, критикующий Гомера!»

397 Волны шумели: «скорее, скорее»!
К гибели легкую лодку несли,
Голубоватые стебли порея
В красный туман прорастали с земли.

Горы дымились, валежником тлея,
И настигали их с разных сторон, —
Лунное имя твое, Лорелея,
Рейнская полночь твоих похорон.

...Вот я иду по осеннему саду
И папиросу несу, как свечу.
Вот на скамейку чугунную сяду,
Брошу окурок. Ногой растопчу.

398 Я люблю безнадежный покой,
В октябре — хризантемы в цвету,
Огоньки за туманной рекой,
Догоревшей зари нищету...

Тишину безымянных могил,
Все банальности «Песен без слов»,
То, что Анненский жадно любил,
То, чего не терпел Гумилев.

399 О нет, не обращаюсь к миру я
И вашего не жду признания.
Я попросту хлороформирую
Поэзией свое сознание.

И наблюдаю с безучастием,
Как растворяются сомнения,
Как боль сливается со счастием
В сияньи одеревенения.

400 Если бы я мог забыться,
Если бы, что так устало,
Перестало сердце биться,
Сердце биться перестало,

Наконец — угомонилось,
Навсегда окаменело,
Но — как Лермонтову снилось —
Чтобы где-то жизнь звенела...

...Что любил, что не допето,
Что уже не видно взглядом,
Чтобы было близко где-то,
Где-то близко было рядом...

401 Мне больше не страшно. Мне томно.
Я медленно в пропасть лечу
И вашей России не помню
И помнить ее не хочу.

И не отзываются дрожью
Банальной и сладкой тоски
Поля с колосящейся рожью,
Березки, дымки, огоньки...

402 То, что было, и то, чего не было,
То, что ждали мы, то, что не ждем,
Просияло в весеннее небо,
Прошумело коротким дождем.

Это всё. Ничего не случилось.
Жизнь, как прежде, идет не спеша.
И напрасно в сиянье просилась,
В эти четверть минуты, душа.

403 Чем дольше живу я тем менее
Мне ясно, чего я хочу.
Купил бы, пожалуй, имение.
Да чем за него заплачу?

Порою мечтаю прославиться
И тут же над этим смеюсь,
Непрочь и «подальше» отправиться,
А всё же боюсь. Сознаюсь...

404 Всё на свете дело случая —
Вот нажму на лотерею,
Денег выиграю кучу я
И усы, конечно, сбрею.

Потому, что — для чего же
Богачу нужны усы?
Много, милостивый Боже,
В мире покупной красы:
И нилоны, и часы,
И вещички подороже.

405 Здесь в лесах даже розы цветут,
Даже пальмы растут — вот умора!
Но как странно — во Франции, тут,
Я нигде не встречал мухомора.

Может быть, просто климат не тот —
Мало сосен, березок, болотца..
Ну, а может быть, он не растет,
Потому что ему не растется

С той поры, с той далекой поры —
...Чахлый ельник, Балтийское море,
Тишина, пустота, комары,
Чья-то кровь на кривом мухоморе...

406

Не станет ни Европы, ни Америки,
Ни Царскосельских парков, ни Москвы —
Припадок атомической истерики
Всё распылит в сияньи синевы.

Потом над миром ласково протянется
Прозрачный, всепрощающий дымок...
И Тот, кто мог помочь и не помог,
В предвечном одиночестве останется.

407

Всё на свете пропадает даром,
Что же Ты робеешь? Не робей!
Разможжи его одним ударом,
На осколки звездные разбей!

Отрави его горчичным газом
Или бомбами испепели —
Что угодно — только кончи разом
С мукою и музыкой земли!

408

Листья падали, падали, падали
И никто им не мог помешать...
От гниющих цветов, как от падали,
Тяжело становилось дышать.

И неслось светозарное пение
Над плескавшей в тумане рекой,
Обещая в блаженном успении
Отвратительный вечный покой.

409 Ну, мало ли что бывает?..
Мали ли что бывало —
Вот облако проплывет,
Проплывет, как проплывало,

Деревья, автомобили,
Лягушки в пруду поют.
...Сегодня меня убили.
Завтра тебя убьют.

410 Всё представляю в блаженном тумане я:
Статуи, арки, сады, цветники.
Темные волны прекрасной реки...

Раз начинаются воспоминания,
Значит... А может быть всё пустяки.

...Вот вылезаю, как зверь из берлоги я,
В холод Парижа, сутулый, больной...
«Бедные люди» — пример тавтологии,
Кем это сказано? Может быть мной.

411 Не обманывают только сны.
Сон всегда освобожденье: мы
Тайно, безнадежно влюблены
В рай за стенами своей тюрьмы.

Мильонеру — снится нищета.
Оборванцу — золото рекой.
Мне моя последняя мечта,
Неосуществимая — покой.

412 На юге Франции прекрасны
Альпийский холод, нежный зной.
Шипит суглинок желто-красный
Под аметистовой волной.
И дети, крабов собирая,
Смеясь медузам и волнам,
Подходят к самой двери рая,
Который только снится нам.

Сверкает звездами браслета
Прохлады лунная рука
И фиолетовое лето
Нам обеспечено — пока
В лучах расцвета-увяданья,
В узоре пены и плюща
Сияет вечное страданье,
Крылами чаек трепеща.

Т. Г. Терентьевой

413 А еще недавно было всё что надо —
Липы и дорожки векового сада,
Там грустил Тургенев...
Было всё, что надо,
Белые колонны, кабинет и зала —
Там грустил Тургенев...

И ему казалась
Жизнь стихотвореньем, музыкой, пастелью,
Где, не грея, светит мировая слава,
Где еще не скоро сменится метелью
Золотая осень крепостного права.

414 — Когда-нибудь, — когда устанешь ты,
Устанешь до последнего предела...
— Но я и так устал до тошноты,
До отвращения...
— Тогда, другое дело.
Тогда — спокойно, не спеша проверь
Все мысли, все дела, все ощущенья
И, если перевесит отвращенье —

Завидую тебе: перед тобою дверь
Распахнута в восторг развоплощенья.

415 Мы не молоды. Но и не стары.
Мы не мертвые. И не живые.
Вот мы слушаем рокот гитары
И романса «слова роковые».

О беспамятном счастье цыганском,
Об угарной любви и разлуке,
И — как вызов — стаканы с шампанским
Подымают дрожащие руки.

За бессмыслицу! За неудачи!
За потерю всего дорогого!
И за то, что могло быть иначе,
И за то — что не надо другого!

416 Как всё бесцветно, всё бесвкусно,
Мертво внутри, смешно извне,
Как мне невыносимо грустно,
Как тошнотворно скучно мне...

Зевая сам от этой темы,
Ее меняю находу.

— Смотри, как пышны хризантемы
В сожженном осенью саду —
Как будто лермонтовский Демон
Грустит в оранжевом аду,
Как будто вспоминает Врубель
Обрывки творческого сна
И царственно идет на убыль
Лиловой музыки волна...

«И разве мог бы я, о посуди сама,
В твои глаза взглянуть и не сойти с ума».
«Сады». 1921 г.

★

И. О.

417 Ты не расслышала, а я не повторил.
Был Петербург, апрель, закатный час,
Сиянье, волны, каменные львы...
И ветерок с Невы
Договорил за нас.

Ты улыбалась. Ты не поняла,
Что будет с нами, что нас ждет.
Черемуха в твоих руках цвела...
Вот наша жизнь прошла,
А это не пройдет.

И. О.

418 Распыленный мильоном мельчайших частиц,
В ледяном, безвоздушном, бездушном эфире,
Где ни солнца, ни звезд, ни деревьев, ни птиц,
Я вернусь — отраженьем — в потерянном мире.

И опять, в романтическом Летнем Саду,
В голубой белизне петербургского мая,
По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая.

И. О.

419 Вся сиянье, вся непостоянство,
Как осколок погибшей звезды —
Ты заброшена в наше пространство,
Где тебе даже звезды чужды.

И летишь — в никуда, ниоткуда —
Обреченная вечно грустить,
Отрицать невозможное чудо
И бояться его пропустить.

И. О.

420 Отзовись, кукушечка, яблочко, змееныш,
Весточка, царапинка, снежинка, ручеек.
Нежности последыш, нелепости приемыш,
Кофе-чае-сахарный потерянный паек.

Отзовись, очухайся, пошевелись спросонок,
В одеяльной одури, в подушечной глуши,
Белочка, метёлочка, косточка, утёнок,
Ленточкой, веревочкой, чулочком задуши.

Отзовись, пожалуйста. Да, нет — не отзовется.
Ну и делать нечего. Проживем и так.
Из огня да в полымя. Где тонко там и рвется.
Палочка-стукалочка, полушка-четвертак.

...Мне всегда открывается та же
Залитая чернилом страница
И. Анненский

И. О.

421 Может быть умру я в Ницце,
Может быть умру в Париже,
Может быть в моей стране.
Для чего же о странице
Неизбежной, черно-рыжей
Постоянно думать мне!

В голубом дыханьи моря,
В ледяных стаканах пива
(Тех, что мы сейчас допьем) —
Пена счастья — волны горя,
Над могилами крапива,
Штора на окне твоем.

Вот, ее колышет воздух
И из комнаты уносит
Наше зыбкое тепло,
То, что растворится в звездах,
То, о чем никто не спросит,
То, что было и прошло.

422 Зима идет своим порядком —
Опять снежок. Еще должок.
И гадко в этом мире гадком
Жевать вчерашний пирожок.

И в этом мире слишком узком,
Где всё потеря и урон
Считать себя, с чего-то, русским,
Читать стихи, считать ворон,

Разнежась, радоваться маю,
Когда растаяла зима...
О, Господи, не понимаю,
Как все мы, не сойдя с ума,

Встаем-ложимся, щеки бреем,
Гуляем или пьем-едим,
О прошлом-будущем жалеем,
А душу всё не продадим.

Вот эту вянущую душку —
За гривенник, копейку, грош.
Дороговато? — За полушку.
Бери бесплатно! — Не берешь?

423 Скучно, скучно мне до одуренья!
Скушал бы клубничного варенья,
Да потом меня изжога съест.

Хоть в раю у Бога много мест,
Только все расписаны заране.

Мне бы прогреметь на барабане,
Проскакать на золотом баране,
Позевать на Индию в окно.
Мне бы рыбкой в море-океане
Сигануть на мировое дно!

Скучно от несбыточных желаний...

...Вечный сон: забор, на нем слова.
Любопытно — поглядим-ка.
Заглянул. А там трава, дрова,
Вьется та же скука-невидимка.

424 Накипевшая за годы
Злость, сводящая с ума,
Злость к поборникам свободы,
Злость к ревнителям ярма,
Злость к хамью и джентльменам —
Разномастным специменам
Той же «мудрости земной»,
К миру и стране родной.

Злость? Вернее безразличье
К жизни, к вечности, к судьбе.
Нечто кошкино иль птичье
Отчего не по себе
Верным рыцарям приличья
Благонравным А и Б,
Что уселись на трубе.

425 Туман. Передо мной дорога,
По ней привычно я бреду.
От будущего я немного,
Точнее — ничего не жду.
Не верю в милосердье Бога,
Не верю, что сгорю в аду.

Так арестанты по этапу
Плетутся из тюрьмы в тюрьму...
...Мне лев протягивает лапу
И я ее любезно жму.

— Как поживаете, коллега?
Вы тоже спите без простынь?
Что на земле белее снега,
Прозрачней воздуха пустынь?

Вы убежали из зверинца?
Вы — царь зверей. А я — овца,
В печальном положеньи принца
Без королевского дворца.

Без гонорара. Без короны.
Со всякой сволочью «на ты».
Смеются надо мной вороны,
Царапают меня коты.

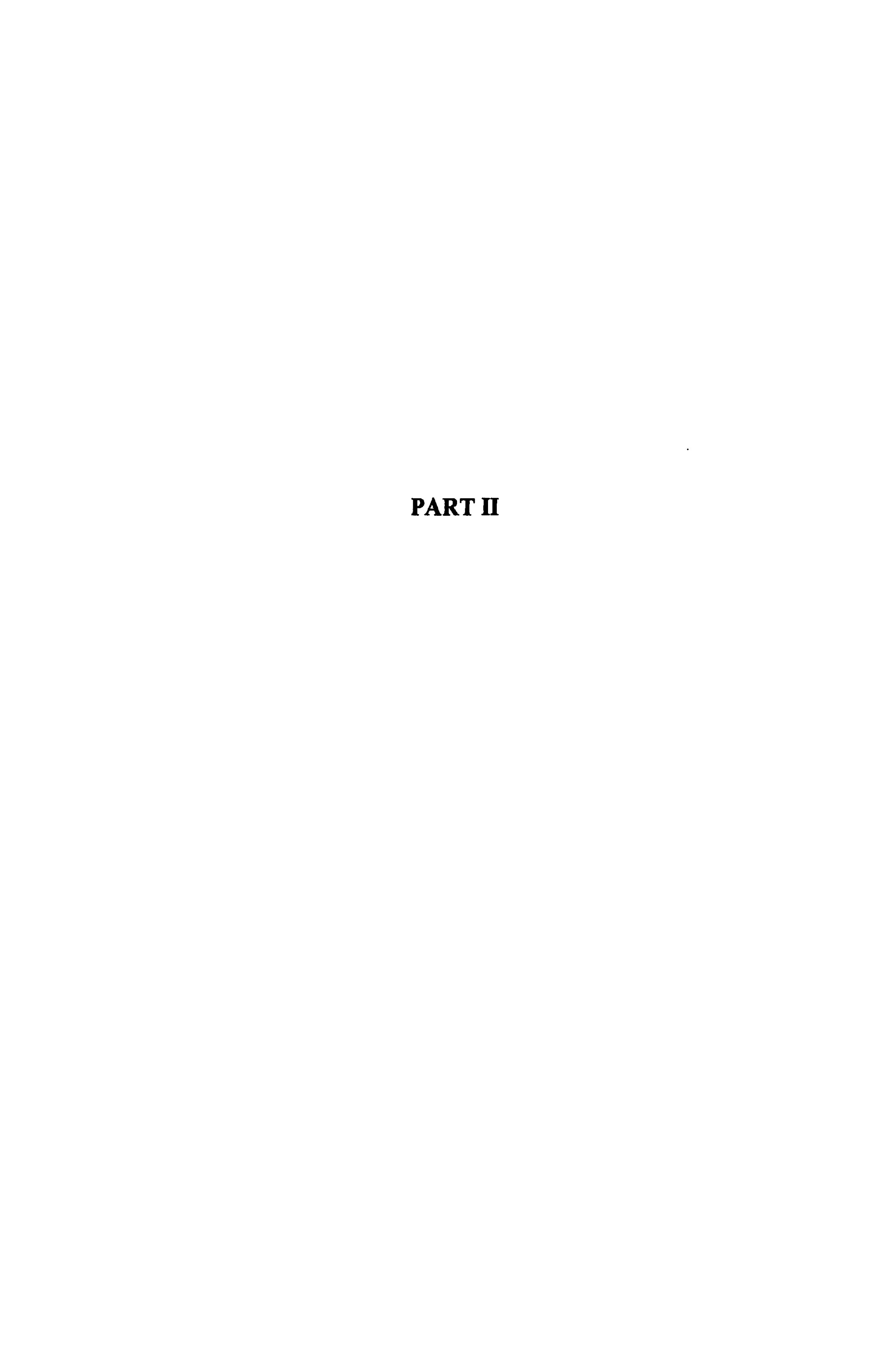
Пускай царапают, смеются,
Я к этому привык давно.
Мне счастье поднеси на блюдце —
Я выброшу его в окно.

Стихи и звезды остаются
А остальное — всё равно!..

426 Отвлеченной сложностью персидского ковра,
Суетливой роскошью павлиньего хвоста
В небе расцветают и темнеют вечера,
О, совсем бессмысленно и всё же не спроста.

Голубая яблоня над кружевом моста
Под прозрачно призрачной верленовской луной —
Миллионнолетняя земная красота,
Вечная бессмыслица — она опять со мной.

В общем, это правильно и я еще дышу.
Подвернулась музыка: ее и запишу.
Синей паутиною (хвоста или моста),
Линией павлиньей. И всё же неспроста.

PART II

POEMS NOT INCLUDED IN COLLECTIONS

ДѢВУШКА.

427 Вечернiй свѣтъ плыветъ въ окошко,
Мечтаешь ты надъ камелькомъ,
А на полу играетъ кошка
Съ твоимъ уроненнымъ клубкомъ.
На платьѣ – брошенныя спицы,
Вязанье скучнаго чулка...
Слегка дрожатъ швеи рѣсницы,
Какъ будто крылья мотылька.
Тебя страшитъ истомы голосъ,
Мятежной сладости приливъ, –
Такъ по веснѣ зеленый колосъ
Глядится въ небо, боязливъ...
... Пройдутъ года, истлѣютъ грёзы,
И ты, усталая, поймешь,
Какое счастье эти слезы,
Какъ драгоцѣнна эта дрожь!

428 Сейчас я поведаю, граждане, вам
Без лишних присказов и слов,
О том, как погибли герой Гумилев
И юный грузин Мандельштам.

Чтоб вызвать героя отчаянный крик,
Что мог Мандельштам совершить?
Он в спальню красавицы тайно проник
И вымолвил слово "любить".

Грузина по черепу хрястнул герой
И вспыхнул тут бой, гомерический бой.

Навек без ответа остался вопрос:
Кто выиграл, кто пораженье понес?

На утро нашли там лишь зуб золотой,
Вонзенный в откушенный нос.

БАСНЯ

429 В Испании два друга меж собой
Поспорили, кому владеть арбой.
До кулаков у них дошло, до драки,
Грызутся озверело, как собаки.
Приятелю приятель
Кричит: Мошенник ты, предатель
И негодяй и вор!

А всё им не закончить спор.
Во время этих перипетий
Юрк... И арбу увез испанец третий.
Теперь, как об арбе ни ной,
На ней катается другой.

БАЛЛАДА ОБ ИЗДАТЕЛЕ

430 На Надеждинской жил один
Издатель стихов,
Назывался он Господин
Блох.
Всем хорош - лишь одним плох
Фронтиспис очень любил
Блох.
Фронтиспис его и погубил,
Ох!

Труден издателя путь и тернист и кремнист,
А тут еще титул, шмуцтитул, заставки и титульный
лист,
Книгу за книгой Блох отсылает в печать,
Издал с десяток и стал безнадежно скучать.
Добужинский, Чехонин не радуют взора его,
На Митрохина смотрит, а сердце как камень
мертво.
И шепнул ему дьявол, когда он ложился в постель
- Яков Ноич! А есть еще Врубель, Рембрандт, Серов,
Рафаэль!

Всю ночь Блох
Плохо спал,
Всю ночь Блох
Фронтиспис рвал.
Утром рано звонит в телефон –
На обед сзывает поэтов он.
И когда пришел за поэтом поэт,
И когда собрались они на обед,
Поднял Блох руку одну –
Нож вонзил в зад Кузмину,
Дал Мандельштаму яда стакан –
Выпил тот и упал на диван.
Дорого продал жизнь Гумилев,
Умер не пикнув Жорж Иванов.
И когда всех поэтов прикончил Блох
Из груди его вырвался вздох.
– Теперь я исполню мечту мою,
Книгоиздательство я открою в раю.
Там Врубель, Рембрандт, Рафаэль, Веласкез и Бердслей,
Никто не посмеет соперничать с фирмой моей!...

431 Мнѣ грустно такими ночами,
Когда ни свѣтло ни темно,
И звѣзды косыми лучами
Внимательно смотрятъ въ окно.

Глядятъ миллiонные хоры
На мiръ, на меня, на кровать.
Напрасно задергивать шторы,
Не стоитъ глаза закрывать.

Глядятъ они въ самое сердце
Гдѣ усталость и страхъ и тоска,
И бьется несчастное сердце
Какъ муха въ сѣтяхъ паука.

Когда же я стану поэтомъ
Настолько, чтобъ все презирать,
Настолько, чтобъ въ холодѣ этомъ
Безчувственнымъ свѣтомъ играть.

Мартъ 1923

432 Закрыта жарко печка,
Какой пустынный домъ,
Подъ абажуромъ свѣчка,
Окошко подо льдомъ.

Я выдумалъ все это,
И самъ боюсь теперь,
Ихъ нѣту, нѣту, нѣту.
Не вѣрь. Не вѣрь. Не вѣрь.

Подъ старою сосною,
Гдѣ слабый звѣздный свѣтъ -
Не знаю двое, трое
Или ихъ вовсе нѣтъ.

Въ оцѣпѣнѣньи ночи -
Тикъ-такъ. Тикъ-такъ. Тикъ-такъ.
И вытекшiя очи
Глядятъ въ окрестный мракъ,

На иней, на иней, на иней
/Или ихъ вовсе нѣтъ/,
На синiй, синiй, синiй
Младенческiй разсвѣтъ.

Мартъ 1923

433 Скажи, мой друг, скажи,
/Не надо лжи/
Скажи мне правду
Хоть раз один.

– Сказать я не могу
Я все равно солгу –
Так приказал мне
Мой Господин.

Скажи, мой друг, скажи,
/Не надо лжи/
Открой мне правду
О Нем хоть раз.

– О, еслиб я открыл,
Тебя бы ослепил
Блеск синих крыл
И черных глаз...

Декабрь 1926 г.

434 Угрозы ни к чему. Слезами не помочь.
Тревожный день погас и наступила ночь.

Последний слабый луч, торжественно и бледно
Сиявший миг назад – уже исчез бесследно.

Ночь. Значит надо спать. Кто знает – в смутном сне,
Быть может жизнь моя опять приснится мне.

И, сердце мертвое на миг, заставив биться,
Наш первый поцелуй блаженно повторится.

435 Это только бессмысленный рай,
Только песен растерянный лад –
Задыхайся душа и сгорай
Как закатные розы горят.

Задыхайся от нежных утрат
И сгорай от блаженных обид –
Это только сияющий ад
Золотые сады Гесперид.

Это – над ледяною водой
Это – сквозь холодеющий мрак –
Синей розой, печальной звездой
Погибающий светит маяк.

РАЗРОЗНЕННЫЯ СТРОФЫ

/1930/

I

436 И нѣтъ и да. Блеститъ звѣзда,
Сто тысячъ лѣтъ – все тотъ же свѣтъ.
Блеститъ звѣзда. Идутъ года,
Идутъ вѣка, а счастья нѣтъ...

Въ печальномъ мірѣ тишина,
Въ печальномъ мірѣ, сквозь эфиръ,
Сквозь вѣчный ледъ, летитъ весна
Съ букетомъ розъ – въ печальный міръ!

II

437 ...Облетаютъ бѣлила, тускнѣютъ румяна,
Догораетъ заря, отступаютъ моря –
Опускайся на самое дно океана
Безполезною, черною розой горя!

Все равно слишкомъ поздно. Всегда слишкомъ ран
"Догорѣли огни, облетѣли цвѣты" –
Опускайся на дно мірового тумана,
Въ непроглядную ночь міровой пустоты...

III

438 Безсонница которая насъ мучитъ,
Безсонница, похожая на сонъ.
Безсмыслица, которая насъ учитъ
Что есть одинъ законъ – ея законъ.

На блѣдномъ маревѣ абракадабры,
Въ мерцаньи фосфорическаго дна,
Больныя рыбы раздуваютъ жабры...

IV

439 Черныя вѣтки, шумъ океана,
Звѣзды такiя что больно смотрѣть,
Все это значитъ – поздно иль рано
Надо и намъ умереть...

V

440 Райской музыкой, грустной весной
Тишиной ты встаешь надо мной.

Твой торжественный шагъ узнаю,
Вижу черную славу твою,
Узнаю твой блаженный полетъ,
Стосаженный, сквозь розы и ледъ!...

VI

441 Въ совершенной пустотѣ,
Въ абсолютной чернотѣ –
Такъ же вѣетъ вѣтеръ свѣжiй,
Такъ же дышатъ розы тѣ же...

Тѣ же, да не тѣ.

442 В погожий день, вдоль сада проходя,
Юристик испугался вдруг дождя,
И говорит: - Хоть нет сейчас дождя,
Но может он пойти немного погодя,
Давайте-же, друзья, я лучше пережду
Вот этот дождик, в том саду.

Ницца 1930

443 Мир торжественный и томный -
Вот и твой последний час.
Догорай, пожар огромный,
Догорай без нас.

Мы уходим в вечность, в млечность
Звезд, сиявших зря,
Нас уводит в бесконечность
Черно желтая заря.

И потерянный, бездомный
Не оглянется назад.
- Догорай пожар огромный!
И не дрогнет факел темный,
Освещая ад.

444 Гаснетъ мiръ. Сiяетъ вечеръ.
Паруса. Шумятъ лѣса.
Человѣческiя рѣчи,
Ангельскiе голоса...

Человѣческое горе,
Ангельское торжество...
Только звѣзды. Только море.
Только. Больше ничего.

Безъ числа, сіяють свѣчи.
Слаще мгла. Колокола.
Чернымъ бархатомъ на плечи
Вѣчность звѣздная легла.

Тише... Это жизнь уходитъ,
Все любя, и все губя.
Слышишь? Это ночь уводитъ
Въ вѣчность звѣздную тебя.

445 Я люблю эти снѣжныя горы
На краю міровой пустоты.
Я люблю эти синіе взоры,
Гдѣ, какъ свѣтъ, отражаешься ты.
Но въ безсмысленной этой отчизнѣ
Я понять ничего не могу.
Только призраки молятъ о жизни;
Только розы цвѣтутъ на снѣгу,
Только линія вьется кривая,
Торжествуя надъ снѣжно-прямой,
И шумитъ чепуха міровая,
Ударяясь въ гранитъ міровой.

446 Обледенѣлые міры
Пронизываетъ боль тупая...
Извѣстны правила игры.
Живи, отъ нихъ не отступая:
Направо - тьма, налѣво - свѣтъ,
Надъ ними время и пространство.
Расчисленное постоянство...
А дальше?
Музыка и бредъ.
Дохнула бездна голубая,
Межъ "тѣмъ" и "этимъ" - рвется связь,
И обреченный, погибая,
Летитъ, орбиту огибая,
Въ метафизическую грязь.

ЯМБЫ.

I.

447 Какъ туча стала Іудея
И отвернулась отъ Христа...

Надменно кривятся уста
И души стынутъ, холодѣя.
Нѣтъ ясной цѣли. Пустота.

А тамъ – надъ Римомъ – сумракъ млечный –
Ни жизнь ни смерть. Ни свѣтъ ни тьма.
Какъ музыка или чума
Торжественно-безчеловѣчный...

II.

448 Все до конца перемѣнилось,
Все ново для прозрѣвшихъ глазъ.
Однимъ поэтамъ – въ сотый разъ –
Приснится то, что вѣчно снилось.

Но въ мiрѣ новые законы
И боги жертвы не хотятъ.
Напрасно въ пустоту летятъ
Орфея жалобные стоны –

Ихъ остановятъ электроны
И снова въ душу возвратятъ.

449 Час от часу. Год от году.
Про Россию, про свободу,
Про последнего царя.

Как в него прицеливали, –
Как его расстреливали.
Зря. Все зря.

Помолиться? Чтож молиться...
Только время длится, длится
Да горит заря.

Как ребята баловали,
Как штыком прикалывали –
Зря. Все зря.

ОТРЫВКИ

1.

450 Прощай. И скрипка падает из рук.
Прощай, мой друг. И музыка смолкает.
Жизнь размыкает на мгновенье круг
И наново, навеки замыкает...

2.

451 Упал крестоносец средь копий и дыма,
Упал не увидев Иерусалима.

У сердца прижата стальная перчатка
И на ухо шепчет ему лихорадка:

Зароют, зароют в глубокую яму,
Забудешь, забудешь Прекрасную Даму,

Забудешь все Божье и все человечье...
И львинное сердце дрожит как овечье.

3.

452 Все на свете очень сложно
И всего сложнее мы.
Все на свете невозможно
Кроме музыки и тьмы.

Все на свете очень просто,
Да и мы совсем просты:
Сосчитай, не сбившись, до ста
В звонком мире пустоты.

Задрожишь... Как снег растаешь...
Восхитишься чем ты стал...
Только нет - не сосчитаешь,
Как никто не сосчитал.

453 Она летит, весна чужая,
Она поет, весна.
Она несется, обнажая
Глухие корни сна.

И ты ее, покойник храбрый,
Простишь иль не простишь -
Подхвачен солнечною шваброй,
В канаву полетишь.

И как простить? Она чужая,
Она дитя зимы
Летит, поет уничтожая
Все что любили мы.

1944 - 45 Биарриц.

454 Синие сумерки этой страны...
Всюду куда ни посмотришь - снега.
Жизнь положив на весы,
Вижу, что жизнь мне не так дорога

И не страшны мне ночные часы
Или почти не страшны.

Холодно. В сумерках этой страны
Гибнут друзья, торжествуют враги.
Светятся в небе пустом
Белые звезды над черным крестом

И не слышны голоса и шаги
Или почти не слышны.

1944 - 45 Биарриц

455

Видишь мост. За этим мостом
Есть тропинка в лесу густом.
Если хочешь - иди по ней
Много тысяч ночей и дней.
Будешь есть чернику и мох,
Будут ноги твои в крови -
Но за то твой последний вздох
Долетит до твоей любви.

Видишь дом. Это дом такой,
Где устали ждать покой,
Тихий дом из синего льда,
Где цветут левкои всегда.
...Поглядишь с балкона на юг,
Мост увидишь и дальний лес,
И не вспомнишь даже, мой друг,
Что твой свет навсегда исчез.

1946

456

Все еще дышу, люблю,
Многое еще стерплю.
    Но о том, зачем дышу,
    Ямбами не напишу.
Но того, кого люблю,
Музыкой не оскорблю.

457 Вот дуры едут в первом классе,
Не думая о смертном часе.
Когда настанет смертный час,
На что вам будет первый класс?

458 Скользит машина возле сада,
И мы въезжаем на курорт:
Так вот она, граница ада, –
На перекрестке встречный чорт.

С давно забытым благородством
Он пожимает руку мне,
Гордясь усами и уродством,
И вообще семейным сходством
С тем, что царит в моей стране.

Август 1948

459 Умер булочник сосѣд.
На поминках выпил дѣд.
Пил старик молодцевато, —
Хлоп, да хлоп — и ничего.
Ночью было туговато,
Утром стало не того, —
Надобно опохмелиться.
Начал дѣдушка молиться:
"Аллилуйя, аль-люли,
Боже, водочки пошли!"
Дождик льет, собака лает,
Водки Бог не посылает.
"Аллилуйя! Как же так —
Нешто жаль Ему пятак?"
Пятаков у Бога много,
Но просить-то надо Бога

Раз и два, и двадцать пять,
И еще, и опять
Помолиться, попоститься,
Оказать Ему почет,
Перед тѣм как угоститься
На Его небесный счет.

460 Собиратели марок, эстеты,
Рыболовы с Великой рѣки,
Чемпіоны вечерней газеты,
Футболисты, биржевики;

Всѣ кто ходят в кино и театры,
Всѣ кто ѣздят в метро и в такси;
Хочешь, чучело, нос Клеопатры?
Хочешь быть Муссолини? — Проси!

И просили и получали,
Только мы почему-то с тобой
Не словчились, не перекричали
В утомительной схваткѣ с судьбой.

1948.

461 Россия тридцать лет живет в тюрьме,
На Соловках или на Колыме.

И лишь на Колыме и Соловках,
Россия та, что будет жить в веках.

Всё остальное - планетарный ад,
Проклятый Кремль, злощастный Сталинград -
Заслуживает только одного:
Огня испепелящего его.

462 Несколько поэтов. Достоевский.
Несколько царей. Орел двуглавый.
И – державная дорога – Невский...
Что нам делать с этой бывшей Славой?
Бывшей, павшей, обманувшей, сгнившей...

... Широка на Соловки дорога,
Где народ, свободе изменивший,
Ищет, в муках, Родину и Бога.

Тамаре Карсавиной.

/Надпись на книге/.

463 Вот, дорогая, прочтите глазами газели,
Теми глазами, что весь Петербург чаровали
В лунном сияньи последнего акта Жизели,
Или в накуренном, тесном, волшебном "Привале".
Имя Карсавиной... В этом сияющем звуке
Прежнее русское счастье по новому снится.
Я говорю Вам, целуя прекрасные руки –
– Мир изменился, но Вы не могли измениться.

Май 1950 г.

Т. Смоленской

464 Человѣк природно-мелкій,
Разносолов не ища,
Я довольствуюсь тарелкой
Разогрѣтаго борща.

Но, когда тарелку супа
Подаешь мнѣ, Тася, ты
Для меня (пусть это глупо!)
В нем капуста — как цвѣты.

От того ли? От сего ли?
Добровольно? Поневолѣ? —
Я в Твой борщъ всегда влюблен
И — когда он не досолен
И — когда пересолен.

1950.

465 Я не знал никогда ни любви, ни участья.
Объясни – что такое хваленое счастье,
О котором поэты толкуют века?
Постараюсь, хотя это здорово трудно:
Как слепому расскажешь о цвете цветка,
Что в нем ало, что розово, что изумрудно?

Счастье – это глухая, ночная река,
По которой плывем мы, пока не утонем,
На обманчивый свет огонька, светляка...
Или вот:
У всего на земле есть синоним,
Патентованный ключ для любого замка –
Ледяное, волшебное слово: Т о с к а.

1950.

466 С пышно развевающимся флагом,
Точно броненосец по волнам,
Точно робот, отвлеченным шагом,
Музыка пошла навстречу нам.

Неохотно, неспеша, не сразу,
Прозревая, но еще слепа, –
Повинуется ее приказу
Чинно разодетая толпа.

Всё спокойно. Декольте и фраки,
Сдержанно, как на большом балу,
Слушают в прозрачном полумраке
Смерти и бессмертию хвалу.

Только в ложе молодая дама
Вздрогнула - и что-то поняла.
Поздно... Мертвые не имут срама
И не знают ни добра ни зла!

Поздно... Слейся с мировою болью.
Страшно жить, страшнее умереть...
Холодно. И шубкою собольей
Зябнувшего сердца не согреть.

1950

467 На один восхитительный миг,
Словно отблеск заката - рассвета,
Словно чайки серебряный крик,
Мне однажды почудилось это.
Просияли - как счастье во сне -
Невозможная встреча - прощанье -
То, что было обещано мне,
То, в чем Бог не сдержал обещанья.

1952

468 СТАНСЫ

Родная моя земля, - за что тебя погубили?

Зинаида Гиппiус.

I.

1.

Судьба одних была страшна
Судьба других была блестяща.
И осѣняла всѣх одна
Россiи сказочная чаща.

2.

Но Император сходит с трона,
Прощая все, со всѣм простясь,
И меркнет Русская корона
В февральскую скатившись грязь.

3.

... Двухсотмиллiонная Россiя, –
"Рай пролетарскаго труда",
Благоухает борода
И патриарха Алексия.
....

4.

Погоны свѣтятся, как встарь
На каждом красном командирѣ,
И на кремлевском тронѣ "царь"
В коммунистическом мундирѣ.

5.

... Протест сегодня безполезный, –
Побѣды завтрашней залог!
Стучите в занавѣс желѣзный,
Кричите: "Да воскреснет Бог!"

II.

1.

... И вот лежит на пышном пьедесталѣ
Меж красных звѣзд, в сiяющем гробу,
"Великiй из великих" – Оська Сталин,
Всѣх цезарей превозойдя судьбу.

2.

И перед ним в почетном караулѣ,
Стоят народа меньшiе "отцы",
Тѣ, что страну в баранiй рог согнули, –
Еще вожди, но тоже мертвецы.

3.

Какiя отвратительныя рожи
Кривые рты, нескладныя тѣла:
Вот Молотов. Вот Берiя, похожiй
На вурдалака, ждущаго кола...

4.

В безмолвiи у Сталинскаго праха
Они дрожат. Они дрожат от страха,
Угрюмо морща некрещеный лоб, -
И перед ними высится, как плаха,
Проклятаго "вождя", - проклятый гроб.

Первое стихотворенiе написано незадолго до смерти Сталина, второе вскорѣ послѣ его смерти.

Г. И.

469 Деревья, автомобили,
Лягушки в пруду поют,
... Сегодня меня убили
Завтра тебя убьют.

Ну мало ли что бывает,
Мало ли что бывало -
Вот облако проплывает,
Проплывает, как проплывало...

470 История. Время. Пространство.
Людские слова и дела.
Полвека войны. Христианства
Двухтысячелетняя мгла.

Пора бы и угомониться...
Но думает каждый - постой,
А, может быть, мне и приснится
Бессмертия сон золотой!

1954

471

Мимозы солнечные ветки
Грустят в неоновом чаду,
Хрустят карминные креветки,
Вино туманится во льду.

Всё это было, было, было...
Всё это будет, будет бу...

Как знать? Судьба нас не взлюбила?
Иль мы обставили судьбу?

И без лакейского почету
Смываемся из мира бед,
Так и не заплатив по счету
За недоеденный обед.

1955

472

Жизнь продолжается рассудку вопреки.
На южном солнышке болтают старики:
— Московские балы... Симбирская погода...
Великая война... Керенская свобода...
И — скоро сорок лет у Франции в гостях.

Жужжанье в черепах и холодок в костях.
— Масонский заговор... Особенно евреи...
Печатались? А где? В каком Гиперборее?

...На мутном солнышке покой и благодать,
Они надеются, уже недолго ждать —
Воскреснет твердый знак, вернутся ять с фитою
И засияет жизнь эпохой золотою.

1955

473

Паспорт мой сгорел когда-то
В буреломе русских бед.
Он теперь дымок заката,
Шорох леса, лунный свет.

Он давно в помойной яме
Мирового горя сгнил,
И теперь скользит с ручьями
В полноводный, вечный Нил.

Для непомнящих Ива́нов,
Не имеюших родства,
Всё равно, какой Ива́нов,
Безразлично — трын-трава.
....

Красный флаг или трехцветный?
Божья воля или рок?
Не ответит безответный
Предрассветный ветерок.

ПЕЙЗАЖ

474 Перекисью водорода
Обесцвечена природа.

Догорают хризантемы
/Отголосок старой темы/.

Отголосок песни старой -
Под луной Пьеро с гитарой...

Всюду драма. Всюду убыль
Справа Сомов. Слева Врубель.

И, по самой серединке,
Кит, дошедший до сардинки.

Отощавший, обнищавший,
Сколько в прошлом обещавший!

В - до чего далеком - прошлом,
То ли звездном, то ли пошлом.

1955

475 Истории зловещий трюм,
Где наши поколенья маются,
Откуда наш шурум-бурум
К вершинам жизни поднимается,

И там на девственном снегу
Ложится черным слоем копоти...
"Довольно! Больше не могу!" –
Поставьте к стенке и ухлопайте!

1955

476 Памяти провалы и пустоты.
Я живу... Но как же так?.. Постой...
...Чайки ловко ловят нечистоты
Из волны лазурно-золотой.

Проглотив какую-нибудь пакость,
Весело взметают в синеву...
Малоутешительно — однако
Никаких сомнений: я живу!

1956

477 Никому я не враг и не друг.
Не люблю расцветающих роз,
Не люблю ни восторгов, ни мук,
Не люблю ни улыбок, ни слез.

А люблю только то, что цвело,
Отцвело и быльем поросло,
И томится теперь где-то там,
По его обманувшим мечтам.

1956

478 Построили и разорили Трою,
Построили и разорят Париж.
Что нужно человеку — не герою —
На склоне?.. Элегическая тишь.

Так почему всё с большим напряженьем,
Я жизнь люблю — чужую и свою —
Взволнован ею, как солдат сраженьем,
Которое окончится в ничью.

1956

479 Кавалергардский или Конный полк –
Литавры, трубы, боевая слава,
Простреленных штандартов дряхлый шелк,
Ура... Урра!.. Равнение направо!..
И Государь, в сияньи, на коне...
Кругом ни шороха, ни дуновенья...

...Так издали рисуются – не мне! –
Империи последние мгновенья.

1956

480 Повторяются дождик и снег,
Повторяются нежность и грусть,
То, что знает любой человек,
Что известно ему наизусть.

И, сквозь призраки русских берез,
Левитановски-ясный покой
Повторяет всё тот же вопрос:
"Как дошел ты до жизни такой"?

1956

481 И сорок лѣт спустя мы спорим,
Кто виноват и почему.
Так, в страшный час над Черным Морем
Россія рухнула во тьму.

Гостинодворцы, царедворцы
Во всю спасались рысь и прыть;
Безмолвствовали чудотворцы
Не в силах чуда совершить.

И начался героев — нищих
Голгофскій путь и торжество,
Непримиримость все простивших,
Не позабывших ничего.

М. В. Абельман

482 Я в вашем домѣ гость случайный,
Встрѣчались мы не много раз.
Но связывает нѣжной тайной
Поэзія обоих нас.

И вы, в вечернем вашем свѣтѣ, —
О, это так понятно мнѣ, —
Общаясь с Пушкиным и с Гете
Остались вѣрною веснѣ.

И в этом мірѣ зла и скуки,
Гдѣ грусть обоих нас томит,
Вам с нѣжностью цѣлует руки
Ваш преданный антисемит.

483 Я не хочу быть куклой восковой
Добычей плесени, червей и тленья,
Я не хочу могильною травой
Из мрака пробиваться сквозь каменья.
Над белым кладбищем сирень цветет,
Над белым кладбищем заря застыла,
И я не вздрогну, если скажут: "Вот
Георгия Иванова могила..."
И если ты - о нет, я не хочу -
Придешь сюда, ты принесешь мне розы,
Ты будешь плакать - я не отличу
От ветра и дождя, слова и слезы.

PART III

ПОСМЕРТНЫЙ ДНЕВНИК

1958

I

484 Александр Сергеевич, я о вас скучаю.
С вами посидеть бы, с вами б выпить чаю.
Вы бы говорили, я б, развесив уши
Слушал бы да слушал.

Вы мне все роднее, вы мне все дороже.
Александр Сергеевич, вам пришлось ведь тоже
Захлебнуться горем, злиться, презирать,
Вам пришлось ведь тоже трудно умирать.

II

485 Кошка крадется по светлой дорожке,
Много ли горя в кошачьей судьбе?
Думать об этой обмызганной кошке
Или о розах. Забыть о себе.

Вечер июльский томительно душен.
Небо в окне, как персидская шаль.
Даже к тебе я почти равнодушен,
Даже тебя мне почти уж не жаль.

III

486 Я жил как будто бы в тумане,
Я жил как будто бы во сне,
В мечтах, в трансцендентальном плане,
И вот пришлось проснуться мне.

Проснуться, чтоб увидеть ужас,
Чудовищность моей судьбы.
...О русском снеге, русской стуже...
Ах, если б, если б ... да кабы...

IV

487 Мне уж не придется впредь
Чистить зубы, щеки брить.
"Перед тем, как умереть
Надо же поговорить."

В вечность распахнулась дверь,
И "пора, мой друг, пора!"...
Просветлиться бы теперь,
Жизни прокричать ура!

Стариковски помудреть,
С миром душу примирить...
...Перед тем, как умереть
Не о чем мне говорить.

V

488 В громе ваших барабанов
Я сторонкой проходил --
В стадо золотых баранов
Не попал. Не угодил.

А хотелось, не скрываю --
Слава, деньги и почет.
В каторге я изнываю
Черным дням ведя подсчет.

Сколько их еще до смерти --
Три или четыре дня?
Ну, а всё-таки, поверьте,
Вспомните и вы меня.

VI

489 А может быть еще и не конец?
Терновый мученический венец
Еще мой мертвый не украсит лоб
И в fosse commune мой нищий ящик-гроб
Не сбросят в этом богомерзком Иере.

Могу ж я помечтать, по крайней мере,
Что я еще лет десять проживу,
Свою страну увижу наяву –
Нева и Волга, Невский и Арбат –
И буду я прославлен и богат,
Своей страны любимейший поэт...

Вздор! Ерунда! Ведь я давно отпет.
На что надеяться, о чем мечтать?
Я даже не могу с кровати встать.

VII

490 Воскресенье. Удушья прилив и отлив,
Стал я как-то не в меру бесстыдно болтлив.

Мне все хочется что-то свое досказать,
Объяснить, уточнить, разъяснить, доказать.

Мне с читателем хочется поговорить,
Всех, кто мне помогали – поблагодарить.

Есть такие прекрасные люди средь вас,
Им земной мой поклон в предпоследний мой час.

VIII

491 Ку-ку-реку или бре-ке-ке-ке?
Крыса в груди или жаба в руке?

Можно о розах, можно о пне.
Можно о том, что неможется мне.

Ну, и так далее. И потому,
Ангел мой, зла не желай никому.

Бедный мой ангел, прощай и прости!..
Дальше с тобою мне не по пути.

IX

492 Аспазия, всегда Аспазия,
Красивая до безобразия -
И ни на грош разнообразия.

А кто она такая?..
И кто такая Навзикая?..

Себя зевотой развлекая,
Лежу, как зверь больной, в берлоге я -
История и мифология.

А за окошком нудь и муть,
Хотелось бы и мне уснуть.
Нельзя - бессоница терзает.

Вот елочка, а вот и белочка,
Из-за сугроба вылезает,
Глядит немного оробелочка,
Орешки продает в кредит,
И по ночам прилежно спит.

X

493 Ночь как Сахара, как ад горяча,
Дымный рассвет. Полыхает свеча.
Вот начертил на блокнотном листке
Я Размахайчика в черном венке,
Лапки и хвостика тонкая нить...

"В смерти моей никого не винить".

XI

494 Ночных часов тяжелый рой.
Лежу измученный жарой
И снами, что уже не сны.
Из раскаленной тишины
Вдруг раздается хрупкий плач.

Кто плачет так? И почему?
Я вглядываюсь в злую тьму
И понимаю не спеша,
Что плачет так моя душа
От жалости и страха.
- Не надо. Нет, не плачь.
...О, если бы с размаха
Мне голову палач!

XII

495 На барабане б мне прогреметь -
Само-убийство.
О, если б посметь!
Если бы сил океанский прилив!
Друга, врага, да и прочих простив.
Без барабана. И вовсе не злой.
Узкою бритвой иль скользкой петлей.
- Страшно?.. А ты говорил - развлечение.
Видишь, дружок, как меняется мнение.

XIII

496 Дымные пятна соседних окон,
Розы под ветром вздыхают и гнутся.
Если б поверить, что жизнь это сон,
Что после смерти нельзя не проснуться.

Будет в раю - рай совсем голубой -
Ждать так прохладно, блаженно-беспечно
И никогда не расстаться с тобой!
Вечно с тобой. Понимаешь ли? Вечно...

XIV

497 Меня уносит океан
То к Петербургу, то к Парижу.
В ушах тимпан, в глазах туман,
Сквозь них я слушаю и вижу -

Сияет соловьями ночь,
И звезды, как снежинки тают,
И души – им нельзя помочь –
Со стоном улетают прочь,
Со стоном в вечность улетают.

XV

498 Зачем, как шальные, свистят соловьи,
Всю южную ночь до рассвета?
Зачем драгоценные плечи твои...
Зачем?.. Но не будет ответа.

Не будет ответа на вечный вопрос
О смерти, любви и страданьи.
Но вместо ответа над ворохом роз,
Омытое ливнями звуков и слез,
        Сияет воспоминанье
О том, чем я вовсе и не дорожил
Когда на земле я томился. И жил.

XVI

499 Все розы увяли. И пальма замерзла.
По мертвому саду я тихо иду
И слышу, как в небе по азбуке Морзе
Звезда выкликает звезду,
И мне – а не ей – обещает беду.

XVII

500 В зеркале сутулый, тощий,
Складки у бессонных глаз.
Это всё гораздо проще,
Будничнее во сто раз.

Будничнее и беднее –
Зноен опаленный сад,

Дно зеркальное. На дне. И
Никаких путей назад:

Я уже спустился в ад.

XVIII

501 "Побрили Кикапу́ в последний раз,
Помыли Кикапу в последний раз!
Волос и крови полный таз
Да-с"

Не так... Забыл... Но Кикапу́
Меня бессмысленно тревожит,
Он больше ничего не может,
Как умереть. Висит в шкапу -
Не он висит, а мой пиджак -
И всё не то. И всё не так.

Да и причем бы тут кровавый таз?
"Побрили Кикапу в последний раз"...

Стихотворение художника Н.К. Чурляниса
1875 - 1911.

XIX

502 Было всё - и тюрьма, и сума.
В обладании полном ума,
В обладании полном таланта,
С распроклятой судьбой эмигранта
Умираю...

XX

503 Пароходы в море тонут,
Опускаются на дно.
Им в междупланетный омут
Окунуться не дано.

Сухо шелестит омела,
Тянет вечностью с планет...
... И кому какое дело,
Что меня на свете нет?

XXI

504 В ветвях олеандровых трель соловья.
Калитка захлопнулась с жалобным стуком.
Луна закатилась за тучи. А я
Кончаю земное хожденье по мукам,

Хожденье по мукам, что видел во сне -
С изгнаньем, любовью к тебе и грехами.
Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию - стихами.

XXII

505 "...И Леонид под Фермопилами,
Конечно, умер и за них".

Строка за строкой. Тоска. Облака.
Луна освещает приморские дали.
Бессильно лежит восковая рука
В сиянии лунном, на одеяле.
Удушливый вечер бессмысленно пуст,
Вот так же, в мученьях дойдя до предела,
Вот так же, как я, умирающий Пруст
Писал, задыхаясь. Какое мне дело
До Пруста и смерти его? Надоело!
Я знать не хочу ничего, никого!

...Московские елочки,
Снег. Рождество.
И вечер, - по русскому, - ласков и тих...
"И голубые комсомолочки..."
"Должно быть, умер и за них".

XXIII

506 Из спальни уносят лампу,
Но через пять минут
На тоненькой ножке
Лампа снова тут.

Как луна из тумана,
Так легка и бела,
И маленькая обезьяна
Спускается с потолка.

Серая обезьянка,
Мордочка с кулачек,
На спине шарманка,
На голове колпачек.

Садится и медленно крутит ручку
Старой, скрипучей шарманки своей,
И непонятная песня
Баюкает спящих детей:

"Из холода, снега и льда
Зимой расцветают цветы,
Весной цветы облетают
И дети легко умирают.
И чайки летят туда,
Где вечно цветут кресты
На холмиках свежих могилок,
Детей, убежавших в рай..."

О, пой еще, обезьянка!
Шарманка, играй, играй!

XXIV

507 А что такое вдохновенье?
- Так... Неожиданно, слегка
Сияющее дуновенье
Божественного ветерка.

Над кипарисом в сонном парке
Взмахнет крылами Азраил -
И Тютчев пишет без помарки
"Оратор римский говорил"...

XXV

508 Вас осуждать бы стал с какой же стати я
За то, что мне не повезло?
Уже давно пора забыть понятия:
Добро и зло.

Меня вы не спасли. По своему вы правы.
- Какой-то там поэт...
Ведь до поэзии, до вечной русской славы
Вам дела нет.

XXVI

509 За столько лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть отчего прийти в отчаянье
И мы в отчаянье пришли.

- В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни в церковке соседней,
По снегу русскому, домой.

XXVII

510 До нелепости смешно -
Так бесславно умереть,
Дать себя с земли стереть,
Как чернильное пятно!

Ну, а все-же, след чернил,
Разведенных кровью -
Как склонялся Азраил
Ночью к изголовью,

О мечтах и о грехах,
Странствиях по мукам –
Обнаружится в стихах
В назиданье внукам.

XXVIII

511 Отчаянье я превратил в игру –
О чем вздыхать и плакать в самом деле?
Ну, не забавно ли, что я умру
Не позже, чем на будущей неделе?

Умру, – хотя еще прожить я мог
Лет десять иль пожалуй даже двадцать.

Никто не пожалел. И не помог.
И вот приходится смываться.

Август 1958

XXIX

512 Для голодных собак понедельник,
А для прочего общества вторник.
И гуляет с метелкой бездельник,
Называется в вечности дворник.

Если некуда больше податься
И никак не добраться домой,
Так давай же шутить и смеяться,
Понедельнечный песик ты мой.

Август 1958

XXX

513 Теперь бы чуточку безпечности,
Взглянуть на Павловск из окна.
А разсужденія о вѣчности...
Да и кому она нужна?

Не избѣжать мнѣ неизбѣжности,
Но в блескѣ августовскаго дня
Мнѣ хочется немного нѣжности
От ненавидящих меня.

XXXI

514 Вечер. Может быть послѣдній
Пустозвонный вечер мой.
Я давно топчусь в передней, —
Мнѣ давно пора домой.

В горлѣ тошнотворный шарик,
Смерти вкус на языкѣ,
Электрическій фонарик,
Как звѣзда, горит в рукѣ.

Как звѣзда, что мнѣ свѣтила,
Путеводно предала,
Предала и утопила
В Средиземных волнах зла.

Август 1958 г.

XXXII

515 Вот елочка. А вот и белочка
Из-за сугроба вылезает,
Глядит немного оробелочка
И ничего не понимает -
Ну, абсолютно ничего.

Сверкают свечечки на елочке,
Блестят орешки золотые,
И в шубках новеньких с иголочки
Собрались жители лесные
Справлять достойно Рождество:
Лисицы, волки, медвежата,
Куницы, лоси остророгие
И прочие четвероногие.

... А белочка ушла куда-то,
Ушла куда глаза глядят
Куда Макар гонял телят,
Откуда нет путей назад,
Откуда нет возврата.

1958

XXXIII

516 Если б время остановить,
Чтобы день увеличился вдвое,
Перед смертью благословить
Всех живущих и все живое.

И у тех, кто обидел меня,
Попросить смиренно прощенья,
Чтобы вспыхнуло пламя огня
Милосердия и очищенья.

XXXIV

517 Ликование вечной, блаженной весны,
Упоительные соловьиные трели
И магический блеск средиземной луны
Головокружительно мне надоели.

Даже больше того. И совсем я не здесь
Не на юге, а в северной, царской столице.
Там остался я жить. Настоящий. Я – весь.
Эмигрантская быль мне всего только снится –
И Берлин, и Париж и постылая Ницца.

... Зимний день. Петербург. С Гумилевым вдвоем,
Вдоль замерзшей Невы, как по берегу Леты
Мы спокойно, классически просто идем,
Как попарно когда-то ходили поэты.

XXXV

518 Бороться против неизбежности
И злой судьбы мне не дано.
О, еслиб мне немного нежности
И вид на "Царское" в окно
На солнечную ту аллею,
Ту, по которой ты пришла.
Я даже вспоминать не смею,
Какой прелестной ты была
С большой охапкою сирени
Вся в белом, в белых башмаках,
Как за тобой струились тени
И ветра ласковый размах
Играл твоими волосами
И теребил твой черный бант...

– Но объясни, что стало с нами
И отчего я эмигрант?

XXXVI

519 В небе нежно таят облака:
Всё обдумано и всё понятно,
Если б не бессонная тоска
Здесь бы мне жилось почти приятно
И спокойно очень. По утру
Вкусно выпить кофе, прогуляться
И, затеяв сам с собой игру,
Средь мимоз и пальм мечтам предаться,
Чувствуя себя – вот здесь – в саду,
Как портрет без сходства в пышной раме...

Если бы забыть, что я иду
К смерти семимильными шагами.

XXXVII

520 Во сне я думаю о разном,
Но больше всё о безобразном,

О том, что лучше промолчать
Когда вам нечего сказать,

Что помнить следует об этом
Зря разболтавшимся поэтам.

XXXVIII

521 Поговори со мной еще немного,
Не засыпай до утренней зари.
Уже кончается моя дорога,
О говори со мною, говори!

Пускай прелестных звуков столкновенье,
Картавый, легкий голос твой
Преобразят стихотворенье
Последнее, написанное мной.

Август 1958

APPENDIX I

Abbreviations

G	=	Gornica
L	=	Lampada
O1	=	Otplyt'e na o. Citeru
O2	=	Otplytie na ostrov Citeru
P	=	Portret bez sxodstva
PD	=	Posmertnyj dnevnik
PS	=	Pamjatnik slavy
R	=	Rozy
S1	=	Sady, Petropolis 1921
S2	=	Sady, Efron, 1922?
St	=	1943–1956 Stixi
V1	=	Veresk 1916
V2	=	Veresk 1923

------

l.	=	line (lines)
o.	=	omitted
st.	=	stanza (stanzas)

NŽ	=	Novyj Žurnal (New York)
SZ	=	Sovremennye zapiski (Paris)

We used the generally accepted scholarly transliteration system.

Otplyt'e na o. Citeru

Mně tělo grěet" škura tigrovaja (Mečtatel'nyj pastux"), 3
G. 46 Prolog" o./ 1911 g.; L. 99–100 Prolog" o.

Zima vse čašče dělala promaxi (Rannjaja vesna), 6
G. 49 l. 6 o tom", čto/ l. 9 mně ty!/ 1911 g.; L. 49 as in G.

Luna vzošla sovsem" kak" u Vèrlena, 6
G. 40 l. 1 Verlena/ l. 2 Starinnaja, v" izyskannom uborě,/ 1911 g.; L. 48 l. 1 Verlena.

Otvergnuta ljubov' poèta (Otvergnutaja strast'), 7
G. 47 l. 8 bezserdečna ty!

Vorkujut" golubi premilo (Sčastlivyj priměr"), 8
G. 48 l. 8 větvej.

Amur" mně igraet" pěsni (Romans"), 9
G. 50 l. 3 interesněj,/ l. 7 Mně, pravo, kak"/ l. 19 interesněj,/ 1911 g.;
L. 101 l. 3 interesněj,/ l. 4 kogda-nibud'/ l. 7 kak-to/ l. 20 kogda-nibud'.

V" zaliv", zakatnoj krov'ju obagrennyj (Sonet"), 10
G. 51 Title and dedication o./ l. 13 vězdy/ 1911 g.

"Ljublju", – skazal" poèt" Temire (Triolet"), 11
G. 48 Title: 4 Utěšenīe (Fourth triolet instead of p. 8 "Cto plakat' o ljubvi nesčastnoj")/
l. 2 Ona otvětila: / l. 3 sladkostrunnoj/ l. 4 Temirě./ l. 8 otvětila:; L. 102 Title o./
l. 3 sladko-strunnoj.

Skakal" ja na svoem" koně k" tebě, o ljubov'. (Gazèlla), 11
G. 41 Title: Tri gazèlly./ Dedication: P.O. Bogdanovoj-Běl'skoj./ 1.; L. 105 Title:
Gazelly (p. 103) 3/ l. 5 rdjano-zolotym.

Sklonilis' na klumbax" tjul'pany (Vesennīe akkordy), 15
G. 56 Title o./ l. 3 mně kažetsja, budto/ 1911 g.; L. 34 as G., but 1911 g. o.

Na dvě časti tverd' raz"jata, 16
G. 55 1911 g.; L. 35 l. 7 odeta.

Zakoldovany utrom" doma (Utrom"), 17
L. 36 Title o./ l. 6 tixo, kak/ l. 8 bledno-rozovyj/ 1910. o.

Sněgom" napolnena urna fontana (Ottepel'), 17
G. 61 Title o./ 1911 g.; L. 37 l. 5 pěcal'noe, svetloe/ no date.

Kto otplyl" noč'ju v" more (Pesnja o pirate Ole), 18–19
L. 117–118 Razvinčennaja ballada o./ l. 11 signaly,/ l. 28 pylala./ break after st. 7 o.

Brodjat" ponuro (Osen'), 21
G. 52 Title o./ 1911 g.; L. 39 as G./ no date.

Měsjac" stal" nad" bělym" kostelom" (Večernija strofy), 22
G. 59 Dedication after title: B. S. Mosolovu./ l. 5 tumany.; L. 40 Title o.

Mertvuju devušku v polě našli (Osen' prišla . . .), 22
G. 60 1911 g.

Noč' světla i nebo v" jarkix" zvězdax" (Èlegīja), 23
G. 53 l. 1 svetla, i nebo/ l. 1 zvezdax",/ 1911 g.; L. 41 Title o./ l. 20 0, mečty.

On"–inok". On"–Božīj. I bukvy ustava (Osennij brat"), 24
G. 54 Title o./ 1911 g.; L. 42 Title o./ no date.

Ax", nebosvod" světlěe serdolika (Stansy)
G. 57 l. 1 serdolika,/ l. 3 brusnika,/ l. 7 pocělui –/ 1911 g.; L. 44 Title o./ 1. o./ l. 1 Ax", nebosklon/ l. 3 brusnika,/ l. 6 lebedej.

Maskarad" byl" davno, davno okončen", 25
G. 58 1911 g.; L. 43 2. o.

Vot"–pis'mo. Ja ego raspečataju, 25
L. 45 M. Kuzminu o./ l. 4 osen'ju statui.

Na port'er" zelenyj barxat" (U okna), 26
L. 47 l. 4 žrebij moj:

Oseni pir" k" koncu už" prixodit" (Oseni pir" . . .), 27
L. 46 Title and dedication o./ l. 7 ljubimoj./ l. 20 kamni bessil'naja.

Ukrěpilsja v" blagostnoj věrě ja (Sxima), 30
L. 69 Title o./ l. 6 mir,/ l. 7 sximoju./ l. 12 Učast' inaja.

Repeated without variants:

Amur" pronzil" menja strěloju (Vljublenie), 7 –– G. 47

Moej toski ne prevozmoč', 14 –– L. 33

Luna upala v" bezdnu noči, 18 –– L. 38

Vnov' syplet" osen' list'jami suximi, 30 –– L. 55

Gornica

Ja ne ljubim" ni kěm"! Pustaja osen'! 10
V1 59 l. 1 nikěm".; L. 28 l. 1 Pustaja osen'./ l. 2 vetki sred'/ l. 2 mgly,.

Vse bezdyxanněj, vse želtěj, 13
V2 45 l. 6 Struja, i/ l. 10 v" parkě, dik"/ l. 13 tlěniem", stoju.

Zděs' – vjalye poduški (Poluson")
V1 65–66 l. 4 oknom".; V2 48 as V1.

Poblekšim" zolotom", xolodnoj sinevoj, 15
V1 67 l. 6 xočetsja, čtob".; V2 49 as V1.

Na gruboj sinevě krutyja oblaka (Petr" v" Gollandii), 16
V1 68 l. 3 bašmaka./ l. 5 Poodal', v" storoně – veselyj rotozěj.; V2 50 Knižnyja ukrašenija and 1. o./ Dedication before title/ l. 3 bašmaka./ l. 5 as in V1.

Na lejpcigskoj raskrašennoj gravjurě, 17
V2 51 2. o./ st. 3 o.

Kakaja to mečtatel'naja ledi, 18
V1 71 l. 1 Kakaja-to/ l. 5 věer".; L. 29 l. 1 kakaja-to/ l. 2 okno,/ l. 5 veer. 3. o./

Tjaželyj vinograd" i jabloki, i slivy (Vaza s fruktami), 19
V1 72 l. 3 otlivy./ l. 9 xmělem".; V2 52 4. o./ l. 1 vinograd", i/ 1. 3 otlivy./ l. 9 xmělem".

Venecianskoe zerkalo starinnoe (Zastavka), 20
L. 30 5. o./ l. 2 Raznocvetnymi rozami uvitoe . . . / l. 4–5 gljancevitye Pered.

Kitajskiê drakony nad" Nevoj, 21
L. 96 l. 5 No, govorjat/ l. 7 blednyj, / l. 10 Rassvet Nevu stal'nuju ozarit,/ l. 11 trupa./ l. 12 Liš' krov' na kamennyx zubax gorit.

Stučat" dalekie kopyta (Osobnjak"), 22
L. 95 Title o./ l. 3 mramora serdito/ l. 4 l'vy,/ l. 9 No, čto.

Da, razmalevana pestro (Boltovnja zazyvajuščego v" balagan"), 23
V1 74–75 Dedication: O. Mandel'štamu./ After l. 24: Posylka.; L. 106–107 l. 5 povyše,/ l. 17 Pljaši, figljarskoe/ l. 20 Vakxanka,/ after l. 24: Posylka./ l. 25 0, kot.

U kruglyx" stolikov" tolpjatsja ital'jancy (Romatičeskaja taverna), 24
V1 76 l. 6 oborvancy:

Ja xrabrye marši igraju (Figljar"), 25
V1 77–78 l. 17 kogda-to.; L. 108 l. 2 kone./ l. 6 pogljadis':/ l. 17 kogda-to.

Snova solnečnoe plamja (Brodjačie aktery), 26
V1 79–80 l. 3 uzlami.; L. 110 Dedication o./ l. 7 verno,/ l. 17 Skorej padaj.

Ja krivljajus' večerom" na ėstradě 27 (cf. Soderžanie)
V1 81–82 In 5 st. of 4 l./ l. 5 obeščan",/ l. 6 tol'ko,/ l. 10 ni das'!/ l. 14 rěsnica.; V2 53 as V1.

Otčajannoju zlost'ju (Osennij fantom"), 28
V1 and V2 in 7 st. of 4 l., pp. 83–84 and 54–55 respectively.

Lomajuščijsja golos". Sineva (Uličnyj podrostok"), 29
V1 and V2 l. 4 pyl'naja l'/ l. 7 toj že/ l. 14 skryt",/ l. 15 godom" temnyj/; pp. 85 and 56 respectively.

Ja pomnju svody nizkago podvala, 30
V1 86–88 Title: Otryvok"/ In 8 st. of 6 l./ l. 19 tancovala/ l. 28 beril",/ l. 40 kolěni ty, blědna./ l. 43 gruzom"/ l. 44 goda.; L. 111–112 Title: Otryvok/ In 7 st. of 6 l./ l. 7 p'janeja/ l. 19 tancovala/ l. 28 berill,/ l. 32 kristall/ l. 33 jasnoj,/ l. 39 molča,/ l. 40 koleni ty, bledna./ l. 41 električestvo, i zelc'ju/ l. 42 zaxlesnula/ Last 6 lines o.

My–veselye gimnasty (Putešestvujuščie gimnasty), 32–33
V1 89–90 No st./ l. 28 trex"il'.; L. 115–116 l. 5 No xotja/ l. 28 trex il'.

Ja splju ešče, kogda s" rabočimi (Portovyj rabočij), 34
V1 91–92 Title: Portovoj rabočij./ l. 26 toske.

Dul" vlažnyj věter" vesennij (Akterka), 35
V1 93–94 l. 1 vesennij./ l. 6 Kosu svoju rasplela,/ l. 9 negromko.; V2 57 as V1.

Esli ty promolviš': "nět" " – razljublju (2.), 42
V1 98 Title: Gazelly. 1./ l. 10 beseď", "razljublju".; L. 103 l. 3 ty ubežiš'/ l. 5 tebja možno l'/ l. 7 Il'/ l. 10 besed, "razljublu"?

Ax" ugadat' ne v" silax" ja, čego xoču (3.), 43
V1 99 At top: 2./ l. 1 Ax", ugadat'.; L. 104 At top: 2./ l. 1 Ax, ugadat'/ l. 1 xoču,/ l. 8 Neutolimy/ l. 9 strel'by/ l. 11 . . . o.

Kak"někogda potrebovala Lila (Al'bomnyj sonet"), 44
V1 100 l. 14 vse ž".; L. 84 l. 8 Ne to, čto/ l. 13 prelesti i/ l. 14 vse ž/ Last six lines without break.

Gorlica pěla, a ja ne slušal", 62
V2 60 l. 11 gorjaščij, i.; O2 98 as V2.

Repeated without variants:

V" nebě nad" dymnymi dolami 9, V1 57, V2 42

Izmučen" noč'ju jadovitoj 11, V1 60, V2 43

Osennee nenast'e 12, V1 61–62, V2 44

Vse bezdyxanněj, vse zeltěj 13, V1 63–64

Na lejpcigskoj razkrašennoj gravjurě 17, V1 69–70

Venecianskoe zerkalo starinnoe 20, V1 73

Čem" osennij veter" zlee 36, V1 95–96

Pis'mo v" konvertě s" krasnoj prokladkoj 39, V1 97, V2 58

Čeremuxi cvěty v" spokojnyj prud" gljadjat" 45, V1 101, V2 59

Pamjatnik" Slavy

Kak" xorošo i grustno vspominat' (3.), 28
V1 25 3. and dedication o./ l. 2 O Flandrii/ l. 3 syn" – a/ l. 5 voda – blestit"/ l. 6 lodkoj – / l. 8 krotkij./ l. 10 nexrupkoj – / l. 11 gdě vozdux" paxnuščij smoloj.; V2 24 as V1, except l. 11 V" straně, gdě vozdux" napoen" smoloj.

Xotja i byl" ty nazvan" "Lětnij" (2. Viděnija v" Lětnem" Sadu), 48–50
L. 87–88 2. and dedication o./ l. 21 otblesk . . . / st. 7 o.
st. 8: No vot avrora zolotaja
Rastet i gasit fonari,
I prizraki blednejut, taja,
V xolodnom mareve zari.

Opjat' na ploščadi Dvorcovoj (4.), 53–54
L. 89 4. o.

Stolica spit". Tramvai ne zvenjat" (5.), 55–56
L. 90 5. o./ l. 8 pozabyta./ l. 22 Pod solnečnoju/ l. 24 stolicej.

U mosta nad" Nevoju plavnoj (6. K" pamjatniku Suvorova.), 57–58
L. 91 6. o./ Title: K pamjatniku./ l. 1 U mosta nad rekoju plavnoj,/ l. 6 syroj –/ l. 10 zvezd,/ l. 11 vsplyvaet.

Ušla uže za el'niki (2. Roždestvo v" skitu), 63–64
L. 64–65 2. o./ l. 11 dol'nye/ l. 26 groznaja.

My pololi sneg" moroznyj (4. Suženyj.), 67–68
L. 66–67 and title o./ l. 33–34 Vot on, vot on, dolgoždannyj! Mašet suženyj rukoj,/ l. 35 kakoj,/ l. 36 Černousyj, da rumjanyj.

Veresk"

My skučali zimoj, vljubljalis' vesnoju, 9
O2 95 l. 2 lětom",/ l. 6 blizka li?/ l. 8 gončimi proskakali./ l. 12 bolotnyj, dnem" tumannym.

Rastrepannye grozami – tjaželye duby, 11
V2 13 l. 10 starinnogo, kak budto, uznaju, –.

Kak" ja ljublju flamandskija panno, 12
V2 14 l. 7 grudu,.

O, prazdnestvo na beregu, 13
V2 15–16 l. 3 pleščutsja, im vtorja,/ l. 8 russkie – ljublju.

Kofejnik", saxarnica, bljudca, 16–17
L. 73–74 Divided in 9 st. of 4 l./ l. 5 Snačala tonen'koju/ l. 8 Černil/ l. 14 Gorjačej, černoju/ l. 16 sedoj./ l. 19 tem kak/ l. 20 lapkax služit/ l. 21 I stol'ko ruk i gub kasalos', l.22 Čaški, vas,/ l. 25 I vsex, i vsex/ l. 26 bezmolvnaja strana,/ l. 30 venki;/ l. 32 golubki. l. 33 Pastux ne/ l. 33 pozy,/ l. 34 storon.

Ijul' v" načalě. Solnce žžet" (Otryvok"), 18–22
V2 18–22 Dedication o./ l. 2 dali, zolotja,/ l. 6 oběd",/ l. 38 nož",/ l. 39 krov', krasna gorjača.

Kudrjavy lipy, nebo sine, 23–24
V2 23 Dedication o.

Vizža polzet" tjaželaja lebedka, 26
V2 25 l. 6 xlyst"./ l. 12 grifona.

Brosaet" devočka – kotenku, 29–30 (Skromnyj pejzaž")
V2 27 Dedication o.

Vizžat" gudki. Nesetsja rugan' s" barok", 33–34
V2 29–30 l. 8 Na kolokol'nju, čto v" dali vidna./ l. 18 Ferfaks"/ l. 19 i, nogoju topnu\

Bezpokojno segodnja moe odinočestvo, 38–39.
L. 75–76 l. 2 tišina . . . / l. 8 vidno pomeščik/ l. 13 spravit'sja/ l. 14 goda,/ l. 15 krasavica,/ l. 16 nikogda?/ l. 23 kabinete,/ l. 27 zlodejanijam,.

Vot" rošča i ukromnaja poljanka, 40
V2 32 l. 3 poseljanka.

Vse obrazuet" v" žizni krug", 42
V2 34 Divided in st. of 2 l./ l. 2 ruk",
O2 85–86 Divided in st. of 2 l./ l. 1 krug"/ l. 6 lamp" ne/ l. 7 Ravno lužajka/ l. 9 ran'. l. 10 serdca, kuda.

Uže suxogo sněga xlop'ja, 45–46
V2 37 l. 2 vysoty,.

Veselyj věter" gonit" led", 47–48
L. 94 l. 14 zarevoj,.

Nikakogo mně ne nužno raja, 53
V2 40 l. 5 Kak" v" istočnik" sladostnyj, v" kotorom"/ l. 6 Putnik", naklonivšijsja stradoj/ l. 7 Vidit"/ l. 8 Nebo, otražennoe.

Nastanut" xoloda, 58
L. 31 l. 6 ruč'ja,/ l. 10 vnov'./ l. 11 znoj.

Veresk" 2

Repeated without variants:

My skučali zimoj, vljubljalis' vesnoju 9, V2 11

Ameriki oborvannaja karta 10, V2 12

Poželtevšija gravjury 14–15, V 17

Na starom" dědovskom" kisetě 27–28, V 26

Vse v" žizni milo i prosto 31–32, V2 28

Citerskij golubok" i mal'čik" so svirěl'ju 35, V2 31

Šotlandija, tumannyj bereg" tvoj 41, V2 33

Už rybaki vernulis' s" lovli 43, V2 35, O2 87

Kak" drevnjaja likujuščaja slava 44, V2 36

Zakat" zolotoj. Sněga 49–50, V2 38

Vsě dni s" drugim", vsě dni ne s" vami 51–52, V2 39

O razstavan'i na mostu, 46
O2 88 l. 8 Uže semnadcatogo goda!

Sady (1)

Gde ty Selim i gde tvoja Zaira, 11
S2 7 l. 1 Selim", i.; O2 77 l. 1 Selim", i/ l. 2. luna.

Eolovoj arfoj vzdyxaet pečal', 12
S2 8 l. 7 tvoi/ Date 1921.; O2 78 l. 8 pokaty . . . / last st. o.

Ne o ljubvi prošu, ne o vesne poju, 13
S2 9 l. 2 odna, poslušaj/ l. 2 moju./ l. 11 uslyš', l. 12 ty teper' na/ l. 13 tvoim", gljadit"/ Date 1921.; O2 79–80 l. 2 odna, poslušaj/ l. 10 s" uma!/ l. 11 uslys',/ l. 12 gljadiš'./ l. 13 tvoim", gljadit".

Legkij mesjac blesnet nad krestami zabytyx mogil, 15–16
S2 10–11 l. 9 ona,/ l. 10 kukuški, il' kamnem", il'/ l. 12 drugie, v"/ l. 12 nežnosti, sblizjatsja guby . . . / Date 1921.; O2 81–82 l. 6 Ty podrugu zoveš', ty Irinoj ee nazyvaeš'/ as S2, but without date.

Gljadit pečal' ogromnymi glazami, 17–18
S2 13–14 l. 5 moja, ne/ l. 8 "Proščaj",/ Date: 1920.; O2 84 l. 5 moja, ne/ Space between l. 4 and 5/ l. 5 – Malinovka/ st. 2–4 o.

Tjaželye duby i kamni i voda, 19
S2 15 l. 8 zakat", bagrovyj/ l. 11 znaju, tam"/ l. 11 rokovoj,.

Ja razljubil vzyskujuščuju zemlju, 20–21
S2 16 l. 2 vnemlju,/ l. 5 jagody, i/ l. 11 kto prosto pel" i žil" –/ l. 13 šelk".

I penie pastušeskogo roga, 22
S2 17 l. 2 vdali,.

Prekrasnaja oxotnica Diana, 23
S2 18 Date 1920.

Uže bežit polnočnaja proxlada, 24–25
S2 19–20 l. 5 razluki!.

Krov' bežit po tomnym žilam, 26–27
S2 21–22 l. 3 milym",/ l. 6 kraj/ l. 15 magometanin"!/ l. 17 kože,/ l. 18 šelkovoj/ Date 1921.; O2 89–90 l. 3 milym",/ l. 6 kraj/ l. 13 'Ty želanna. – Ty želanen"./ l. 14 Ja vljublen". – Ja vljublena./ l. 16 vina./ l. 17 kože.

V seredine sentjabrja pogoda, 28–29
S2 23–24 l. 11 – Skoro, skoro/ l. 18 kovru./ Date 1921.; O2 101–102 l. 4 polna/ l. 10 Pogljadi duša/ l. 11 Skoro, skoro/ l. 12 Lebedjami/ l. 18 kovru.

Nakonec to povejala mne zolotaja svoboda, 30–31
S2 25 l. 8 v" čas", kogda/ l. 11 otbrosiv"/ Date 1920.

Zelenoju krov'ju dubov i mogil'noj travy, 34
S2 27 l. 3 "Uvy",/ Date 1921.; O2 94 l. 3 "Uvy",/ l. 6 nazad"./ l. 8 šumjat" . . . / st. 3 o.

Vnov' guby proiznosjat: "Muza", 35–36
S2 29–30 l. 5 mědi/ l. 11 Ona – prekrasna i bezumna –/ l. 19 Ona – bezumna i prekrasna –/ l. 22 strast', i volny, i/ Date 1920.

Iz oblaka, iz peny rozovatoj, 37–38
S2 31–32 l. 1 rozovatoj,/ l. 10 izdaleka,/ Date 1920.

Kak vymysel vostočnogo poèta, 39
S2 34 l. 1 poèta.; O2 96 l. 1 poèta,.

Oblako svernulos' klubkom, 41
S2 36 Date 1920.; O2 103 l. 5 èfir" . . . / l. 8 letja./ l. 9 – Imenem" ljubov' nazovi./ l. 10 – Imenem" nazvat' ne mogu./ l. 12 sněgu.

Ja vspomnil o tebe, moja mogila, 42
S2 37 l. 6 pelenu . . .

Derev'ja, parusa i oblaka, 43
S2 38 Date 1920.

Pogljadi bledno sinee nebo pokryto zvezdami, 44–45
S2 39–40 l. 1 blědno-sinee/ l. 1 zvězdami,/ l. 4 Sady Gesperid"./ l. 5 dorogě,/ l. 9 šumet', na/ l. 9 naběgaja,/ l. 13 dvoe./ Date 1921.; O2 99–100 l. 1 blědno-sinee/ l. 4 Sady Gesperid"/ l. 5 dorogě,/ l. 9 sumet', na/ l. 9 naběgaja,/ l. 10 rybaka./ l. 13 dvoe.

Teper' ja znaju vse voobražen'e, 46
S2 41 l. 1 znaju – vse.; O2 91 l. 1 znaju – vse/ l. 2 toska./ l. 8 nikogda.

Ja slušal muzyku, ne ponimaja, 47
S2 43 Date 1920.

V melanxoličeskie večera, 48
S2 44 Date 1920.

Luny osennej tajal polukrug, 49
S2 45 l. 3 – "Proščaj/ l. 7 – Ja / Date 1920.

My zjabnem ot osennego tumana, 50
S2 46 l. 5 Osiana/ l. 11 idet"./ l. 13 nam",.

Ot sumračnogo vdoxnoven'ja (Klod Lorren), 53–54
S2 48 Title o.; O2 92 Title o.

Opjat' zarja! Osennij veter vlažen (Petergof), 55
S2 49 l. 6 sijan'em" . . . / Date 1920.

Ne rajskaja raznocvetnaja pticka, 61
S2 54 l. 9 plačet"./ last 2 l. o.

Posle letnego doždja, 62–63
S2 55–56 l. 10 žemčuga./ l. 16 –" Nikuda.

Ešče molitvu povtorjajut guby, 64–65
S2 57–58 l. 18 šelk".

V Kuznecovskoj pestroj čaške, 66–67
S2 59–60 l. 2 krajami,.

Est' v litografijax starinnyx masterov, 68
S2 61 l. 1 litografijax" zabytyx" masterov".

Moja ljubov' ona vse ta že, 70–71
S2 63–64 l. 14 vorovskoj/ l. 18 Blestit" dalekaja zvězda. . .

Ja ne pojdu iskat' izmenčivoj sud'by, 73–74
S2 66 l. 2 lïany./ l. 3 klass".; O2 97 l. 2 lïany./ l. 3 klass",/ l. 5 topora/ l. 6 pticy.

Na zapade želteli oblaka, 79
S2 68 l. 10 sumrak" zolotoj.

Pravo, polden' sliškom žarok (Džon Vudlej), 80–85
S2 69–73 l. 11 oxladěla,/ l. 12 nevěrna./ Date 1916.

Repeated without variants:

Ja v glubine duši xranju stradan'e (Pesnja Medory) 32–33, S2 26

Mgnovennyj zvon stekla, xolodnyj plesk volny 51–52, S2 47

Niščie slepcy i kaleki 59–60, S2 53

Opjat' belila, sepija i saža 69, S2 62

Kogda skučna razvernutaja kniga 72, S2 65

Mne vse mereščitsja trevoga i zakat 76, S2 67

Sady (2)

Ottogo i tomit" menja šorox" travy, 12
O2 83 l. 12 razob'etsja./ Date o.

Xolodeet" osennee solnce, 28
O2 93 Date o.

Menja vlečet" obratno v" kraj Gafiza, 42

These two stanzas might be the continuation of the preceding three stanzas on page 41 (Teper' ja znaju – vse voobražen'e), in spite of the fact that they are omitted in S1 (cf. p. 46) and O2 (cf. p. 91) and appear separately in the Table of Contents in S2.

Lampada

•

The poems:

Tonkim l'dom zatjanuty lužicy (p. 8)

Zdes' voln Kocitovyx xolodnyj ropot gluše (p. 26)

Sneg uže poželtel i obtajal (p. 27)

Čem bol'še dnej za starymi plečami (p. 77)

were printed in "Niva" No. 41, 1913 under the titles

"Osen'ju", "Osvoboždenie", "Večerom", "Starost' ", respectively.

Rozy

Nad" zakatami i rozami, 7
O2 35 Date o.

Sinij večer" tixij vě̌ter", 9
O2 37 Date o.

Ne bylo izmeny. Tol'ko tišina., 11
O2 39 l. 10 vesna!

Pered" tě́m", kak" umeret', 13
O2 41 l. 1 tě́m" kak"/ Date o.

Ja slyšu – istorija i čelověčestvo, 14
O2 42 l. 9 vižu, – vně/ Date o.

Teplyj věter" věet" s" juga, 15–16
O2 43–44 Date o.

Černaja krov' iz" otkrytyx" žil", 18
O2 46 Space between l. 8 and 9.

Ěto tol'ko sinij ladan", 20–21
O2 48 l. 10 goluboj . . . / last five l. and date o.

V" sumrakě sčast'ja nevěrnago, 22
O2 49 Space between l. 7 and 8, 9 and 10, 11 and 12.

Uvjadan'em" ele tronut", 25
O2 50 l. 8 ruki, –/ Space between l. 10 and 11/ Date o.

Xorošo čto nět" Carja, 31
O2 56 No space between l. 9 and 10/ Space between l. 11 and 12/ Date o.

V" trinadcatom" godu, ešče ne ponimaja, 32
O2 57 l. 9 uveren" . . .

Rossija, Rossija "raboče-krest'janskaja" –, 33
O2 58 Date o.

Xolodno brodit' po světu, 34–35
O2 59–60 l. 14 ěto/ l. 15 – Kaplju/ Date o.

Po ulicam" razsějanno my brodim", 36
O2 61 l. 6 Operá.

Strast'? A esli nět" i strasti, 38
O2 63–64 Space between l. 8 and 9/ Date o.

Kak" skučno i vse že kak" xočetsja žit', 40
O2 65 l. 1 Kak" grustno i.

Janvar'skij den'. Na beregu Nevy, 46
O2 68 l. 3 uvy,/ l. 4 Salomeja./ Last 2 l. o.

Medlenno i neuvěrenno, 51–52
O2 71 l. 10 vstaet" kak".

Dal' grustna, jasna, xolodna, temna, 54
O2 l. 73 l. 9 nužna, ta čto.

The four poems V" komnatě tvoej (23–24), Tak" tixo gasnul" ètot" den'. Edva (41), Ne spitsja mně. Zažec' svěču? (43–44) and Utro bylo kak" utro. Nam" bylo dovol'no prijatno (50) are printed only in *Rozy*. The rest repeated in O2 without variants.

Portret bez Sxodstva

The collection **Portret bez sxodstva** was reprinted in *1943–1958* **Stixi** (pp. 19–50). Variants see below. The poems 1 Ja ne stal ne lučše i ne xuže, 2 Čto–ž poetom dolgo–li rodit'sja (p. 15); Šag napravo. Dva nalevo (p. 23) and Ostanovit'sja na mgnoven'e (p. 30) were omitted from the reprint in St. In the case of this last poem there are strong reasons in my opinion to assume that it is not a separate poem, but the continuation of Vostočnye poèty peli (p. 29), in spite of the omission and in spite of the fact that it is mentioned separately in the Table of Contents of P. (cf. p. 43). The poems Kak tuman na rassvete – čužaja duša and Pogovori so mnoj o pustjakax (p. 21) as well as Teper' tebja ne uničtožat (p. 24) were transferred in the reprint in St. from P. to the section Dnevnik (pp. 102 and 81 respectively). Added were in St.: Igra sud'by. Igra dobra i zla (p. 22) as second part of Drug druga otražajut zerkala (cf. P. p. 8) and five new poems to the section Rayon de Rayonne as Ns. 11–15 (cf. St. pp. 47–50).

Čto-to sbudetsja, čto-to ne sbudetsja, 7
St. 21 l. 1 ne sbudetsja./ l. 4 trava.

Drug druga otražajut zerkala, 8
St. 22 At head 1 (with 2 Igra sud'by. Igra dobra i zla. Cf. p. 221).

Gde prošlogodnij sneg, skažite mne?. . . , 9
St. 23 l. 4 beg,/ l. 7 V poèziju,/ last l. zadaval?

Voskresajut mertvecy, 10
St. 24 l. 2 otcy.

Mertvyj prosnetsja v mogile, 10–11
St. 24 l. 5 unyn'e?/ l. 6 domoj/ l. 7 . . . Tjanet. Not listed in Table of Contents of P.

Rasskazat' obo vsex mirovyx durakax, 12
St. 26. Not listed in Table of Contents of P.

Obraz polusotvorennyj, 13–14
St. 27 Last st. o. First l. not listed in Table of Contents of P. The first l. of second st. listed as if it were the beginning of a new poem on p. 14 (cf. P. p. 42).

V nagradu za moi grexi, 14
St. 27 No space between l. 7 and 8/ l. 8 – I ty.

Xolodno. V sumerkax ètoj strany, 16
St. 18 l. 1 Xolodno . . . V sumerkax.

Tixim večerom v tixom sadu, 16
St. 28 l. 8 dne.

Kazdoj noč'ju grozy, 17
St. 29 l. 6 vesna,/ space between l. 14 and 15/ no space between l. 20 and 21.

Poterjav daže v prošloe veru, 18
St. 30 l. 7 . . . Nikomu.

Otražaja volny golubogo sveta, 19
St. 31 l. 3 – Zadavaj/ l. 4 voprosov.

Ničego ne vernut'. I začem vozvraščat'?, 19
St. 31 l. 4 strana,.

Kak tuman na rassvete – čužaja duša, 21
St. 102 Dedication: I. O.

Pogovori so mnoj o pustjakax, 21
St. 102 Dedication: I. O.

Lunatik v pustotu gljadit, 22
St. 33 l. 9 vniman'ja!

Letnij večer prozračnyj i gruznyj, 22
St. 33 l. 1 gruznyj/ space between l. 3 and 4.

Po domu brodit polunočnik –, 26
St. 35 l. 8 živu,/ l. 10 grustja.

S besčelovečnoju sud'boj, 27
St. 36 l. 2 Kakoj že/ l. 4 No ètot/ l. 9 muravej –/ l. 12 vozdux,.

Esli by žit' . . . Tol'ko by žit', 28
St. 35 l. 5 dubinuška! . . / l. 8 penjat':/ no space between l. 8 and 9.

V dymu, v ogne, v sijan'i, v kruževax, 28
St. 36 l. 2 I veerax i strausovyx per'jax! . .

V konce koncov sud'ba ljubaja, 31
St. 38 l. 8 oblakov . . .

RAYON DE RAYONE 32 in St. correctly RAYON DE RAYONNE (39)

Portnoj obnovočku utjužit, 33
St. 42 l. 9 ruki . . . / l. 16 vperedi . . .

Po ulice unosit stružki, 36
St. 44 l. 6 beda . . . / l. 7 Kak.

Zazevaeš'sja mečtaja, 37
St. 44 l. 2 ruke –/ l. 6 voda,/ l. 8 beda:/ l. 12 Nezno, na.

Snova more, snova pal'my, 38
St. 45 l. 10 Ljubit vodu il' pesok?

V pyšnom dome grafa Zubova, 40
St. 46 l. 4 uletali i/ l. 9 . . . Abažur/ l. 13 – "Ètot.

Kak vy kogda-to razborčivy byli, 41
St. 47 Motto: Imja tebe neponjatnoe dali,
Ty zabyt'e.
Ili – točnee – cianistyj kalij
Imja tvoe.
Georgij Adamovič
l. 2 moi./ l. 3 pili, ee ne ljubili,/ l. 4 Njui./ l. 5 xlebom – cianistyj/ l. 7 Čto ž?/
l. 10 zagrobnom.

APPENDIX II

ОТПЛЫТЬЕ НА О. ЦИТЕРУ

СОДЕРЖАНIЕ.

Пьесы отмѣченныя * , появляются въ печати впервые.

ГОРНИЦА

СОДЕРЖАНІЕ.

17. Фигляръ.
18. Бродячіе актеры.
19. Я кривляюсь.
20. Осенній фантомъ.
21. Уличный подростокъ.
22. Я помню своды...
23. Путешествующіе гимнасты.
* 24. Портовыи рабочій.
25. Актерка.
* 26. Чѣмъ осенній вѣтеръ...

II. *27. Письмо въ конвертѣ.
28. Луна взошла...
29. Три газэллы.
1. Скакалъ я...
2. Если ты...
3. Ахъ угадать...
*32. Альбомный сонетъ.
33. Черемухи цвѣты...
34. Мечтательный пастухъ.
35. Тріолеты 1 - 4.
39. Ранняя весна.
40. Романсъ.
41. Въ заливъ...
42. Бродятъ понуро...
43. Элегія.
44. Онъ-инокъ...
45. На двѣ части твердь...
46. Склонились...
47. Стансы 1 - 2.
49. Вечернія строфы.
50. Осень пришла.
51. Снѣгомъ наполнена...
*52. Горлица пѣла...

Стихотворенія 1911 г. перепечатаны изъ книги Отплытіе на о. Цитеру. Стихотворенія отмѣченныя * , появляются въ печати впервые.

ПАМЯТНИК СЛАВЫ

ВЕРЕСК

СОДЕРЖАНIЕ

Стихотворенія 2-го отдѣла перепечатаны изъ разошедшейся, изданной въ ограниченномъ количествѣ книги Горница.

ВЕРЕСК 2

ИЗЪ Т. ГОТЬЕ, Ш. БОДЛЭРА и А. САМЭНА

С А Д Ы

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

II

САПЫ 2

I

II

ЛАМПАДА

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I.

II.

III.

IV

V

Стихотворения, отмеченные * , печатаются отдельным изданием впервые.

РОЗЫ

СОДЕРЖАНIЕ

ОТПЛЫТЬЕ НА ОСТРОВ ЦИТЕРУ

I

Стр.

II

III

Стихотворенія помѣщенныя въ первой части книги печатаются въ отдѣльномъ изданіи впервые. Вторая часть изъ сборника "Розы" /1931/. Третья часть изъ сборниковъ "Сады" /1921/ и "Верескъ" /1916/.

ПОРТРЕТ БЕЗ СХОДСТВА

ОГЛАВЛЕНИЕ

стран.

1943 – 1958 СТИХИ

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Стр.

RAYON DE RAYONNE

ДНЕВНИК

Стихи этой книги написаны Георгием Ивановым в Биарице (1943-1946), в Париже (1946-1951), в Монморанси (1951-1953) и в Йер-ле-Пальмье (1953-1958).

Titles of Poetry Collections in Chronological Order

Отплытье на о. Цитеру. Поэзы. Книга первая. Эго. С.- Петербург, 1912

Горница. Книга стихов. К-во "Гиперборей". С.- Петербург, 1914

Памятник славы. Стихотворения. К-во "Лукоморье". Петроград, 1915

Вереск. Вторая книга стихов. "Альциона". Москва-Петроград, 1916

Сады. Третья книга стихов. Петрополис. Петербург, 1921

Сады. Издательство С. Ефрон. Берлин. /1922?/

Лампада. Собрание стихотворений. Книга первая. "Мысль". Петроград, 1922

Вереск. Вторая книга стихов. Издание второе. Издательство З.И.Гржебина. Берлин/Петербург/ Москва, 1923

Розы. "Родник." Париж, 1931

Отплытие на остров Цитеру. Избранные стихи 1916-1936. Петрополис. Берлин, 1937

Портрет без сходства. Стихи. "Рифма", Париж, 1950

1943 - 1958 Стихи. Издание "Нового Журнала", Нью Иорк, 1958

For a nearly complete bibliography see Irina Agushi, "The Poetry of Georgij Ivanov", *Harvard Slavic Studies,* vol. V, Harvard University Press, Cambridge, mass. 1970, pp. 154–158.

APPENDIX III

Source References to Poems not included in the Collections

427. Niva, 1913, No. 41
428.–429. Both previously unpublished; written in 1919 or 1920. Irina Odoevceva comments upon them: No. 2 is the account of a "duel" betweet the poets Nikolaj Gumilev and Osip Mandel'štam over the actress Ol'ga Arbenina. "Ol'ga Arbenina – molodaja aktrisa Aleksandrinskogo Teatra byla podrugoj po gimnazii vtoroj ženy Gumileva i ego ljubovnicej v tečenii 19–20 g. Mandel'štam vljubilsja v nee, no ona vstretiv na novogodnem večere u Annenkova Jurija Jurkuna predpočla ego im oboim . . . " About No. 3: ". . . Gumilev, xotja i v šutku dejstvitel'no nazval Mandel'štama predatelem. No ssory meždu nimi ne bylo. 'Peripétij' vmesto 'peripetíj' skazal na odnoj iz svoix lekcij professor Braude" (from a private letter to us). In No. 3 there is certainly a clear allusion to Jurkun (cf. l. 10 "Jurk . . . "), and to O. Arbenina (cf. l. 11: ". . . kak ob *arbe ni noj*").
430. The text given here is the version of Irina Odoevceva in her book *Na beregax Nevy* (Victor Kamkin Inc. Washington D.C. 1967) pp. 409–411. Irina Odoevceva categorically declares that this "Ballad" was written by Georgij Ivanov *alone*, in spite of the fact that it was ascribed to Nikolaj Gumilev and Osip Mandel'štam or considered a collective work.
431. Èpopeja, (Berlin) 1923, No. 4, p. 22
432. Èpopeja, 1923, No. 4, p. 23
433. Novyj dom. Literaturnyj žurnal, (Paris) 1927, No. 3, p. 3
434. SZ, 1927, v. 31, p. 251
435. SZ, 1930, v. 44, pp. 214–215
436.–441. Čisla, (Paris) 1930–31, v. 4, pp. 7–9
442. Previously unpublished. Irina Odoevceva comments upon it: "Juristik – odin iz vydumannyx zverkov Georgija Ivanova, kak i Razmaxajčiki. Oni, kak on uverjal, učastvovali v ego zizni. O nix on upominaet i v 'Raspade atoma'." (Cf. "Raspad atoma," Pariž, 1938, pp. 49–53). "Razmaxajčik" is mentioned in PD, X. p. 286
443. SZ, 1932, v. 48, pp. 207–208
444. SZ, 1932, v. 50, p. 225
445. SZ, 1932, v. 50, p. 225
446. Čisla, 1933, v. 7–8, pp. 8–9
447.–448. SZ, 1933, v. 53, p. 210
449.–451. Krug. Al'manax, (Paris) 1936, pp. 114–115
452. Orion. Al'manax, (Paris) 1947, p. 15
453. Orion. Al'manax, 1947, p. 15
454. Russkij sbornik, kniga I, (Paris) 1946, p. 139
455. NŽ, 1949, v. 22, pp. 101–102
456. Previously unpublished, 1948(?) Written in a subway train in Paris.
457. Russkaja mysl', (Paris) October 18, 1958
458.–459. Vozroždenie, (Paris) 1958, v. 83, pp. 85–86
460. Vozroždenie, 1949, v. 5, p. 84
461. Vozroždenie, 1949, v. 5, p. 84*
462. Vozroždenie, 1950, v. 9, p. 81*
463. Vozroždenie, 1959, v. 86, p. 33
464. NŽ, 1951, v. 25, p. 131
465. NZ, 1951, v. 25, pp. 134–135
466. Opyty, (New York) 1953, No. 1, p. 35
467.–468. Vozroždenie, 1957, v. 64, pp. 42–43*
469. NŽ, 1954, v. 38, p. 158

470. Literaturnyj sovremennik. Al'manax (Munich), 1954, p. 37
471. NŽ, 1955, v. 42, p. 99
472. NŽ, 1955, v. 42, p. 101
473. NŽ, 1955, v. 42, p. 101
474. Opyty, 1955, No. 5, p. 3
475. NŽ, 1955, v. 42, p. 99
476. NŽ, 1956, v. 44, p. 62
477. NŽ, 1956, v. 44, p. 63
478. NŽ, 1956, v. 44, p. 63
479. NŽ, 1956, v. 44, p. 64
480. NŽ, 1956, v. 44, p. 64
481. Vozroždenie, 1959, v. 85, p. 43*
482. Vozroždenie, 1959, v. 85, p. 43
483. Irina Agushi, *The Poetry of Georgij Ivanov*, Radcliffe College, Cambridge, Mass. December 1960 (Diss.) p. 211. No date. Presumably sent to the author by Irina Odoevceva.

The poems marked * were reprinted in the periodical "Kontinent" No. 3 (Paris 1975) pp. 260–262 with the following variants:

461 without the last 4 lines;
462 l. 4 Čto mne delat' sètoj byvšej slavoj?
l. 5 Byvšej, padšej, izmenivšej, sgnivšej –
l. 7–8 No carju i Bogu izmenivšij Nedostoin ni carja, ni Boga.
468 l. 6 Prostivši vsex, so vsem prostjas',
l. 8 Quotation marks o.
l. 12 U patriarxa Aleksija. (Instead of the dots).
l. 15 Quotation marks o.
l. 18 Uspexov zavtrašnix zalog.
Part II. o.
481 l. 1 I tridcat' let spustja my sporim –
l. 8 Ne v silax čuda sotvorit'.
l. 9 I nastupil geroev niščix.

APPENDIX IV

Posmertnyj Dnevnik

This section contains 33 poems written by Georgij Ivanov shortly before his death. 27 of them have been published in "Novyj Žurnal", 2 in "Opyty", 2 in "Vozrozdenie", 1 poem appeared in "Russkaja Mysl' " 6 were sent to us by Irina Odoevceva and are being published here for the first time (for references see below). Irina Odoevceva sent us also 18 typescripts of poems (marked*), which were published in "Novyj Žurnal". We kept the order in which they appeared there, but the text of these 18 poems reproduces the versions of the typescripts, if variants occurred. The version of "Novyj Žurnal" is given below.

*	I.	NŽ, 1958, v. 54, p. 59; l. 1 . . . Aleksandr Sergeič/ l. 4 Slušal by da slušal, duša-doroguša. l. 5 doroze,/ l. 6 Aleksandr Sergeič
*	II.	NŽ, 1958, v. 54, p. 59; l. 5 Vecer tak dlinen i skucen i dusen.
	III.	NŽ, 1958, v. 54, p. 60.
	IV.	NŽ, 1958, v. 54, p. 60.
	V.	NŽ, 1958, v. 54, p. 61.
*	VI.	NŽ, 1958, v. 55, p. 101.
	VII.	NŽ, 1958, v. 55, p. 101.
*	VIII.	NŽ, 1958, v. 55, p. 102; l. 4 ne možetsja/ l. 8 s toboj
*	IX.	NŽ, 1958, v. 55, p. 102.
*	X.	NŽ, 1958, v. 55, p. 103.
*	XI.	NŽ, 1959, v. 56, p. 136.
*	XII.	NŽ, 1959, v. 56, p. 137.
*	XIII.	NŽ, 1959, v. 56, p. 137; l. 7 ne rasstanus'
*	XIV.	NŽ, 1959, v. 56, p. 138; l. 2 Parižu
*	XV.	NŽ, 1959, v. 56, p. 138; l. 3 tvoi,
*	XVI.	NŽ, 1959, v. 56, p. 138; l. 4 zvezdu
	XVII.	NŽ, 1959, v. 56, p. 139.
	XVIII.	NŽ, 1959, v. 56, p. 139.
	XIX.	NŽ, 1959, v. 56, p. 140.
*	XX.	NŽ, 1959, v. 58, p. 106.
	XXI.	NŽ, 1959, v. 58, p. 106.
*	XXII.	NŽ, 1960, v. 59, p. 20; l. 5 pust,
*	XXIII.	NŽ, 1960, v. 59, pp. 20–21.
*	XXIV.	NŽ, 1960, v. 61, p. 9; l. 8 "Orator drevnij govoril" . . .
*	XXV.	NŽ, 1960, v. 61, p. 9.
	XXVI.	This poem presents a certain problem. The text given here is taken from "Russkaja mysl' ", No. 2910, August 31, 1972, which apparently comes from the archives of Irina Odoevceva. NŽ, 1961, v. 63, p. 6 has: l. 1 Za sorok let/ l. 3 ot čego pridti/ l. 4 prišli –/ l. 5 poslednij, –/ l. 7 S obedni/ l. 7 sosednej/ l. 8 russkomu domoj. The same poem was reprinted in "Grani", (Munich) 1960, v. 46, p. 3 with the following variants: l. 1 Za tridcat' let takogo majan'ja/ l. 3 ot čego pridti v otčajan'e,/. The second stanza reads: Otčajan'e – uspokoenie Kak za gluxoj stenoj tjur'my – Nadeždy, straxa i volnenija Už ne ispytyvaem my. We were unable to find out, which text was preferred by G. Ivanov, or which was actually written by him

XXVII. NŽ, 1961, v. 63, p. 6; "Grani", 1960, v. 46, p. 3 has: l. 1 smešno/ l. 4 pjatno./ l. 6 krov'ju,/ l. 7–12:

(Kak sletaet Azrail
Noč'ju, k izgolov'ju,
O želan'jax, o grexax,
Stranstvijax po mukam)
Obnaružitsja v stixax
"V nazidan'e vnukam".

XXVIII. Opyty, 1958, v. 9, p. 3.
XXIX. Opyty, 1958, v. 9, p. 3.
XXX. Vozroždenie, 1959, v. 89, p. 32.
XXXI. Vozroždenie, 1959, v. 89, p. 32.
XXXII. Not previously published.
XXXIII. Russkaja Mysl', No. 2910, August 31, 1972.

INDEX OF FIRST LINES

The numbers following the first lines refer to pages

Моя любовь она все та же 129

analecta slavica

Edited by Heinrich Kunstmann and Vsevolod Setchkarev

Volumen 1

Jevgenij Francevič Šmurlo: Vvědenie v russkuju istoriju

Praha 1924. 180 pages. Paperbound DM 46.–

Volumen 2

Konstanty Troczyński: Zagadnienia Dynamiki Poezji

(= Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Prace Komisji Filologicznej. Tom VI. Zeszyt 1). Poznań 1934. 106 pages. Paperbound DM 27.–

Volumen 3

Lev Lunc: Vne zakona

Tragedija v 5 dejstvijach i 7 aktach 1921. – With an introduction by Heinrich Kunstmann. 92 pages. Paperbound DM 27.–

Volumen 4

Jevgenij Zamjatin: Ogni svjatogo Dominika

Berlin 1922

Obscestvo pocetnych zvonarej

Tragikomedija v 4-ch destvijach. Leningrad 1924
Both in 1 volume. – With an introduction by Alex M. Shane. 104 pages. Paperbound DM 35.–

Volumen 5

Heinrich Kunstmann (Hrsg.): Materialien zum polnischen Expressionismus

Band 1: Brzask epoki. W walce o nową sztukę. 1917–1919. Poznań 1920. – With an introduction by H. Kunstmann. 276 pages. Paperbound DM 62.–

Volumen 6

Socialistický realismus

Knihovna Levé fronty. Praha 1935. – With an introduction by George Bouron and Heinrich Kunstmann. 190 pages. Paperbound DM 48.–

Volumen 7

Stanisław Ignacy Witkiewicz: Wybór pism filozoficznych

Wybrali i opracowali: Janusz Degler i Bohdan Michalski Wstepem opatrzył: Bohdan Michalski. (IV) 227 pages. Paperbound DM 95.–

Volumen 8

Vasilij Rozanov: Temnyj lik

Metafizika christianstva. St. Peterburg 1911. – With an introduction by George Ivask. XVI, 285 pages. Paperbound DM 62.–

Volumen 9

Wacław Borowy: O poezji polskiej w wieku XVIII

Kraków 1948. – With an introduction by Wiktor Weintraub. (XII) 399 pages. Paperbound DM 85.–

Volumen 10 / I–III

U–čtvrtletník skupiny Blok

Edited by Bedřich Václavek, Peter Jilemnický, Ludvík Svoboda and Jiří Taufer. – With an introduction by George Bouron and Heinrich Kunstmann. Volume 1–3 (all publ.). Praha, 1936–1938. Paperbound DM 295.–

Konstantin Leont'ev

Sobranie sočinenij

Moskva 1912. Reprint 1975.
With an introduction by George Ivask
4 Toms. Paperbound DM 360.–

Tom 1 **Romany i povesti**
Podlipki / V svoem kraju / Ispoved' muža
666 pages. DM 100.–

Tom 2 **Iz žizni christian v Turcii povesti i razskazy**
Očerki Krita / Chrizo / Pembe / Chamid i Manoli / Palikar-Kostaki / Aspazija Lampridi / Kapitan Ilia / Jades
438 pages. DM 75.–

Tom 3 **Iz žizni christian v Turcii povesti i razskazy**
Sfakiot / Ditja duši / Egipetskij golup'
482 pages. DM 85.–

Tom 4 **Odissej Polichroniades (vospominanija zagorskago greka)**
608 pages. DM 100.–

